

**Программа Сотрудничества ЕС
и России (Тасис)**

**Promotion of Tolerance and
Improving Interethnic Relations,
Russia**

**Улучшение межэтнических
отношений и развитие
толерантности в России**

Валерий Тишков

Опыт этнологического мониторинга

Москва, 2004

Проект
Финансируется ЕС

Сеть этнологического
мониторинга и раннего
предупреждения
конфликтов (EAWARN)

Проект реализуется
Консорциумом,
возглавляемым
Немецко-русским
обменом (Германия)

Публикация осуществлена при финансовой
Поддержке Европейского Союза в рамках проекта
Программы сотрудничества ЕС и России (Тасис)
"Улучшение межэтнических отношений и развитие
толерантности в России" (№ 2002/030-499).

Содержание настоящей публикации является исключительно
мнением Немецко-русского обмена и может не совпадать
с официальной позицией Европейского Союза.

ISBN 5-201-00888-7

© Deutsch-Russischer Austausch e. V. 2004
© Tishkov 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Вводная статья. <i>Этномониторинг сложных обществ</i>	4

Раздел первый

Проблемы постсоветского десятилетия и мировой опыт

Многоязычные государства и конфликты на рубеже столетий.....	15
Национальные меньшинства в современном мире.....	36
Федерализм и этнический фактор на Северном Кавказе	42
Социально-культурный аспект терроризма	65
Межэтнические отношения и их восприятие в постсоветском пространстве.....	72
Трудное прощание с этнонационализмом	83
Управление культурным многообразием	92

Раздел второй

Этноконфессиональные проблемы в России и ее регионах

Что и как считать в многоязычной стране?	99
Политика цифр в переписи населения 2002 года.....	103
Язык и перепись.....	110
Уроки переписи	118
Перепись и идентичность	125
Российская перепись 2002 в этническом измерении.....	129
Минтимер Шаймиев: феномен республиканского лидера.....	150
Смутный язык приводит к смутной политике	153
Прощание с Миннацем.....	158
Закон о гражданстве, миграции и межэтнические отношения	161
Что делать с экстремизмом?	167
Есть ли конфликт в Марий Эл?	172
Об обновлении концепции национальной политики	179
Объяснение России.....	181
Террор и мораль.....	183

Предисловие

Эта книга содержит работы автора по актуальным этническим проблемам в Российской Федерации и в целом в пространстве бывшего СССР. В большинстве своем это статьи, которые были опубликованы в бюллетенях и в ежегодных докладах Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Книгу предваряет вводная статья о содержании этнологического мониторинга и об экспертном сообществе «Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов», которое было создано автором книги совместно с группой научных работников, общественных активистов, журналистов в 1993 году и которое до настоящего времени осуществляет мониторинг этноконфессиональных ситуаций в странах бывшего СССР и в регионах Российской Федерации. Сеть этнологического мониторинга является российским партнером и бенефициарием проекта ТАСИС «Улучшение межэтнических отношений в Российской Федерации».

Первый раздел книги содержит проблемные аналитические обзоры, которые были выполнены для ежегодных докладов Сети, а также другие работы автора. Они посвящены наиболее острым и сложным проблемам государство-строительства в странах СНГ и Балтии, миграций и миграционной политики, межэтнических отношений и конфликтов. Как правило, эти обзоры содержат анализ динамики последнего десятилетия и построены на учете мирового опыта существования государств с многоэтническим населением, особенно стран Европейского сообщества.

Второй раздел содержит вводные статьи в бюллетене и другие публикации автора по проблемам межэтнических отношений этнической политики в Российской Федерации, которые возникали в самые последние годы и которые нуждались в экспертной оценке для принятия более адекватных и эффективных управленческих решений. Это вопросы организации переписи населения с точки зрения учета этнического состава и языковой ситуации, миграционной политики и антимиграционизма, ксенофобии и терроризма, и другие.

Третий раздел включает реакцию автора на разные экстраординарные события в регионах Российской Федерации, которые носят сложный характер и имеют общероссийскую значимость (конфликт в Мари Эл, выборы в Татарстане, теракт в Беслане и другие).

В целом данная работа руководителя Сети и автора самой концепции и методики этноконфессионального мониторинга представляет интерес для ученых и экспертов, занимающихся этноконфессиональными проблемами, и для практических работников, принимающих решения и осуществляющих на практике политику в сфере межэтнических отношений.

Вводная статья. Этномониторинг сложных обществ

Смысл и цель мониторинга

Современный мир делится на государства – самые мощные и самые значимые социальные коалиции людей. Государства и их границы складывались под воздействием силовых, экономических, природно-ландшафтных и других факторов. Среди них важное место принадлежит культурным факторам, к которым относятся религия, этническая и расовая принадлежность, язык и историко-региональная отличительность населения. Как правило, проживающие в одном государстве люди имеют между собой больше культурной схожести в сравнении с населением соседних, а тем более – дальних стран. Само государство, чтобы оно могло успешно существовать, т.е. управляться и защищать свои интересы, должно обеспечивать систему кооперативных взаимоотношений между гражданами и между гражданами и бюрократией. Для этого в государстве устанавливаются и поддерживаются общие нормы по обеспечению культурной гомогенности, утверждаются общегражданская идентичность и лояльность населения по отношению к своей стране. На основе культурного многообразия и целостности территориальных сообществ в границах государственных образований складывается представление о нации или о народе, связанное с тем или иным государством.

Гомогенность и солидарность в разных государствах и в разные исторические моменты подвергаются вызовам со стороны этнических и религиозных меньшинств. Последние никогда не исчезают и образуют обязательную культурную сложность населения фактически всех государств мира. Мечта и политическая установка этнических националистов, чтобы административно-государственные и этнические границы совпадали, никогда не может быть реализована без кровавых этнических чисток и без территориальных перекроек. Государства существовали и будут существовать как культурно сложные по языку, религии и этнокультуре территориальные сообщества, как вместилища разных форм культурной идентичности на уровне страны, региональных сообществ и этнических групп.

Культурная отличительность и групповая идентификация очень значимы в жизни человека и общества в целом. Этничность и религия могут служить мощным средством политической мобилизации, важным фактором и условием гражданского согласия. В определенных условиях они выходят на передний план общественной жизни и по этим линиям раздела проходят общественные коллизии.

Таким образом, культурное многообразие – это сложный и динамичный феномен, значимый для стабильности и развития общества. Оно не может игнорироваться системой управления, включая государственную власть. Именно поэтому необходимы:

- а) адекватное понимание природы культурного многообразия, включая этническое и религиозное,
- б) выработка конструктивного отношения общества к данной стороне социальной жизни людей и коллективов,
- в) эффективная государственная политика в области управления культурным многообразием к пользе людей и государства.

Одним из механизмов решения этих управленческих задач является их экспертное обеспечение через этноконфессиональный мониторинг на уровне государств, регионов и местных сообществ. Под этноконфессиональным мониторингом и ранним предупреждением понимается основанная на локально-компаративном анализе способность оценивать социально-культурную и политическую ситуацию в многоэтничных странах, регионах и местных сообществах с целью сохранения и развития этнокультурного многообразия и определения существующей или потенциальной угрозы конфликта и способность донести соответствующую оценку для принятия превентивных мер со стороны общества и государства.

Этническая ситуация после СССР

Возникшие после распада СССР государства переживают сложный период глубоких социальных трансформаций и политических коллизий. Национализм «титовых» этнонаций, сепаратизм бывших советских «двойных меньшинств», политические манипуляции власти в Кремле и борьба элит в период распада СССР, были главными причинами вооруженных конфликтов в начале 1990-х годов в Азербайджане, Грузии, Молдове, Таджикистане. В России зоной конфликтов стал Северный Кавказ, где имели место межэтнический конфликт в Северной Осетии, вооруженный сепаратизм в Чечне и внешнее вмешательство сил религиозного экстремизма в регионе. Несмотря на некоторые общие предпосылки и характеристики, каждый конфликт имел свои конкретные причины и логику развития, а также крайне сложное по своим мотивам вовлечение в конфликт различных действующих лиц. Эта драматическая ситуация требовала адекватного экспертного анализа и выработки эффективных механизмов разрешения конфликтов и предотвращения новых коллизий.

Наиболее трудной для научного анализа и общественного управления является этнополитическая ситуация в России, население которой

имеет сложный этнорелигиозный состав. Из 145 млн. чел. около 80% составляют этнические русские (116 млн. чел.), остальные 20% – это представители примерно 100 этнических групп (в принятой классификации – «национальные меньшинства»), среди которых есть как многочисленные (татары – 5,5 млн. чел., украинцы – 2,9 млн., башкиры – 1,7 млн., чувашы – 1,6 млн., армяне – 1,1 млн., чеченцы – 1,3 млн.), так и малочисленные народы, особенно из числа аборигенных жителей Севера и Сибири. В последние 15 лет в Россию прибыло много мигрантов из стран бывшего СССР, Китая, Вьетнама.

По религиозным убеждениям большинство верующих россиян – православные, несколько миллионов мусульман, имеются последователи других христианских церквей, буддизма, иудаизма. Большинство представителей российских меньшинств проживает компактно на территориях исторического расселения (прежде всего Поволжья, Северного Кавказа и Сибири). Они имеют территориальные формы внутреннего самоопределения в виде республик и автономных округов, в которых обеспечивается представительство и развитие этнических культур. Некоторые национальности (армяне, белорусы, азербайджанцы, казахи, немцы, евреи, греки, корейцы и другие) расселены дисперсно, главным образом в городах, и они имеют национально-культурные формы самоопределения.

Предмет мониторинга и понимание конфликта

Что должно быть предметом мониторинга? Еще в начале 1990х годов высказывались предложения об организации в России этнологического мониторинга именно как мониторинга «состояния этносов» наподобие мониторинга за состоянием животного или растительного мира и особенно его видов, находящихся под угрозой исчезновения. Такой подход включает замеры неких объективных характеристик «самочувствия народов», различий между ними и оценку «межнациональных отношений». В плане такого рода мониторинга в России начали составляться многочисленные справочные работы на тему «сколько народов живет в России», «красные книги» народов и языков как неких вымирающих видов, а также выполнялись обширные и регулярные социологические обследования, особенно в российских республиках. Эти подходы сохраняют свою значимость, но они не раскрывают многообразную и ситуативно-подвижную природу этнического фактора в жизни людей и сообществ, а также не дают ответов в более сложных и динамичных ситуациях.

Предметом мониторинга, который мы называли этнологическим, а затем – этноконфессиональным, является не только состояние этнических культур, а состояние общественной среды, в которую должны быть вклю-

чены более широкие параметры – от экологии и демографии до общественных дебатов по вопросам интерпретации прошлого и современных проблем. Такой подход к анализу общества, в котором проживают и взаимодействуют люди одной гражданской принадлежности и одной национальной (российской, если речь идет о Российской Федерации) культуры, но с выраженными этническими или религиозными традициями и потребностями, представляется более адекватным и современным.

Используемая в Сети модель мониторинга ориентирована на взгляд на людские сообщества, в которых могут иметь место конфликты на основе культурных различий. Однако не сами различия чаще всего служат причиной напряженности и насилия, а более разнообразные факторы социального, политического и эмоционально-идеологического характера. Именно поэтому мы не являемся сторонниками понимания этнического конфликта как конфликта между этносами или народами и не стремимся дать типологию таких конфликтов как экономических, территориальных, политических, статусных и т.п. В каждой конфликтной ситуации присутствуют целый набор причин и аргументов. Причем, по мере развития конфликта причины, а тем более лозунги существенно меняются.

Отслеживая конфликтные ситуации, не следует придавать фундаментальную значимость самому конфликту, даже если некоторые из них могут длиться десятилетиями и обретать циклический характер. Конфликт, включая его открытую форму в виде вооруженной борьбы, представляет собой динамичную субстанцию. Уязвимыми являются определения конфликтов в сугубо этнических терминах (например, «ингушко-осетинский конфликт» или «русско-чеченская война»). Мы определяем этнический конфликт как любую форму гражданского противостояния, при которой хотя бы одна из конфликтующих сторон мобилизуется по этническим границам или от имени той или иной этнической общности.

Мониторинг религиозного фактора

В последние годы в предмет мониторинга культурно сложных сообществ России и других стран бывшего СССР включены новые приоритеты, связанные с ролью религиозного фактора и угрозой международного терроризма. Необходимо лучше понимать характер религиозности в постсоветских обществах. Религия и верования являются столь же значимой культурной характеристикой людей, как и этничность. Эти две субстанции связаны между собой и часто на основе религиозных различий формируются этнические идентичности (представления об отдельном народе) среди людей, обладающих одинаковыми языковыми и другими характеристиками. Религиозные различия по линии мировых

религий лежали в основе образования многих государств, и этот фактор до сих пор сохраняет свою значимость.

Последователи мировых религий, особенно христианства и мусульманства, жестко и даже жестоко обращались с неверующими или иноверцами, стремясь обратить их в свою веру. На этой почве происходили многие насильственные коллизии, включая религиозные войны. На территории бывшего СССР наиболее значимыми в прошлом были религиозные конфликты между исламом и православием в регионе Кавказа и Поволжья и между разными течениями христианства в регионе Прибалтики и западной Украины.

Особенностью постсоветского опыта является недавнее наследие атеистического правления большевиков, когда религия и религиозные институты были фактически устранены из жизни общества, сохраняясь в разной степени среди пожилого и сельского населения. От антирелигиозных гонений особенно сильно пострадали ислам, иудаизм, шаманские и другие языческие культы среди аборигенного населения. Феномен «религиозного возрождения» в России и в других странах бывшего СССР имеет впечатляющий характер по части восстановления храмов, создания религиозных общин и издания религиозных текстов. Однако процесс распространения среди населения религиозных верований и обрядов идет медленно. Их место занимают религиозные экстремисты и оккультисты разного толка.

Межрелигиозная нетерпимость в современном мире представляется анахронизмом, но это не значит, что она исчезла. На основе религиозной индоктринации формируются личности и группы, которые демонстрируют нетерпимость и фанатическую приверженность религиозным лозунгам. Одним из таких проявлений стал политический исламизм фундаменталистского толка. Именно лозунг установления исламского порядка на Кавказе и священной войны (газавата) против России стал почти главным аргументом вооруженной борьбы против государства в Чеченской Республике. На этой же основе рекрутируются члены незаконных вооруженных групп и исполнители террористических актов.

Мониторинг в этой сфере может установить кто, когда и где предпринимает действия по распространению идей религиозной нетерпимости и практики терроризма и кто совершает начальные шаги в сторону религиозной фанатичности или же террористической деятельности под лозунгом ислама.

Под конфессиональным мониторингом следует понимать регулярный анализ религиозных практик среди населения, условий для отправления религиозных убеждений и связанных с ними запросов, отношения общества и государства к вопросам религии, причин и форм межобщинной напряженности на основе религии, появления религиозной нетерпимости и ее использования в целях политики и насилия.

Модель мониторинга

Существуют разные методы наблюдения и анализа этнокультурных ситуаций и конфликтов в мире. Есть глобальные проекты, в поле зрения которых находится весь мир, и в котором, помимо ученых, принимают участие политики и общественные активисты. Обстоятельно и на долгосрочной основе осуществляется мониторинг положения этнических меньшинств и уязвимых культур малочисленных народов, сохраняющих во многом традиционные системы жизнеобеспечения. Из международных систем можно назвать проект группы ученых Мичиганского университета «Меньшинства в состоянии риска», который более 20 лет собирает данные по многим параметрам о положении меньшинств в разных государствах. Еще раньше возникли неправительственные организации «Культурное выживание», «Группа по правам меньшинств», «Международная рабочая группа по делам аборигенных народов».

Если американский проект опирается на метод количественной обработки данных, то деятельность вышеназванных НПО основывается на выпуске журналов, бюллетеней, подготовке ежегодных и специальных докладов по конкретным проблемам. Давнюю традицию имеет мониторинг вооруженных конфликтов, который опирается на разные методы в зависимости от предпочтений и интересов тех, кто его проводит. Американец Д. Зингер реализовал еще в конце 1970х гг. сравнительное исследование по причинам войн, которые имели место в истории, но эта методика плохо применима к современным конфликтам. Шведский Институт по проблемам мира и безопасности (СИПРИ) и норвежский Международный институт мира в Осло (PRIO) выполняют ежегодный анализ вооруженных конфликтов в мире, публикуя обзорные доклады и аналитические материалы. В последние годы стала применяться методика количественного анализа материалов СМИ, в частности методика замеров в прессе и новостных агентствах частоты упоминания проблемных ситуаций и событий. Ею пользуются американские ученые в рамках проекта «Глобальные данные» и Швейцарский фонд мира.

В Сети этнологического мониторинга используется сочетание двух подходов: качественного анализа на основе экспертных оценок и частичная формализация анализа и замер динамики ситуаций на основе модели из 46 индикаторов. Сеть использует нарративный анализ и публикует его в регулярных бюллетенях и в ежегодных докладах, а количественную обработку экспертных оценок. У этой методики есть свои плюсы, но и есть минусы. В отличие от методики замера интенсивности сообщений в СМИ, в нашей методике ключевая роль принадлежит эксперту. Его оценки лежат в основе нарративного анализа и количественной обработки экспертом оценок. Отсутствие проверочных процедур и параллельных оценок созда-

ет возможность ошибочных суждений при отсутствии у эксперта все полноты информации. В Сети имеются случаи, когда эксперт перестает проживать в регионе мониторинга, но сохраняет за собой право оценивать ситуацию. Даже в случае вполне адекватных оценок этот вариант снижает восприятие продукта Сети в самих регионах.

Идея индикаторов для выполнения обобщенного анализа не является новой. Ею пользуются разные структуры и организации. Первоначально было намерение использовать в адаптированном виде систему индикаторов, которую использовала аналитическая служба Верховного комиссара ООН по делам беженцев, но этот перечень излишне обширен. Он был создан для мониторинга миграционных ситуаций и имеет глобальный мировой разрез. Поэтому был составлен оригинальный перечень индикаторов, который ближе к ситуациям в регионе бывшего СССР и который имеет целью замерить общественный климат в многоэтничных государствах и отдельных регионах такой страны, как Россия. Этот перечень существует более десяти лет, но он остается достаточно адекватным.

Специальные исследования

Методика мониторинга Сети включает целевые прикладные исследования по крупным проблемам. За время деятельности Сети таковыми были исследования системы местного самоуправления в многоэтничных сообществах стран СНГ и мониторинг российской переписи населения 2002 года. Были подготовлены экспертные доклады «Пути мира на Северном Кавказе» (1999) и «Мир и порядок на Северном Кавказе» (2004). Эксперты Сети опубликовали индивидуальные исследования об этноконфессиональных ситуациях и этнокультурной политике в ряде стран (Азербайджан, Беларусь, Латвия, Таджикистан, Грузия, Узбекистан) и в российских регионах (Северный Кавказ, Чувашия, Башкирия, Тува, Карелия, Калмыкия, Оренбургская область, Томская область и другие). Библиография прикладных научных работ участников Сети насчитывает несколько сот названий. Коллектив экспертов Сети стал, по определению американской исследовательницы Кирстен Фут, «уникальным эпистемологическим сообществом».

Восприятие и воздействие мониторинга

После более чем десятилетнего существования можно задать вопрос: что удалось Сети этнологического мониторинга по части раннего предупреждения конфликтов и можно ли назвать примеры позитивного воздействия ее деятельности? Как воспринимаются результаты мониторинга, кто и как их использует, особенно в сфере государственного управления? Здесь уместно вспомнить, что история деятельности подобных сетей и эксперт-

ных групп, как и отдельных миссий по предотвращению и разрешению конфликтов имеет драматичную судьбу. Раннее предупреждение и предотвращение конфликта менее заметны, чем более грандиозные усилия по разрешению уже состоявшегося конфликта и по постконфликтному восстановлению. Несостоявшийся или предотвращенный конфликт воспринимается как само собой разумеющаяся ситуация. Точно также мало внимания привлекают позитивные практики, которые не позволяют возникать межгрупповой напряженности. Тем не менее, в этой незаметности и в косвенном влиянии скрывается одно из позитивных воздействий работы по раннему предупреждению конфликтов.

Все эти годы Сеть этнологического мониторинга прежде всего производила оригинальную информацию, которая сама по себе является ценностью для тех, кто принимает политические решения. Все эти годы материалы Сети служат источником для более углубленного научного анализа, и эта их роль будет сохраняться в будущем. Взвешенные и независимые оценки, а также рекомендации в адрес властей и других общественных сил привлекают внимание многих политиков и управленцев в России и в других странах. Подборки бюллетеней и ежегодных докладов можно найти в кабинетах членов Государственной Думы, работников Администрации президента РФ, в научных организациях.

Важным моментом в повышении практической направленности работы Сети является сотрудничество с Полномочным представителем Президента РФ по Приволжскому федеральному округу С.В. Кириенко и с министром РФ В.Ю. Зориним. С 2002 г. действует Поволжское региональное отделение Сети, которое осуществляет мониторинг на основе двухнедельных анализов. Для федерального министра и для Администрации Президента РФ в 2002-2003 гг. готовились квартальные оценки динамики этноконфессиональной ситуации в регионах России, где осуществляется мониторинг. Поскольку Сеть имеет международный характер, мы готовы сотрудничать с другими правительствами и международными структурами стран СНГ.

Учитывая обширный лист рассылки материалов, который, помимо представителей российской федеральной власти, включает посольства стран бывшего СССР, представительства российских республик, ведущие аналитические центры, результаты мониторинга используют политики самого разного уровня и большое число научных экспертов в России и в других странах. Запросы об отношении к работе Сети и о полезности ее материалов приносят самые позитивные ответы. Однако более регулярной обратной связи, а тем более заказа со стороны государственных структур или международных организаций Сеть не получала, за исключением ре-

комендации Администрации Президента РФ в адрес полномочных представителей в федеральных округах использовать ее продукцию

Такая ситуация является оптимальной, ибо именно политическая и финансовая самостоятельность позволяют осуществлять независимую экспертизу, в которой нуждается любое государственное управление, если оно желает быть эффективным. Существование параллельных и независимых источников информации всегда признавалось необходимым элементом эффективного общественного правления. В СССР и в постсоветских государствах такого опыта фактически не было, как и не было открытого изучения сферы этнополитики, ибо «национальный вопрос» считался решенным и воспринимался как особо чувствительная сфера.

Сеть этнологического мониторинга стала одним из важных моментов в становлении независимого анализа сферы этнополитики. В момент своего возникновения ее методика использования электронной почты и обмена информацией, а также финансовый источник в форме грантов Корпорации Карнеги Нью-Йорка, а затем – Фонда Маккартуров вызвали озабоченность специальных служб России. Руководитель Службы внешней разведки даже направлял президенту Б.Н. Ельцину специальное письмо по поводу, на его взгляд, неоднозначной деятельности Сети, результаты которой могут представлять собой «сбор информации двойного назначения». В письме содержалось предложение РАН «огосударствить» эту деятельность. Ответ Российской академии наук разъяснил суть руководимого российским ученым проекта и его независимый характер, несмотря на внешние источники финансовой поддержки. Однако настороженное отношение официальных российских властей к проекту сохранилось. Что же касается властей других государств, то резонно предположить аналогичное отношение и с их стороны, ибо для них действующая в Москве Сеть этнологического мониторинга может восприниматься как проводник интересов России. Именно по причине антироссийского синдрома в свое время отказались участвовать представители Грузии и Эстонии.

Частично можно понять тех грузинских или эстонских коллег, для которых было предпочтительнее сотрудничество по этому направлению под руководством американцев, но не представителя России. Однако со временем Сеть завоевала репутацию своим качественным продуктом, и сейчас не существует проблем с привлечением в работу Сети представителей любой из стран бывшего СССР.

Одним из продуктов деятельности Сети стало само сообщество экспертов России и стран СНГ по проблемам этнополитики, которого фактически не существовало десять лет тому назад. Ученые не умели писать для политиков, а политики не умели использовать результаты при-

кладного научного анализа, если только это были не «записки в директивные органы». Проблема научного обеспечения процесса принятия решений в области этнокультурной и конфессиональной политики была частично решена работой Сети, но только частично, ибо умение мыслить политически и независимо дается ученым не просто, как и не просто вырабатывается должное отношение политиков к независимому экспертному анализу. В этом направлении должно быть сделано что-то по-настоящему новое, чего до сих пор Сеть не сделала. Именно в этом направлении и государственные власти должны предпринять какие-то шаги или хотя бы послать сигналы своей заинтересованности и поддержки. Тогда у этноконфессионального мониторинга имеется благоприятная перспектива, независимо от того, кто оказывает ей финансовую поддержку.

Ноябрь 2004 г.

Раздел первый

ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ И МИРОВОЙ ОПЫТ

Многояэтничные государства и конфликты на рубеже столетий*

Как и бóльшая часть доклада, данная статья построена с учетом основных категорий модели этнологического мониторинга, которые были выработаны Сетью несколько лет тому назад и успешно используются при текущем анализе. Однако высказанные мною положения и оценки не являются некоей общей позицией авторского коллектива, а отражают мои собственные соображения. Этот же принцип относится ко всем другим материалам, публикуемым в данном докладе.

Территория, границы и ресурсы

Вопрос о территории и природных ресурсах имеет самое прямое отношение к состоянию межэтнических отношений и к возникновению конфликтных ситуаций, а открытые вооруженные конфликты почти всегда связаны именно с этими вопросами. Причем территория имеет не только утилитарное значение ресурса жизнеобеспечения, но и символический смысл, связанный с историко-культурными ценностями и историческим образом той или иной страны или «исторической территории» того или иного народа. Если говорить о территории в природно-географическом аспекте, то в современном мире размеры территории и заключенных на ней ресурсов становятся все менее значимыми для успешного существования государственных образований. Тем не менее, почти все государства, будучи прежде всего территориальными сообществами, четко оформляют территории границами и жестко их охраняют.

Распад СССР, где административные границы между союзными республиками не были делимитированы, вызвал сложную ситуацию в ряде регионов, особенно в Средней Азии. Во-первых, имеются спорные территории как в горной местности, так и в долинах рек и в оазисах. Попытки установить жесткий контроль вплоть до минирования пограничной полосы, как это сделал в одностороннем порядке Узбекистан на границах с Таджикистаном и Киргизией, приводят к лишениям, поборам и жертвам среди простого населения. Во-вторых, население постсоветских государств, особенно культурно родственное население приграничных районов, не желает признавать жесткие границы. Они мешают человеческим связям, ведению хозяйства, торговле. При упразднении СССР была сделана большая ошибка не только по части отступления от нулевого принципа гражданства, но и в отношении режима новых межгосударственных границ: требовался, как минимум, десятилетний период свободного передвижения и свободного выбора гражданства. Исправить ситуацию задним

числом невозможно, но один из выводов следует сделать. *Население будет уважать границы, если они будут открытыми.*

Казалось бы, открытость постсоветских межгосударственных границ противоречит стремлению государств укрепить свою безопасность и оградить себя от разрушительных внешних влияний со стороны экстремистских сил, в том числе бандитских вооруженных формирований. Но лучше установить более эффективное сотрудничество между властями, вооруженными силами и спецслужбами постсоветских стран, чем сооружать блокпосты и устанавливать мины. В последнем случае недовольство, конфликты и боевики будут порождаться по обе стороны колючей проволоки.

Постсоветские государства располагают разными территориями и природными ресурсами, и в принципе никаких значимых приращений или изъятий по этой части не произошло после распада СССР по линии границ бывших союзных республик. Если не считать того, что некоторые новые государства утратили контроль над частью своих территорий в результате вооруженных конфликтов сепаратистского типа. Это представляет собою одну из серьезнейших проблем для соответствующих стран и для всего Содружества Независимых Государств (СНГ), а отчасти и для международного сообщества. Если национальные правительства жестко настроены сохранять свою международно и взаимно признанную территориальную целостность, то надо полагать, что проблема сепаратистских регионов есть и останется в будущем одной из основных в контексте разрешения существующих конфликтов.

Почти все вооруженные конфликты этого типа произошли в первой половине 1990-х гг. и почти все они закончились своего рода военной победой сепаратистов, однако ни один из самопровозглашенных независимых регионов не достиг своей политической цели – создания признанных и самодостаточных суверенных государств. В то же время, никакая из этих территорий не возвращена полностью под контроль центральных правительств. Некоторые регионы превратились в военно-политические изоляты с налаженной в той или иной степени «блокадной» экономикой и с разными формами политического управления. Такая ситуация длится уже почти десятилетие и может длиться еще долго, что не означает разрешения конфликтов, а только их замораживание с постоянным риском нового цикла насилия. В Чечне это произошло через три года после окончания первой войны, и опыт 1999-2001 гг. по восстановлению конституционного порядка в этом регионе России показывает, насколько трудно отыгрывать назад упущенные ситуации, когда происходит утрата государственного суверенитета над территорией и разрушение существовавшего управления. Но и другой вариант – принятие явочного сепаратистского проекта – также оказывается бесперспек-

тивным. Постсоветские государства не примут второй раунд дезинтеграции. Что касается международного сообщества, то этот вариант приемлем для многих только в отношении России, которую поспешно зачислили в «новые империи». Однако Россия располагает достаточными ресурсами, чтобы отстоять собственную территориальную целостность.

В этой связи важнейшим уроком десятилетия является растущее понимание того, что *сам по себе раздел государств не решает важнейших вопросов экономического и социально-культурного преуспевания, а тем более самоопределения народов на этнической основе*. Плата за разделы, включая человеческие жертвы и материальные разрушения, оказывается гораздо большей, чем в случае избрания стратегии улучшения порядка управления, в том числе и решения проблем межэтнических отношений на основе внутреннего самоопределения и демократической системы управления. Югославский тупик и постсоветские ситуации знаменуют переосмысление всей проблемы меньшинств, которая доминировала во второй половине XX века и которая по инерции остается приоритетной для части европейского сообщества и постсоветского этнонационализма. Смысл этой переоценки состоит в том, что *единственный путь решения проблемы многоэтнических сообществ в ее территориальном аспекте – это не проведение новых границ, а поиск новых взаимно устраивающих формул общественной организации в рамках единой территории*.

Однако эта общая констатация не решает конкретных проблем урегулирования открытых конфликтов на территории бывшего СССР. Стратегически они могут решаться только двумя путями: разрушением сепаратистских режимов силовым навязыванием воли национальных государств или путем переговорного компромисса. В последние годы использовались оба эти варианта, но о полном успехе какого-либо одного из них говорить рано. Возможно, не только общая констатация странами СНГ уважения территориальной целостности, но и конкретные совместные меры по ее осуществлению способны переломить ситуацию. В любом случае сохранение статус-кво, т. е. состояние замороженности конфликтов, есть худший вариант с точки зрения исторической перспективы.

Применительно к внутренней российской ситуации территориальный вопрос также остается одним из конфликтогенных факторов, но его актуальность снижается в последние годы. Публиковавшаяся в самом начале 1990 х гг. некоторыми специалистами-географами «карта-страшилка» с потенциальными территориальными конфликтами оказалась блефом. На сегодняшний день между различными субъектами РФ нет территориальных споров, если не считать нерешенные проблемы последствий ингушско-осетинского конфликта. Отдельные требования

радикальных активистов переделать границы на «справедливые» не имеют массовой поддержки и не поддерживаются властями разного уровня. Это не означает, что таковых проблем и их возможной актуализации не существует. Их постоянный мониторинг и выработка адекватных реакций необходимы как в России, так и в других государствах.

В тоже время, внутригосударственные границы могут подвергаться изменениям, особенно если речь идет о границах местных сообществ. Последние во многом существуют и управляются по законам местного самоуправления, где большую роль играет этнокультурная однородность населения, хозяйственные и коммуникационные потребности, меняющаяся местная демография, а также представительские и избирательные процедуры. В ряде субъектов имели место вполне рациональные и согласованные решения по изменению местных границ. Эти процедуры должны осуществляться в правовых рамках и на основе волеизъявления. Могут и должны в данном случае учитываться и данные предстоящей в 2002 г. всеобщей переписи населения.

Гораздо сложнее обстоит дело с территориальными границами между субъектами федерации. Их значимость может несколько снизиться в связи с существованием федеральных округов, но не настолько, чтобы производить легкие преобразования, даже если они диктуются экономическими, политическими и другими аргументами. Нынешние границы этно-территориальных автономий (республик) представляются оптимальными, прежде всего, в силу историко-культурных и политических факторов. Но с некоторыми безобразиями государство должно покончить. Я имею в виду, например, хищническое истребление осетровых рыб на волжском отрезке в несколько километров, который является частью территории Республики Калмыкия. Никакими аргументами это не может быть оправдано, и если правительство того или иного субъекта не справляется с должным контролем подвластной ему территории, то оно должно быть лишено этого права во благо всего населения страны.

Что касается природных ресурсов, то на межгосударственном уровне в рамках СНГ и стран Балтии последнее десятилетие показало, что далеко не самые богатые страны добились наибольшего социально-экономического преуспевания, а тем более справедливого порядка использования ресурсов в интересах всего населения. Во многом ресурсы бывшего СССР продолжают использоваться совместно: от природных богатств выигрывают одни страны, другие пользуются преимуществами транспортных путей, третьи не имеют ни того, ни другого или не могут использовать ни то, ни другое преимущество. Если не считать ресурсы Каспия и среднеазиатскую воду, то спорных ресурсов в странах бывшего СССР не существует. Однако в перспективе возможно появление на-

пряженности в связи с аграрной перенаселенностью стран Средней Азии и их растущей потребностью в водных ресурсах. Эта проблема затрагивает не только сам регион, но и Россию как возможного донора этого жизненно важного ресурса.

В рамках Российской Федерации вопрос о распределении и использовании природных ресурсов между регионами более или менее решается конституционно-правовыми методами, а также политикой бюджетного федерализма и специальными программами помощи и развития. Но есть одна фундаментальная проблема, на которую обращается недостаточное внимание. Вполне понятно, что ресурсы распределены неравномерно: более богаты Север и Сибирь, менее богаты Юг и некоторые центральные регионы. Некоторые субъекты федерации бедны природными ресурсами, как, например, республики Северного Кавказа. Однако уровень жизни в том или ином субъекте часто не соответствует тем ресурсам, которыми располагает проживающее в нем население. Население субъектов-доноров должно жить лучше, чем население субъектов, получающих федеральные бюджетные дотации, а не наоборот. Иначе неизбежно будет возникать напряженность, в том числе и межэтнического характера.

В целом Россия располагает более чем достаточными природными ресурсами для обеспечения благополучного уровня социального существования. Для предотвращения внутренних конфликтов государство не должно допускать разительных различий в уровне жизни регионов, но и жесткое уравнивание или перекачка средств в некоторые республики в обмен на политическую лояльность не дадут позитивных результатов.

Демография и миграции

За последние десять лет в пространстве бывшего СССР демографическая ситуация отличалась двумя важнейшими тенденциями. Одна из них – это сокращение естественного роста населения большинства постсоветских государств за счет падения рождаемости и роста смертности. Сильнее всего эта тенденция проявилась в странах Балтии, Белоруссии, России, Украине и Армении. В других странах темпы роста населения остаются на прежнем уровне, в том числе и на высоком (в странах Средней Азии). С так называемой «шоковой терапией» или «обнищанием народа» сокращение естественного роста населения не связано, ибо в той же России наиболее высокая рождаемость наблюдается в республиках Северного Кавказа, особенно в сельских районах Дагестана, Ингушетии, Чечни, Карачаево-Черкесии. Непосредственно с проблемой межэтнических отношений и конфликтов ситуация с естественным ростом (или сокращением) населения не связана, хотя сами по себе

политическая нестабильность и открытые конфликты могут отрицательно сказываться на рождаемости и, конечно, сильно сказываются на смертности. Только в Чеченской республике прямые (от военных действий) и косвенные (от болезней и краха системы здравоохранения) потери могут исчисляться порядком не менее 100 тысяч человек.

Другое дело, что различия в уровне рождаемости проходят по этническим границам, иногда в пределах одного региона, местного сообщества и даже городского двора. Многодетность представителей одной национальности может вызывать опасения и негативное отношение представителей других национальностей, среди которых детность ниже, а это, в свою очередь, вызывает межэтническую напряженность. Некоторые специалисты и политики начинают строить пугающие прогнозы, а власти пытаются найти решения (зачастую – неадекватные) данной проблемы. В частности, в некоторых регионах и городах намеренно ограничиваются прописка, предоставление земельных участков и жилья, вводятся гласные и негласные ограничения на рынке труда. В редких случаях дело доходит даже до попыток под разными предлогами «выдавить» иноэтничную часть населения с более высокой рождаемостью. Это, например, относится к месхетинским туркам в южных регионах России. Всячески насаждается установка, что прибывшие из Средней Азии десять лет тому назад представители этой национальности должны вернуться на «свою историческую родину» в Грузию. Под влиянием безответственных активистов из числа самих месхетинских турок эту же позицию разделяет часть международного сообщества и Верховный комиссариат ООН по делам беженцев, выделивший Грузии средства на разработку закона о репатриации турок-месхетинцев. Тем временем подавляющее большинство этого населения уже прижились в России и не желают переезжать в Грузию, которую они в глаза никогда не видели и родиной своей не считают. Поэтому всякие проекты «репатриаций» в отношении бывших советских граждан в современных условиях являются насилием и представляют собою очередную депортацию. Что касается месхетинских турок, то их процент настолько мал в составе населения Краснодарского края, что даже самые высокие темпы рождаемости никакой угрозы не несут, а пользу для развития региона это население может принести огромную.

Излишне обостренное и политизированное отношение к вопросу разного уровня рождаемости среди российских народов никакого позитивного результата дать не может. В демографических процессах всегда будет своя собственная динамика, которую нужно воспринимать как нормальное явление и научиться приспосабливаться к новым реалиям, обращая их в свою пользу и не превращая в источник конфликтов. Московские дворы и классные комнаты уже изменились по сравнению с

тем, какими они были десять лет тому назад. Взрослым следует еще и поучиться тому, как умеют мирно играть и учиться вместе дети разных национальностей.

Следует знать (а может быть и не следует), что если брать только данные естественного движения населения (уровни рождаемости и смертности) по всей Российской Федерации за последнее десятилетие, то прогноз о составе «первой десятки» самых крупных народов страны через полвека выглядит следующим образом:

Таблица. Численность «первой десятки» народов в 1989–2050 гг.

народ	1989 год	народ	2050 год
русские	119865946	русские	79056063
татары	5522096	украинцы	13986143
украинцы	4362872	татары	10326813
чуваши	1773645	чеченцы	4363393
башкиры	1345273	армяне	3230728
белорусы	1206222	белорусы	2932661
мордва	1072939	казахи	2506314
чеченцы	898999	чуваши	2398354
немцы	842295	аварцы	2327865
удмурты	714833	узбеки	2215627

Однако этот расчет никогда не воплотится в жизнь, поскольку демографическая ситуация складывается не только в результате естественного движения населения, но и такой не менее важной составляющей, как миграция. А пропорции этнического состава определяются еще и процессами смены идентичности и перехода представителей одной группы в другую в результате брачного смешения и ассимиляции. В последнем процессе в России почти всегда выигрывали культурно и численно доминирующие русские. Несмотря на рост этнической идентичности среди нерусских народов России, эта тенденция в принципе сильно не изменилась. Русскость остается предпочтительной формой этнической идентификации в стране, и потомки смешанных браков чаще выбирают именно эту национальность.

Вторая важнейшая демографическая тенденция, влияющая на межэтнические отношения и конфликты, – это резкое изменение миграционных процессов в постсоветском пространстве. Мы не рассматриваем здесь миграции по линии село-город, хотя они тоже важны для осуществления качественного этнологического мониторинга, ибо часто то, что называют этническим конфликтом, есть конфликт, точнее, реванш села над городом, как это, например, произошло в Чечне, где город был преимущественно русским, а село – чеченским. Для нашего доклада более важен во-

прос о межгосударственном миграционном обмене и об этнических параметрах миграции. В этом плане прошедшее десятилетие было временем принципиально новых тенденций и явлений. Во-первых, произошел резкий рост миграционных потоков между новыми государствами и замедление внутригосударственных миграций, если не считать достаточно крупные вынужденные перемещения людей в результате вооруженных конфликтов и изменившейся политической и социально-психологической ситуации. Последние имели место в наиболее крупных масштабах в Азербайджане, Грузии, Таджикистане и России. В результате чеченской войны около половины населения Чечни (примерно 500 тысяч человек) выехало в другие регионы России. В Азербайджане примерно такое же число этнических азербайджанцев выехало из Карабаха и занятых карабахскими вооруженными силами районов страны. В Грузии также не менее 100 тысяч человек вынуждены были покинуть Абхазию.

Межгосударственные миграции имели место преимущественно между Россией и другими странами бывшего СССР на протяжении всего периода и в более ранний период – между Арменией и Азербайджаном. В России произошел огромный прирост мигрантов из стран бывшего СССР, при резком сокращении обратного потока. Только по официальным данным, в Россию прибыло за десять лет около 5 миллионов иммигрантов, но реально эта цифра намного больше, если считать незарегистрированных переселенцев и «маятниковых» мигрантов, которые фактически являются жителями страны, ибо проводят в ней большую часть своего времени, имеют работу и даже жилье, формально оставаясь гражданами других стран. Россия фактически забрала около 2 миллионов населения у стран Закавказья и примерно столько же у Украины, Молдавии и Белоруссии. Остальные примерно 3 миллиона – это выехавшие из Казахстана и Средней Азии. Если бы российские политики и общество, включая ученых, смогли во время понять, что прибытие культурно близких и ценных для развития экономики страны мигрантов из стран СНГ является большим благом и, пожалуй, главной компенсацией за распад исторического российского государства, тогда государственные процедуры (прежде всего, более свободная регистрация и получение гражданства) и общественный климат способствовали бы дополнительному приезду еще нескольких миллионов человек.

Россия имела все возможности преумножить свое население за счет других постсоветских государств. Экономический кризис начала 1990-х гг. и война в Чечне были только одними из не самых главных причин сдерживания иммиграции в Россию. Главным было опасение: как примут в России новых иммигрантов власти и население, как будет с пропиской, жильем, земельным участком, школой для детей. Работу мигранты спо-

собны в большинстве своем найти сами. Ксенофобия и низкая квалификация российских управленцев и экспертов толкнули энергию озабоченных данной проблемой людей в ложную сторону «собираения русской нации» или «репатриации адыгов». Вместо поддержки ценных работников из Армении, Азербайджана, Молдавии или Украины был принят федеральный закон, по которому преимущества предоставлялись исключительно этническим русским в странах бывшего СССР, большинство из которых уже не настроены на отъезд в Россию, или давним потомкам российских эмигрантов, большинство из которых составляют граждане США и Израиля, для которых Россия – это экзотика семейных альбомов и средство сделать быстрые деньги. В итоге в последние два года многие жители Молдавии, Украины, Азербайджана, Армении и других стран стали искать рабочие места в Израиле, Румынии, Греции, Турции, улучшая своим трудом жизнь не россиян, а граждан других стран.

Тем не менее, в России не менее 8 миллионов новых мигрантов из стран СНГ и Балтии, но, если суметь посчитать всех въехавших в Россию, эта цифра может быть вдвое больше. Только в последнее время политики из высших эшелонов власти начинают осознавать, что иммиграция – это благо, и что страна может легко принять несколько миллионов новых иммигрантов, которых не нужно обучать русскому языку и нормам элементарного общения, ибо они их еще не забыли с советских времен, когда учились в московских, ленинградских или воронежских вузах и техникумах. Однако параллельно идет ужесточение антииммиграционных мер. С 2000 г. прекратился упрощенный порядок получения гражданства РФ, а паспортно-визовым службам запрещено принимать заявления на гражданство. *Ограничения миграции и получения российского гражданства для всех жителей СССР независимо от национальности являют собою пример близорукой и разрушительной для России политики.*

Прибытие нескольких миллионов человек сильно смягчило процесс сокращения естественного роста населения и фактически превратило в миф то, что некоторые специалисты и политики объявили «демографической катастрофой». Население России ни в коей мере не теряет 700 тысяч или даже один миллион человек в год, и все рассуждения на этот счет и прогнозы, в том числе и со ссылкой на ООН, являются антинаучными и политически саморазрушительными вымыслами. К тому же на них строится шовинистическая идеология от имени русской нации, которая, якобы, является первой жертвой такого вымирания. Однако резкое изменение привычного состава населения во многих регионах вызвало ряд социальных и культурно-психологических проблем. Даже этнические русские,

прибывшие в новые места своего проживания, столкнулись с проблемами адаптации и интеграции в новую среду.

Мониторинг последних лет показал, что антииммигрантские настроения в России и в других странах растут, и ни одна из стран не проводит политику поощрения иммиграции, хотя все, кроме среднеазиатских стран и Азербайджана, нуждаются в такой политике в целях своего дальнейшего развития. Наш вывод состоит в том, что обмен населением в форме временных и постоянных миграций будет сохраняться на территории бывшего СССР, и этот важнейший ресурс должен стать предметом конкуренции, а не причиной сооружения дополнительных барьеров между странами. Ксенофобия в отношении «иноэтничных» иммигрантов должна быть преодолена путем воспитания, разъяснения и даже административного воздействия, если речь идет о действиях политиков, государственных служащих и работодателей. *Иммигранты своей многоликостью и полезной деятельностью принесут не преступность, а умиротворение большие и малые в российские города. А если удастся назвать их в российское село, тогда это будет самая главная сила аграрного возрождения России. Как это произошло благодаря украинцам и русским иммигрантам в Канаде сто лет тому назад.*

Власть, государство и этничность

Каков недавний исторический и современный контекст правового, в том числе и законодательного, регулирования вопросов этнического разнообразия и межэтнических отношений в странах со сложным составом населения, какими являются Россия и другие государства бывшего СССР? Сразу же следует сказать, что по данной проблеме в отечественной науке и политике идут острые, но мало продуктивные дебаты, хотя в реальной законодательной деятельности и правоприменительной практике последних лет, наряду со множеством упущенных возможностей и совершенных ошибок, есть некоторые достижения.

К числу достижений, безусловно, можно отнести ряд принятых федеральных законов и других правовых актов, прежде всего, утвержденную Президентом РФ «Концепцию государственной национальной политики в Российской Федерации» (1996 г.), законы «О национально-культурной автономии» (1996 г.) и «О поддержке и развитии коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999 г.). Россия присоединилась к ряду международно-правовых актов в данной области, прежде всего к рамочной конвенции Совета Европы «О правах национальных меньшинств». Важную роль в продвижении по пути внедрения демократического законодательства в области регулирования межэтнических отношений сыграла Государственная дума предпоследнего созыва (1995–1999 гг.).

В настоящее время в стране существует мощная тенденция пересмотра основ государственного федеративного устройства, которое ныне включает в себя асимметрию в виде существования этнотерриториальных автономий (республики, автономные область и округа) наряду с «обычными» областями и краями. Только сложностью проблем, ослабленностью государства в период глубоких общественных трансформаций, недостатком компетенции, ответственности и воли со стороны политиков возможно объяснить огромный разброс мнений и действий, которые включают и откровенно антигосударственные, недопустимые в зрелых обществах заявления. Конечно, масштаб конфликтов, особенно исход первой войны в Чечне – оформление и полупризнание региона вооруженного сепаратизма, полностью не контролируемого центральным правительством, – представляли собою огромное потрясение для общества и тяжкое бремя для современных российских политиков, большинство из которых искренне желают благополучия стране и своим избирателям.

Кое-кому может казаться, что есть более простые решения – «отпустить» Чечню или весь Северный Кавказ, сделать из республик губернии, самоопределился русскому народу в отдельную республику или дать всем «свою» государственность и прочее. Еще более отчаянные головы высказываются в пользу использования тотальной силы и «наведения порядка в стране» с ее помощью. Число диагнозов и рецептов в официальном языке и в общественно-политической литературе достигло столь критического значения, что порою кажется: из этого языкового хаоса и строящейся на нем политики выбраться уже невозможно. Иных охватывает ощущение безысходности: как все идет – пусть идет, рано или поздно образуется, а вмешательство бесполезно.

Мы не разделяем эту фаталистическую позицию и полагаем, что ход событий и даже общая эволюция, в том числе и государства, – это результат повседневных и целенаправленных усилий. Чем более они осознанны и компетентны, тем эффективнее результат. Ничто не запрограммировано самой историей. История, прежде всего, используется как современный политический и идеологический ресурс. Конечно, есть определенные ограничители, в том числе и в состоянии умов. Хорошо выученные и долго насаждаемые взгляды и представления просто так не меняются. Должная компетенция политиков и экспертного сообщества обретается не сразу. Жизнь показала, что научиться создать банк или успешную коммерческую фирму легче, чем написать текст закона или президентского указа, который не повторял бы ментальные конструкции партийных резолюций советского времени и успешно работал в новых исторических условиях.

Все это означает, что необходимо время для обучения или переобучения как рядовых граждан, так и элиты тому, что есть государство их проживания, на какой основе оно строится, кому принадлежит и даже какие имеет пространственные параметры. Для такого обучения совсем не обязательно прибегать к скорым и к радикальным решениям, особенно если они касаются переустройства, а тем более упразднения или дезинтеграции государств. *Государства – это наиболее устойчивые и длительно существующие формы социальной коалиции людей. Они хотя и не создаются богом и не существуют вечно, но каждое отдельное поколение имеет ограниченное право распоряжаться этим достоянием.*

Распад СССР был столь радикальной переменной порядка вещей, требующей длительной терапии, что новый круг дезинтеграции за счет территорий России, Грузии, Азербайджана или Украины уже ничего не даст. Ибо для благополучной социальной жизни людей нужно не менять границы государственных образований, а улучшать само правление. Другими словами, после образования Российской Федерации в 1991 г. проблема не столько в том, что все нужно строить заново или перестраивать, а в том, чтобы адекватно понимать природу и даже «внешний вид» современного российского государства и определить основные составляющие его эффективного управления. Здесь фактически нет мелочей, даже включая бытовой язык, формирующий устойчивые образы.

Приведу лишь один из многих примеров того, насколько важно утверждение в ментальности граждан адекватного географического образа страны. Получилось так, что многие молодые россияне лучше знают географию США, Кипра или Испании, чем родной страны, и даже для некоторых профессиональных манипуляторов общественным мнением (журналисты, писатели, ученые-публицисты) Россия – это тоже не более чем вид с Останкинской башни (вариант: Россия – это прежде всего Москва, Крым и Севастополь). Едва ли кто из них допустит выражение «США и Аляска» или «политика США в Калифорнии». В то же самое время клише типа «Россия и Северный Кавказ», «Россия и Дагестан», «Россия и Татарстан» стали столь общеупотребимыми, что даже официальный документ об основных направлениях федеральной политики в отношении северокавказского региона получил название «Концепция государственной национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе». «Ввод российской армии на территорию Дагестана» вообще был одним из обычных речевых оборотов при освещении кризиса в августе-сентябре 1999 г. в этой части России. Конечно, не все так наивны и малограмотны. Когда ведущие программ НТВ в новостном потоке определяли Чечню как «юг бывшего СССР», а в редакции газеты «Московские новости» зани-

мающиеся Чечней сотрудники входят в отдел зарубежной журналистики, то это уже позиция, а не слабая просвещенность.

С Россией произошла крайне интересная коллизия. Историческое государство, имеется в виду СССР, было упразднено по воле и согласию современного поколения политиков, представленных прежде всего лидерами бывших союзных республик. Именно факт верхушечного согласия был признан основным легитимным фактором для упразднения СССР и для внешнего признания этого акта. Риторика национального самоопределения, а тем более распада некой «последней империи», была лишь дополнительным эмоциональным аргументом, а не международно-правовой основой крупнейшего исторического действия. Эта риторика представляет собою постфактическую рационализацию, которая теперь все больше закрепляется в исторических трудах и в массовом сознании как доминирующая версия.

Опыт постсоветского государствостроительства

Все новые государства были сначала политически сконструированы, и только потом оформились социально-культурные сообщества (другими словами, сначала – Франция и Италия, а потом уже – французы и итальянцы). Точно так же в 1991 г. было выкрикнуто слово «Россия» в его новом государственном смысле, обозначены и другие постсоветские государства. Что это означало на самом деле, кроме административных границ между союзными республиками и разной степени местного национализма/патриотизма (украинского, грузинского, узбекского и других), плохо себе представляли как политики, так и население бывшего СССР. Обустройство новых государств в смысле утверждения институтов и господствующего образа страны началось уже после распада СССР.

Сложнее всего судьба распорядилась с Россией. Не оттого, что у новой России меньше ресурсов и других оснований быть самостоятельным государством, а оттого, что Россия больше всего связывалась с представлением о прошлой стране, и оттого, что в России ментальное государствостроительство пошло более хаотично и со смутными представлениями.

Как это ни покажется невероятным, но смутность процесса российского государствостроительства (институционального и ментально-символического) пошла оттого, что в Москве как жили, так и остались проживать все основные идеологи «социалистического федерализма» и «решения национального вопроса». Распад СССР изолировал демагогию и новый камуфляж «спецов по нацвопросу» пределами России, от чего другим странам стало легче определяться (даже на той же идеологической основе этнонационализма), а России – крупно не повезло. Родовая несостоятельность господствующих подходов к «национальному во-

просу», особенно в законодательно-правовых аспектах, была замечена мною еще во времена горбачевских 28 съезда КПСС и Съезда народных депутатов. Как известно, СССР представлял собою единственное государство, где отрицалась и даже осуждалась территориальная основа федерализма, где мобилизующая метафора «нации» была отдана в исключительное владение населявших страну этнокультурных общностей, где для общегосударственной консолидации использовался суррогат «нации» в форме «советского народа». При ЦК КПСС, КГБ и газете «Правда» эта конструкция работала, но содержала в себе своего могильщика. Как только зал во Дворце съездов дружно и слепо поддержал предложение депутата Е. Евтушенко изменить в тексте президентской присяги единственное на множественное число в словах «Я клянусь народу Советского Союза», мне стало ясно, что вместе со словом «народ» хоронится и общегражданская основа государства. Слово «народ», во все времена, во всех правовых теориях и действующих международных документах означавшее территориальное сообщество, в посткоммунистическом контексте закреплялось за этнической общностью, т. е. однозначно обретало этнографический, а не гражданско-территориальный смысл. В этой же ментальности Съезд народных депутатов принял и один из первых законов «О правах граждан, проживающих на территории не своей государственности», сразу же обозначив правовую лже-норму, что одни носители советских паспортов с «правильной» национальностью (созвучной названию республики) являются исключительными собственниками соответствующего государственного образования, а другие – имеют «свою» государственность или в другой части страны, или вообще за ее пределами. Эта рожденная отечественными юристами и законодателями норма в отношении тех, кто создает государство, оказалась очень живучей и стала позднее основой для массовой дискриминации, межэтнической напряженности и конфликтов.

Несмотря на то, что все постсоветские государства были созданы от имени проживающего на их территории населения, участвовавшего в процедурах волеизъявления (здесь не имеет значения, как голосовало отдельное лицо), при конституционном и дальнейшем законодательном оформлении этих государств преимущественное или даже исключительное право на них узурпировали те жители, которые принадлежали к одной («коренной», или «титულიной») этнической общности. Сделано это было с помощью разных правовых конструкций или словесных уловок. Одной из самых распространенных была компромиссная запись в конституциях о том, что государство создается от имени всех его граждан, но в то же время это государство является формой самоопределения определенной этнонации, и поэтому является «национальным» государством этнических молдаван,

украинцев, казахов, узбеков и т. п. Кое-где сделали запоздалые уступки, записав в число владельцев «национальной» государственности и другую группу (например, абхазов в Грузии, но не осетин!). Но в целом, за некоторым исключением (Литва, эпизодически – Украина, Казахстан, Эстония), никто не попытался встать на общегражданские основы нациестроительства.

Таким образом, новые государства (кроме России) ушли от советской «многонациональности», но застряли на полпути, сконструировав ненадежную правовую схему. Суть ее примерно такая. Украина – это национальное государство этнических украинцев (украинской нации), остальное население – это национальные меньшинства, куда поспешно были записаны русские, поляки, крымские татары и многие другие. Членами нации они могут стать, видимо, только после «украинизации», другими словами, – после культурной ассимиляции, которая иногда мягко называется «интеграцией». Аналогичная схема во всех остальных государствах, кроме Латвии и Эстонии. Там принцип гражданства включен в понятие нации, но зато из гражданства исключены подавляющее большинство «некоренных» иноэтничных жителей. Там тоже установка на интеграцию получающих гражданство, которая понимается как латышизация или эстонизация в культурно-языковом отношении. Другими словами, даже самый лояльный государству гражданин, исправно платящий налоги и служащий своей стране, членом нации не является и всем набором соответствующих прав не обладает, если только он желает сохранять свой язык и свою культуру и по какой-то причине не становится хотя бы двуязычным.

Неизбежность будущих корректив

Этнонационализм как основа государственностроительства был избран не только для того, чтобы радикально дистанцироваться от России и от ее культурной системы на основе русского языка. И не только для того, чтобы утвердить доминирующие позиции новых «государственнообразующих» культур и новых государственных языков. Была и утилитарная цель: сохраняя советское доктринальное наследие «социалистических наций», не расширить, а, наоборот, сузить число претендентов на власть и на доступ к ресурсам, особенно в условиях приватизации и рыночных преобразований. Но самое главное – таковы были идеология, правовая практика и уже ставшее бытовым мышление, что «национальность» – это не гражданство, а культурная принадлежность. Это же ставшее уже бытовым мышление помешало более решительной самоорганизации тех, кто попал в категорию не членов самоопределившихся наций (меньшинств, апатридов и прочих). Им никто не объяснил, что новое государство – это их общее достояние, и говорить

государство должно на языке налогоплательщиков, что означает, как минимум, официальное двуязычие или многоязычие в таких странах, где почти половина населения, включая высших должностных лиц и членов их семей, говорит на русском, а не на украинском, казахском, киргизском или молдавском языках.

При всей уязвимости и противоречивости избранных конституционно-правовых основ обустройства многоэтничных государств бывшего СССР (речь пока не идет о России), у них есть перспективы неизбежных корректив в сторону общедемократических принципов государственностроительства и отхода от этнонационализма. Во-первых, демонтаж русского языка как одного из мощных инструментов модернизации, ассимиляция русских или дерусификация нерусских этнических меньшинств (например, переход гагаузов в Молдавии с русского на молдавский) фактически маловероятны при постоянном наличии мощного русскоязычного культурного массива в соседней России и при сохраняющихся позициях этого языка как одного из мировых языков. К наследию «колониализма», которое нужно устранить, это ныне имеет косвенное отношение. Это все равно, как если бы Индия стала осуществлять демонтаж английского языка, или другие страны Азии и Африки – устранять язык бывших метрополий, который часто является единственным официальным языком, и уж точно – единственным языком, который обеспечивает культурную целостность многоэтничных государств. Таким образом, *этнонационализм становится контрпродуктивным, и ему на смену будет приходиться общегражданский национализм новых государств, который строится не на исключении, а на включении граждан разных культур и языков в единые нации, как это имеет место в остальном мире.*

Во-вторых, рано или поздно более решительно заявят о себе и те, кого поставили вне новых наций, ибо автохтонные (не иммигрантские) меньшинства нигде и никогда из национальных сообществ не исключаются. Шотландцы, североирландцы и уэльсцы – такие же члены британской нации, как и англичане. Испанская нация состоит не из одних кастильцев, но и каталонцев, басков и других групп населения этой страны. В китайскую нацию входят не только ханьцы, но и около 100 миллионов китайцев другого этнического происхождения. Более того, есть все основания переквалифицировать русских в Украине или в Казахстане из меньшинств в категорию народов-партнеров, а сами эти страны – в равнообщинные государства. Шведов в Финляндии никто меньшинством официально не считает, и для вхождения в финскую нацию им не нужно знать финский язык. В таком же положении находятся франко-канадцы в Канаде.

Так что у новых соседей России достаточно интересные перспективы решения вопросов межэтнических отношений, и кое-какие уроки, как не-

гативные, так и позитивные, уже можно учитывать и россиянам. По крайней мере, почти все эти государства смогли оформить правовые отношения со своими гражданами через систему паспортов без привязки этой процедуры к указанию этнической принадлежности, чего, кстати, требуют и международно-правовые нормы. Правда, не обошлось без уловок: в английском тексте казахстанского паспорта в графе «национальность» указано «Казахстан», а на казахском языке стоит «казах», «русский» и т. п. Перед мировым сообществом выглядит прилично, и собственные комплексы оказались удовлетворенными. В Грузии в паспортах национальность – это гражданство, но в удостоверениях личности – это этническая принадлежность.

Есть еще одна важная проблема конституционно-правового обустройства постсоветских государств. Все они (опять же кроме России) избрали унитарную форму устройства, не отважившись на федерализм. В принципе унитарное устройство не противопоказано многоэтничным странам, но федерализм – лучше, ибо позволяет существовать этнотерриториальным формам внутреннего самоопределения. Подобные автономии фактически существуют в Узбекистане, Грузии, Молдавии и даже в Украине, имея в виду Крымскую республику, статус и будущее которой в рамках Украины – пока вопрос до конца не решенный. Формальная федерализация возможна и даже необходима не только в Грузии и в Украине и не только по причине этнического фактора, но и большого регионально-культурного разнообразия, существующего во многих постсоветских государствах.

От многонационального народа к многонациональной нации

Какая ситуация сложилась в Российской Федерации, которая единственной из всех стран сохранила на конституционно-правовом уровне формулу «многонациональности» и вместе со всеми остальными новыми государствами не рискнула сделать выбор в пользу «многонациональной нации» или какой-то другой новации? В принципе была возможность вообще обойти этот сюжет в тексте основного закона, как это сделано в конституциях большинства стран мира. Кстати, в тексте Федеративного договора вопрос о «нациях» отсутствует, но суть этого документа оказалась более чем приемлемой для представителей основных народов и для республиканских образований. В свое время, будучи одним из основных авторов таких официальных документов, как Резолюция 28 съезда КПСС по национальному вопросу и Концепция государственной национальной политики в Российской Федерации, нам удалось уйти от употребления слова «нация» в этническом аспекте. Смысл и значение концепции несколько не ослабли и без употребления этого слова. Тем самым

сохранилась возможность его общественно-политического употребления в разных значениях, не блокируя тем самым реальность существования национального государства под названием Российская Федерация и многоэтничной гражданской общности россиян.

Как показала практика федерального законодательства, невозможно записать термин «нация» и в тексты законов. Законодатели вполне резонно обходятся менее нагруженными понятиями, как, например, «народы», «этнические общности», «национальности». В последнее время появился термин «национальные меньшинства», но он для России мало подходит и едва ли утвердится как правовая категория. Причина здесь не в том, что в России нет меньшинств или государство отказывается признавать их существование и наличие вытекающих из этого специфических прав и норм части граждан, принадлежащих к данным категориям. Дело в том, что Россия ушла дальше в правовом обеспечении меньшинств, закрепив за ними не просто право на национально-культурную автономию, как этого требуют международно-правовые минимумы. В России основные и компактно проживающие меньшинства (строго говоря, это все нерусские народы) еще с советских времен имеют территориально-государственную форму самоопределения, которая в действующей Конституции определяет эту форму как «республики-государства». Эти этнические общности уже давно «национализированы» и на статус «меньшинств», вполне понятно, согласиться не могут. Кстати, по этой же причине им трудно принять категорию российской гражданской нации, хотя это как раз вполне возможно и необходимо. Существует же каталонская нация в составе испанской нации, шотландская нация в составе британской нации, саамская нация в составе норвежской нации и т. п. Эти понятия и даже правовые категории являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими, а их основная миссия – это политическая и эмоциональная легитимация.

В итоге к правовой категории «национальные меньшинства» в России могут быть отнесены только представители дисперсно расселенных групп, у которых нет территориальной автономии (возможно, российские немцы, греки, корейцы и другие). Но опять же есть проблема, когда эти группы начинают характеризовать как не имеющие «своей» государственности или как не принадлежащие к «основному населению» (уязвимый термин из Рамочной конвенции). И то, и другое – правовой нонсенс и ненужная приниженность части граждан. В России все имеют одинаковые паспорта своего(!) государства. Не могу себе представить, что я как директор института имею «свою» государственность, а для двоих заместителей директора (гагауза и украинца по национальности) эта государственность «не своя». Еще хуже с «основным населением».

Неужели можно разделить депутатов Федерального Собрания РФ на «основных» и «не основных»? А если нельзя, тогда зачем принимать документы с подобной категоризацией для остального населения страны?

Но самая кардинальная проблема для законодательного обустройства межэтнических отношений в России – это пределы огосударствления этничности без ущерба базовым индивидуальным правам человека. От СССР нам досталась столь высокая степень правовой институализации этничности, что она могла существовать только по причине ее часто пустой декларативности. Чего стоила хотя бы запись в советских конституциях о праве наций на «самоопределение вплоть до отделения». Наследие это столь жесткое, что российское государство до сих пор не может оформить свои правовые отношения с гражданами через систему паспортов, ибо многие граждане желают зафиксировать свою принадлежность не только к государству, но и к определенной коллективной общности. Таким образом можно получить дополнительные права внутри страны или предпочтительное право на эмиграцию в некоторые государства. Сохраняется и бытовая боязнь постсоветских людей, что бумага-справка – это все, а без официальной бумаги у тебя и нет этнической принадлежности. Мне кажется, что есть вопросы, где правовые нормы должны носить опережающий характер и не следовать бытовой мифопоэтике и политической спекуляции.

Этнические права – это коллективные права. Они призваны только защищать права личности, но не подменять их и не доминировать над ними. Основанные на этничности коллективные права – это обоюдоострое оружие, и ими нужно пользоваться осторожно и умело. Последние годы показали, что в недостаточно развитой гражданско-правовой культуре групповые права могут использоваться для необоснованных предпочтений, для узурпации власти меньшинством и даже для разрушения общего государства, ибо питают экстремистские формы этнонационализма, вплоть до вооруженного сепаратизма. Это вызывает межгрупповые противоречия и недоверие со стороны остального населения страны к тем, кто подобным образом пользуется коллективными правами. Именно ссылка на коллективные права становится аргументом для массового выхода части населения из правового пространства. Ситуация становится особенно сложной, если государство и общество в целом переживают кризис или страна располагает ограниченными ресурсами, за которые идет острая конкуренция.

Российская Федерация сейчас переживает именно такую ситуацию. Самым плохим вариантом было бы пытаться осуществить радикальный демонтаж коллективных прав, включая столь важное демократическое приобретение, как федеративное устройство с элементами этнического

федерализма. Право и закон содержат гораздо больше возможностей, многие из которых далеко не использованы. Федерализм в многоэтничных странах не гарантирует стабильных ситуаций, как и не все вопросы федерализма должны решаться сразу и только нынешним поколением политиков. Важны общая формула и некоторые базовые принципы. Среди них одновременная установка на признание культурных различий и обеспечение интеграции. Федерализм очень разнообразен и может заключать в себе мощный интегративный потенциал (например, в Германии). Здесь важно добиться согласия элит, которые всегда имеют мощные местные интересы – главное препятствие интеграции. *Федерализм сам по себе недостаточен, и у населения страны необходимо развивать и утверждать двойную лояльность и идентичность, строить широкие коалиции, пересекающие этнические и региональные границы, создавать стимулы к интегративному поведению.*

Но самое интересное и перспективное – это не просто федеративное государство, а федеративные сообщества. Вот где есть ответ не только для Дагестана и Карачаево-Черкесии, но и для всей России, в том числе и для коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Принятый в 1999 г. федеральный закон о поддержке и развитии представителей данных народов – это только самый первый правовой акт, которым еще предстоит научиться пользоваться. Но и он не отвечает на многие проблемы повседневной организации жизни, межчеловеческих (а не «межнациональных»!) отношений, а самое главное – на вопрос о перспективе сохранения культурного многообразия при обеспечении модернизации и полноправного участия в общем государстве. Более широкий подход к федерализму позволяет не ограничивать его только системой административного деления и устройства органов государственной власти.

Федеративное правовое пространство допускает сосуществование на взаимно дополняющей или на параллельной основах разных правовых систем. Они могут соединять «централизованное» (государственное) право и общественно разделяемые правовые нормы отдельных культурных систем. Последние могут быть «централизованы» на уровне внутригосударственного образования. Для этого не нужно возрождать никогда не существовавшую «историческую норму» в виде, например, «родовых общин» среди северян или «горской демократии» среди северокавказцев. Важно признать сам принцип правового плюрализма в связи с этнокультурным разнообразием. А что должно послужить основой для источника права и стиля правового поведения соискателей «обычного» или «традиционного» права – это уже вопрос второстепенный. Чаще называются существующие древние устои или социальные нор-

мы, но при более внимательном анализе за ними можно обнаружить современное изобретение для достижения современных целей. Впрочем, кто сказал, что такое не может иметь место, если только ссылки на данные правовые нормы не разрушают общепризнанные основы общественного устройства и не провоцируют массовый выход граждан из правового пространства?

Национальные меньшинства в меняющемся мире*

Хотя никто не дал удовлетворительного ответа на вопрос, что есть меньшинства, кажется, все знают о существовании данного феномена как субъекта истории и политики, а также как предмета научных и общественных дебатов. Общепризнанным является то, что у меньшинств есть свои права, и они нуждаются в защите. Бывший Верховный комиссар ОБСЕ по делам национальных меньшинств Макс ван дер Штул однажды самоуверенно заявил, что «он не знает, что есть национальные меньшинства, но зато может точно сказать, есть или нет эта проблема в том или ином месте или в стране, где ему приходится бывать». Совет Европы настолько уверен в существовании данной категории населения и в том, что она нуждается в защите, что принял «Рамочную конвенцию по защите национальных меньшинств». Государства-члены дружно ее ратифицировали и каждый год предоставляют отчеты о выполнении конвенции, а специальная комиссия в Страсбурге наблюдает за ее исполнением.

В феврале 2002 г. члены этой комиссии посетили Россию с целью собрать дополнительную информацию о выполнении конвенции от представителей правительства, общественных организаций и из других источников. На первый день своего пребывания группа попросила назначить встречу со мной, видя в Институте этнологии РАН один из основных источников точной информации об этнокультурных проблемах России. Это была любопытная встреча. Меня поразила убежденность взрослых и серьезных людей в высшей правоте декларации-конвенции и обозначенного этим документом миссионерского мандата. Тогда мне подумалось, что у членов комиссии, главным образом выходцев из стран Восточной Европы, будут проблемы с написанием справки по России, а у России могут быть проблемы с восприятием того, что будет написано в этой справке. Однако обнародованный 13 сентября 2002 г. доклад о выполнении конвенции Российской Федерацией, который попал мне в руки уже в декабре, оказался лучше, чем я ожидал. Авторы обошли слабые места самой конвенции (или просто не задавали себе таких вопросов) и смогли сформулировать некоторые замечания и рекомендации, которые скоро станут доступны российскому классу управленцев и, возможно, даже будут приняты к исполнению, как того требует порядок членства в Европейском сообществе.

*Бюллетень «Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов», №46, 2002

Однако требуется анализ доклада комиссии как в целях возможного применения международно-правового документа на территории России, так и в целях назревшей ревизии так называемой политики меньшинств и одного из поздних порождений этой политики в виде самой Рамочной конвенции. Это, на наш взгляд, одна из ведущих тем истекшего года и наступившего десятилетия, хотя профессиональных дебатов по данной проблеме до сих пор не состоялось.

Сама доктрина меньшинств с момента ее рождения в начале XX века была крайне политизированной, а с научной точки зрения – уязвимой. Рождение и существование теории меньшинств и основанной на ней политико-правовой практики было связано с проблемой существования разных форм неравенства людей, основанных на этнических, религиозных, расовых и языковых различиях, а точнее – на принадлежности людей к культурно отличительной общности. Таким образом, фактор неравенства и приниженого статуса, а также групповая принадлежность стали отличительной маркой проблемы меньшинств, в отличие от схожих проблем прав человека или социальных доктрин. И все же в сфере правовой протекции проблема меньшинств всегда воспринималась как проблема человека-личности, связанная с его принадлежностью к группе, а не как проблема группы *per se*.

Именно поэтому аналогичная и более ранняя декларация ООН в своем названии имела формулу «о правах личностей, принадлежащих к...», а не о правах меньшинств. Европейская Рамочная конвенция нарушила это важный принцип и предложила мыслить меньшинства в категории группового права – одного из самых спорных и трудно исполнимых концептов. Ситуацию несколько спасает само понятие «рамочности», но международный опыт подсказывает, что и рамочный международно-правовой документ может превратиться в орудие жесткого давления на государства-участники и на других действующих субъектов права. Ссылки на неисполнение тех или иных международных конвенций, даже если последние изжили себя или изначально были глупыми, верно служат интересам современного геополитического соперничества и тому, чтобы отыграться по отношению к более слабому или чтобы ослабить сильного.

Главный недостаток европейской конвенции – это дальнейшее закрепление несостоятельной идеологии и бытовых представлений о существовании групп меньшинств как коллективных тел или подобия реестра предприятий со списками акционеров. Более того, инспектирующие соблюдение конвенции настаивают на необходимости иметь в стране список меньшинств и сокрушаются, когда такого списка нет. В частности, в докладе по России говорится: «Консультативная Комиссия отмечает, что Российская Федерация не установила список национальных меньшинств,

и страна не имеет твердой позиции относительно того, какие именно группы должны подпадать под действие конвенции или какое определение национального меньшинства должно использоваться».

Мне представляется, что отход Рамочной конвенции от принципа приоритета личного права в пользу права не устанавливаемого в принципе субъекта является ошибочным, и это положение должно быть исправлено. Проблема *меньшинств состоит прежде всего в принужденном положении части общества, обусловленном факторами культурной отличительности от доминирующей в данном обществе культуры*. Правящее этническое меньшинство, как это имеет место на уровне ряда региональных сообществ в России, является только статистическим меньшинством и не может быть субъектом конвенции. В данной ситуации защиты требуют лица, принадлежащие к численно доминирующей, но политически недопредставленной и даже притесняемой культуре. Именно они находятся в ситуации меньшинства.

Кроме того, очень распространенной является ситуация, когда представители той или иной этнической общности в рамках регионального общества составляют большинство, причем господствующее большинство, и даже осуществляют политику притеснения представителей местных малых культур, но на общенациональном уровне данная культура или общность могут рассматриваться как меньшинства. В этом контексте самый расширительный ответ на вопрос «кто есть этнические меньшинства в России?» будет состоять в признании меньшинствами всех представителей нерусских народов, ибо только этнические русские составляют подавляющее демографическое большинство. Собственно говоря, из этого общего подхода исходит ОБСЕ и ее комиссия, инспектировавшая Россию.

Однако комиссия справедливо признала, что в нашей стране имеется традиция негативного восприятия самого термина «национальное меньшинство», восходящая к уничижительному определению «нацмены» в бытовом языке. Кроме того, большинство нерусских народов обучено категоризировать себя как *нации*, а не как *меньшинства*. Все это не исключает самой возможности для представителей данных групп быть бенефициариями конвенции по правам меньшинств, но не означает, что сами эти группы должны называться меньшинствами. Доклад комиссии отмечает как позитивный именно инклюзивный подход России к самому субъекту, на который распространяется действие конвенции. «Представляется, что федеральные власти готовы применять Рамочную конвенцию также в отношении меньшинств, которые относительно недавно прибыли в Российскую Федерацию, а также обеспечить негражданам, принадлежащим к таковым группам, возможность обращаться к защите в рамках данной конвенции». Однако дальше следует примечательная оговорка: «Этот

подход следует приветствовать в той мере, насколько он используется в соответствии с принципами, содержащимися в статье 3 Рамочной конвенции». Речь идет о том, что национальный суверенитет и принцип гражданства являются основными по отношению к проблеме меньшинств.

Собственно говоря, за всем этим скрывается латентная и возможно даже не осознаваемая полемика между Россией и ОБСЕ, которая сводится к тому, что наша страна готова распространять деятельность конвенции на все не доминирующие группы: от вынужденных мигрантов до представителей коренных малочисленных народов Севера. ОБСЕ в принципе занимает такую же позицию: в категорию меньшинств должны попадать и неграждане, имеющие культурную отличительность и вытекающие из этого особые запросы и некоторые права. Однако это может поставить в трудное положение как западноевропейские страны, так и некоторые страны бывшего СССР (Латвия и Эстония), которые намеренно обманной казуистикой вывели часть населения, принимавшую участие в создании нового государства, из категории граждан страны, попытавшись тем самым снять с себя ответственность за исполнение мер по поддержке и защите культуры и языка, а также по политическому представительству этой части населения своих стран. Европа в свое время дала добро на акцию выведения из гражданства доброй половины населения двух постсоветских государств. Позднейшие усилия Макса ван дер Штула в рамках защиты прав меньшинств принесли крайне скромные результаты

Другим отступлением европейцев от мировой нормы стала измененная формулировка субъекта конвенции: им стали не лица, принадлежащие к языковым, этническим, религиозным и расовым меньшинствам, а «национальные меньшинства». Почему «национальные» и почему никакие другие? Только в восточно-европейской и советской традиции термин «национальный» было принято использовать в этническом смысле. Поскольку территориальные контуры этнонаций не совпадают с государственными границами, то «национальными меньшинствами» считались и до сих пор считается часть людей, проживающая за пределами государств основного проживания этнически родственного населения (венгры за пределами Венгрии или поляки за пределами Польши). Под этим же термином со временем стали понимать любые другие группы меньшинств, большинство которых имеет статус нации.

Что имели в виду ОБСЕ, создавая пост верховного комиссара, или Совет Европы, принимая Рамочную конвенцию, не очень ясно. Однако предложения представителей Венгрии и Турции, озабоченных «разделенностью наций» и плохо обученных современному обществознанию, были, тем не менее, приняты. Вместо этнических, языковых и религиоз-

ных появились «национальные меньшинства». Это позволяло канализировать внимание и деятельность ОБСЕ и Совета Европы в направлении тех стран, где признается данная дефиниция и данная категория населения. Поскольку в Великобритании, Испании, Франции или Финляндии «национальных меньшинств» нет (в общественно-политическом дискурсе), а есть равностатусные общины и народы, или языковые и религиозные меньшинства, или мигрантские общины, то и делать ОБСЕ здесь нечего. Ван дер Стул занимался все свои годы службы Венгрией и Югославией, Латвией и Эстонией, Украиной (Крымом) и совсем немного – Казахстаном и Киргизией. В Западную Европу его не пустили.

Доклад по России затрагивает также проблему списка национальностей в связи с переписью населения 2002 г. Признается целесообразность составления такого списка индивидуальных «этнических происхождений» для получения адекватной переписной информации, но говорится, что не все представители власти и другие вовлеченные в процесс переписи понимают сугубо добровольный принцип получения ответа на этот вопрос. Пункт 28 доклада заслуживает дословного цитирования, ибо касается Института этнологии и антропологии РАН: «Консультативная комиссия в курсе разногласий, которые возникли вокруг проекта списка категорий этнического происхождения, который был подготовлен для переписи в Институте антропологии и этнологии. Эти разногласия касаются особенно некоторых предложений указанного института включить некоторое число категорий этнического происхождения, которые не были включены в аналогичный список последней советской переписи 1989 г. Консультативная комиссия полагает, что, хотя и не следует создавать искусственные группы, особое внимание должно быть обращено на вопрос, существуют ли лица, которые стремятся добиться признания их отдельной идентичности в ходе проведения переписи. Поэтому комиссия поддерживает продолжение консультаций по этой проблеме, включая участие представителей самих этих меньшинств. В то же самое время консультативная комиссия считает, что вышеупомянутый список, однажды определенный, не должен трактоваться как исключительный фактор в определении того, какие группы меньшинств подпадают под действие Рамочной конвенции и поэтому могут искать поддержки согласно статье 5 Рамочной конвенции».

Думается, что это высказывание является вполне приемлемым и даже полезным уже и после переписи. Ибо нарушением конвенции было бы продолжать руководствоваться секретным постановлением Правительства РФ о том, какие народы Дагестана считать малочисленными и подпадающими под действие закона о коренных малочисленных народах. В этом постановлении были перечислены 14 самых крупных наро-

дов республики, включая русских, но не были названы ни один из двух десятков действительно малочисленных дагестанских народов. Перед самой переписью руководство Дагестана снова выступило с той же позицией непризнания и исключения, что противоречит международным нормам и социально-культурным реалиям: на моем рабочем столе лежат петиции нескольких сот тех же дидойцев с требованием признать их отдельным народом в ходе переписи. Институт этнологии совместно с ОБСЕ готов специально проконтролировать реализацию этой рекомендации при подведении итогов переписи.

Важными пунктами в докладе комиссии представляются решительная поддержка отмены процедуры фиксации этнической принадлежности в гражданских паспортах и призыв завершить обмен старых советских паспортов до 2004 года. В тоже время комиссия считает, что можно создать какую-то новую систему, которая позволяла бы жителям страны фиксировать их этническую идентификацию. В этой связи доклад поддерживает возможность паспортных вкладышей на языках титульных групп в республиках, а также запись этнической принадлежности в свидетельствах о рождении, если последняя будет осуществляться на строго добровольной основе и если будет сохраняться возможность изменить или вообще удалить данную запись по желанию самого человека. Выскажу свое несогласие не только с самим предложением подобной записи, но и с тем, как это все трактуется. Во-первых, в свидетельствах о рождении могут по желанию записать национальность родителей, а не самого новорожденного, ибо человек рождается без этничности. Во-вторых, эта запись может говорить об этническом происхождении, но не об этнической принадлежности. В-третьих, такая запись противоречит другим международным и европейским нормам, запрещающим в гражданских документах определять этническую принадлежность, а также противоречит и Конституции России. Наконец, реализация этой рекомендации связана с процедурными трудностями. Зачем человеку ходить в какие-то государственные учреждения и исправлять или уничтожать в своем свидетельстве о рождении запись собственной национальности, которую сделали его родители при рождении младенца? Из этого частного примера следует сделать вывод, что нужно быть осторожнее с рекомендациями ОБСЕ или Совета Европы: некоторые из них могут быть некомпетентными или сугубо политизированными.

Федерализм и этнический фактор на Северном Кавказе*

Северный Кавказ – самый сложный регион с точки зрения социально-экономической ситуации, государственного управления и обеспечения национальной безопасности России. В этом регионе произошли вооруженные конфликты, один из которых – война в Чечне – стал самым разрушительным на территории бывшего СССР. Именно здесь присутствует реальная угроза национальной безопасности Российской Федерации, ее целостности и суверенитету. Именно здесь проявился феномен массового выхода части населения из правового пространства и появился район вооруженного сепаратизма, не контролируемый российскими властями. Именно здесь радикальный этнический национализм и религиозный экстремизм обрели насильственные и варварские формы, бросив вызов не только государству, но и общественным устоям и местного населения.

На Северном Кавказе современная российская политика совершила наиболее трагические ошибки, допустив массовые жертвы и разрушения, за которые российская власть несет ответственность. Применительно к современному Северному Кавказу имеет место также провал отечественной обществоведческой экспертизы. Научно-интеллектуальное сообщество, включая московскую и северокавказскую интеллигенцию, несет долю ответственности за неспособность объяснить ситуацию и оказать миротворческое воздействие на общество. Российским политикам и управленцам разного уровня пора осознать, что время верхушечных инструкций и волевых импровизаций прошло. Последние не могут быть основой эффективного государственного управления. Необходимо срочное создание основанной на профессиональной экспертизе системы выработки и принятия политико-государственных решений. Важным элементом этой системы наряду с ведомственной экспертизой должен стать независимый отечественный мониторинг этнополитических и других проблем Северного Кавказа.

Проблемы Северного Кавказа настолько серьезны, что требуют мобилизации существенных ресурсов всей страны, ответственной экспертной проработки, последовательных политических и других необходимых действий со стороны государства и консолидации общественных усилий по обеспечению мира на Северном Кавказе. Четкая и недвусмысленная артикуляция целей и задач государственной политики на Северном Кавказе – необходимое условие взвешенности и сбалансированности такой политики. Главными целями этой политики должны быть:

* Работа была написана в 2001 г. на основе материалов доклада: Пути мира на Северном Кавказе. Независимый экспертный доклад. Под редакцией Валерия Тишкова. М., 1999.

- а) обеспечение территориальной целостности и безопасности;
- б) достижение социального преуспевания населения;
- в) обеспечение гражданского равноправия;
- г) демократическое управление;
- д) сохранение и развитие культурного многообразия;
- е) предотвращение и разрешение конфликтов.

Северный Кавказ – регион со сложной социальной и культурной мозаикой. Здесь компактно проживают представители более 40 этнических общностей российского народа, которые имеют давние исторические связи между собой и с остальной Россией и сохраняют свою культурную отличительность. Этнический и исторический факторы не являются основной причиной проблем и конфликтов в регионе так же, как федеральный центр не несет единственную ответственность за нынешнее положение на Северном Кавказе. Значительная часть ответственности лежит на политиках, так называемых национальных лидерах, а также рядовых гражданах, совершающих нарушения закона и норм общественной морали. Конфликты в регионе носят сложный характер, имеют внутренние и внешние причины, но ни один из них не запрограммирован историей или человеческой природой. Для решения конфликтов в регионе нет единого сценария, но могут быть единые принципы.

Под воздействием политической риторики, внешней пропаганды и ряда реальных обстоятельств в последнее десятилетие среди части северокавказцев сформировался психологический комплекс прошлого унижения и современного превосходства, а это в свою очередь привело к ослаблению общероссийской лояльности. Для части населения установка на интеграцию и более высокие статусные позиции в общероссийском пространстве оказалась слабее, чем ставка на радикальный вариант полного суверенитета на этнической основе. Именно этот нереализуемый и конфликтный политический проект был взят на вооружение сторонниками этнического национализма.

В ходе конфликтов произошли массовые убийства и вынужденные перемещения людей, изгнание их из мест проживания, захват собственности. Насильственные перемещения людей в результате политики дискриминации и конфликтов – не только последствие конфликтов, но и причина сохраняющейся напряженности, спорадического насилия и нового конфликта в будущем. Должны предприниматься все меры, особенно со стороны государства, по недопущению вынужденных перемещений людей, наказанию их инициаторов и исполнителей, скорейшему возвращению жителей в места их прежнего проживания.

Несостоятельными являются мнения, что целенаправленные перемещения людей, включая отъезд русских из республик, и создание эт-

нически гомогенных территорий на Северном Кавказе, а также репатриация соотечественников необходимы в политических или морально-исторических целях. Создание этнических анклавов или обеспечение демографического большинства для одной группы способны не меньше породить напряженность и конфликты, чем этнические смешанные территории или совместно проживающие этнические общины. Тем не менее, если есть возможность сохранять этническую однородность местных общин и сложившийся этнический состав населения городов и сел, то это следует делать. Конфликты вызывает не столько сам факт многоэтничного состава населения, сколько слишком резкие изменения его привычных пропорций.

Одна из важных причин насилия и конфликтов – это утрата государством контроля над оружием и армейскими арсеналами, что позволило плохо обустроенной и недостаточно образованной части населения осуществить под воздействием идеологов национализма и религиозного экстремизма массовый выход из правового пространства и бросить вызов основам государственного и общественного устройства. Насильственный конфликт есть чаще всего сумма индивидуальных преступных действий, а не проявление некой коллективной воли или исторической закономерности. Именно с этой позиции должны рассматриваться прежде всего и меры по разрешению конфликтов, т. е. прежде всего в правовом аспекте.

В конфликтах на Северном Кавказе большое место занимают не только социально-экономические, но и идеологические факторы, особенно заимствованная от советского времени доктринальная основа политики в отношении национальных меньшинств. Эта идеология этнической («национальной») государственности в условиях либерализации, слабого гражданского общества, экономического и морального кризиса породила неверные установки, неисполняемые законы и решения властей, бесполезные споры и неоправданную напряженность между людьми. Этим цинично или из заблуждений пользуются безответственные политики, провокаторы и авантюристы. Необходима срочная коррекция политической идеологии и государственно-правовых установок в пользу общегражданских основ федерального и демократического правления.

Об общих принципах и доктрине государственности

Все российские государственно-административные образования, включая республики (государства) Северного Кавказа, представляют, прежде всего, территориальные сообщества граждан, от имени которых и в ин-

тересах которых создается и существует власть любого уровня. В то же время внутригосударственные образования (субъекты федерации) отражают и учитывают культурный состав населения, заключаемого в их границы. Повсеместно это население имеет многоэтнический характер. Наивно и опасно полагать, что на Северном Кавказе можно создать государственность для одной этнической общности (народа), но и не следует думать, что государство должно быть нейтральным к этническому составу населения и не должно отражать в своем устройстве и политике этот важный фактор.

Конституционно-федеративное устройство России с наличием республиканских образований – наиболее демократическое и оптимальное для Северного Кавказа. В то же время недавний опыт показал, что оно может быть неумело или намеренно использовано для ущемления прав граждан и ослабления государственности в целом. Не политика преимуществ для одних и ущемления других, а политика культурного плюрализма и уважения гражданских прав на уровне всей страны и на уровне отдельной республики должна лежать в основе общественного устройства, стремящегося избежать кризисов и конфликтов.

На Северном Кавказе возможно сосуществование государственной и традиционной правовых систем в качестве последней как дополняющей. Правовой плюрализм, который существует и развивается во многих странах, в этом регионе может оказаться более эффективным, чем единое правовое пространство. Главное – это улучшение правления, а не административные переделы. В некоторых республиках имеются позитивные политические инновации в области коллективного правления и общинного представительства, хотя принцип этнических курий или партий имеет серьезные ограничители и может нести конфликтогенный потенциал.

Проблемы экономики и социальной жизни

Северный Кавказ имеет для России важнейшее экономическое значение, являясь составной частью хозяйственного комплекса РФ, без которого невозможно обеспечить экономическую безопасность страны. Регион становится зоной острой конкуренции многих мировых держав, желающих экономически закрепиться в Прикаспийском и Причерноморском ареалах. Возможности усиления воздействия экономической политики Центра на регион будут зависеть от общей социально-экономической ситуации в стране, которая в ближайшей перспективе останется неблагоприятной, а также от урегулирования региональных конфликтов.

Главным фактором развития экономики региона могут быть лишь внутренние ресурсы, так как внешние (иностраные) инвестиции сдерживаются нестабильностью в регионе. Для мобилизации этих ресурсов

Центру необходимо способствовать развитию в регионе малого бизнеса, дающего быструю отдачу от вложений, внутрирегиональной интеграции, привлечению внебюджетных источников финансирования. Пестрая инвестиционная картина свидетельствует, что, несмотря на трудности реформирования российской экономики, а также ухудшение ситуации после финансово-экономического кризиса, отдельные республики и административные территории Северного Кавказа находят источники финансирования капиталовложений, хотя и в недостаточных объемах. Привлечение внешних капиталовложений зависит не только от стабильности, но и от энергичных усилий по пропаганде возможностей для выгодного бизнеса.

В бюджетных отношениях сталкиваются две тенденции. С одной стороны, федеральный Центр вынужден предоставить больше финансовой самостоятельности регионам, оставляя им более значительную часть налогов в бюджеты субъектов. А с другой стороны, отказаться от трансфертов полностью пока не удастся из-за боязни сепаратизма в рамках федерации и по причине высокой дотационной зависимости многих региональных бюджетов. Финансовая помощь субъектам Северо-Кавказского экономического региона по линии федерального бюджета должна еще более дифференцироваться и исходить не из принципа «выравнивания уровней» бюджетных расходов, а из принципа эффективности.

Предметом особой заботы федеральных и региональных властей должны стать социальная сфера и ее «болевы точки»: положение безработных, особенно молодежи и женщин, беженцев, пенсионеров и инвалидов. Следует поддержать предложение Министерства труда и социального развития РФ о выделении федеральных дотаций на выплату пенсий и пособий ветеранам и инвалидам, но не по линии трансфертных платежей, а через узконаправленные целевые каналы финансирования – Пенсионный и Социальный фонды и их региональные подразделения.

Главная проблема региона – занятость молодого мужского населения, которое составляет значительную часть местных сообществ и поведение которого во многом определяет сегодняшнюю ситуацию. Наиболее трудный вопрос состоит в нахождении достойной работы для жителей сел и малых городов, где имеет место социальная маргинализация. Ответ можно искать в двух направлениях: в ограничении роста горного села и в помощи его радикального благоустройства, а также в организации частно-общинного типа пользования угодьями с ориентацией на частичную рыночную реализацию сельской продукции. В то же время программы социально-экономического развития для региона должны предусматривать преимущественные инвестиции в те отрасли, где можно занять именно молодежь и женщин.

На Северном Кавказе срочно нужна глубокая и продуманная земельная реформа с привлечением имеющегося мирового опыта. Возможно, без закрепления обрабатываемых земель в частное, а пастбищных – в коллективно-общинное владение не обойтись. Земельная реформа должна учесть традиции общинного пользования и наследие советской коллективизации. Земельная реформа на Кавказе должна быть осуществлена с привлечением не только местных и федеральных ресурсов и экспертов, но и международных, особенно Всемирного банка развития, у которого имеется опыт содействия проведению подобных программ в Индии, Бразилии и в других странах.

Самое главное для экономики Северного Кавказа – это полноценное включение ее в общероссийский рынок. Нужно перестать третировать северокавказское предпринимательство, а, наоборот, его поддерживать в общероссийском масштабе. Учитывая демографические факторы и ресурсные возможности, следует признать необходимость постоянной и временной трудовой миграции населения республик в другие регионы страны и создавать необходимые условия для этого процесса.

Руководители северокавказских регионов и предпринимательские круги должны воспользоваться благоприятной конъюнктурой спроса на отечественную агропродукцию и закрепить положительные тенденции в работе предприятий пищевой индустрии. Отсюда можно ожидать улучшения в работе всей промышленности. Но в целом без структурной перестройки производства ожидать улучшения ситуации в промышленности Северного Кавказа не приходится.

Теневая (неформальная) экономика существует на Северном Кавказе, с одной стороны, как следствие переходного периода реформ, несовершенства рыночных отношений и правовых норм, а с другой, как продолжение местных традиций вторичной занятости, доходы от которой скрываются от официального налогообложения. Этот фактор необходимо учитывать при анализе уровня жизни и доходов населения в регионе, финансовой базы субъектов федерации и, соответственно, при разработке схем федеральной помощи Северному Кавказу. В то же время следует принять меры по уменьшению уровня криминализации экономики и повседневной жизни. Неотложного решения требуют проблемы открытых границ, оборота наркотиков и торговли оружием.

Политический процесс и управление

Усиление федерального присутствия на Северном Кавказе происходит по мере усиления напряженности в том или ином образовании и носит

характер «пожарного» разрешения конфликтной ситуации. Федеральному Центру не удалось определить формы своего представительства, адекватные сложности проблем в регионе. Главная проблема в отсутствии четкой стратегии и скоординированных действий разных федеральных структур по ее реализации, в недостаточном учете местной специфики, реактивном и запаздывающем характере принимаемых решений.

Важнейший элемент политики федерализма и многокультурности, необходимый для эффективного управления государством и обеспечения стабильности на Северном Кавказе – сохранение и гарантированное обеспечение представительства северокавказского региона, в том числе и этнических общностей, на уровне федеральных органов власти. Осуществление данной политики имеет ряд трудностей, которые могут и должны преодолеваться. Среди этих трудностей:

а) отсутствие конституционных гарантий представительства малочисленных этнических общностей в высших законодательных и исполнительных органах власти или хотя бы механизмов неофициальных договоренностей и понимания значимости данного вопроса;

б) наличие у части ответственных руководителей федерального Центра бытовых антикавказских фобий и негласных (иногда и открытых) проявлений шовинизма (особенно среди парламентариев);

в) недостаточная профессиональная компетентность, слабая гражданская и дисциплинарная ответственность некоторых госслужащих и парламентариев, представляющих Северный Кавказ; их неспособность преодолеть этническую и клановую солидарность во имя служения государству и закону.

Один из сложнейших вопросов – это наличие большого числа противоречий между конституционным устройством северокавказских республик и федеральным законодательством, но, как правило, они не сказываются на практике отношений между республиками и Центром. Эта коллизия свидетельствует о необходимости более гибкого и современного подхода к вопросам правовых систем в сложном по культурному и религиозному составу населении государстве.

При всей специфике землепользования в регионе законодательное регулирование земельного вопроса на основе рыночных принципов и в режиме федерально-регионального совместного законотворчества является одним из ключевых моментов обеспечения долгосрочной стабильности на Северном Кавказе. Особые законы и нормы о земле необходимы для горных районов, которые бы учитывали культурно-хозяйственные традиции и мировой опыт земельных реформ в районах высокогорья (Анды, Тибет и др.).

Итогом советской политики стало появление ряда этнотерриториальных образований, ныне имеющих статус республик-государств, что можно считать позитивным достижением советской и современной российской политики уважения прав народов. На сегодняшний день северокавказские республики и их границы легитимны и достаточно приемлемы. Изменение статусов и границ в регионе вместо улучшения системы управления и хозяйствования способно взорвать мир и относительную стабильность на Северном Кавказе.

Недавний опыт внутренних территориальных споров, связанных со сталинским наследием депортаций, показывает, что попытки восстановить «историческую справедливость» приводят к новым несправедливостям уже в отношении современного населения. В рамках единого государства эти проблемы должны решаться на путях взаимного сотрудничества, свободы передвижения и проживания, развития экономических и гуманитарных связей, уважения индивидуальных и коллективных прав граждан.

При всей возможной оптимальности дагестанской политической новации по части консосиальной демократии (такой опыт имеется в других странах мира) пока не действует механизм этнической ротации и разделения власти как один из наиболее существенных элементов принятой в республике системы этнопредставительства. При этом альтернативы подобной системе власти пока не видно, о чем свидетельствует трехкратная неудача референдума о введении поста президента.

Причина неудачи разделения власти и этнической ротации в сложных по составу населения образованиях кроется не столько в самой системе консосиальной демократии, сколько в недостаточном гражданско-правовом сознании населения и политиков и в определяющем влиянии криминально коррумпированных сил и связей, которые используют в своих интересах политическую мобилизацию по этническому и джамаатскому (местническому) принципу.

Сравнительно краткий и трудный опыт становления государственных устройств и системы управления в северокавказских субъектах федерации выявил ряд важных моментов, способных решительно влиять на политическую стабильность и предотвращение конфликтов. Среди них следующие:

- а) обязательность регулярной смены власти на выборной основе с точным соблюдением действующих конституционных принципов и законов;
- б) недопустимость политики избирательной ориентации федеральных властей на определенных политических деятелей в ущерб демократическим принципам выборности и состязательности процесса формирования органов государственной власти и управления;

в) необходимость повышения компетенции и правосознания политиков и населения в вопросах государственного управления, в том числе на путях формирования кросс-этнических политических коалиций (партий), которые призваны обеспечивать избирательный процесс и формирование власти;

г) необходимость учета специфики состава населения и традиций при определении местных государственных устройств при соблюдении базовых принципов демократического правления, определенных федеральной и местными конституциями.

Если дагестанская культурная мозаика и отсутствие этнического большинства оправдывают эксперимент с этническим паритетом (ротацией), то законодательное закрепление представительского паритета за этническим меньшинством населения (например, в Адыгее) является нарушением базовых норм демократического правления и основ федеральной конституции.

Эта уступка этнонационализму оказалась возможной в силу слабой организованности гражданского общества и инерции прежней политики предпочтений так называемым титульным национальностям. Этот конфликтогенный элемент государственного устройства в ряде республик может и должен быть устранен через общественную самоорганизацию населения и использование им мирных демократических процедур при поддержке федеральных органов власти.

Окончательно проблема внутреннего сепаратизма в республиках давнего совместного и смешанного проживания граждан различной национальности должна решаться на путях улучшения системы управления, сменяемости властей и более широкого представительства различных групп в органах власти, а не дальнейшего деления государственных образований в условиях, когда невозможно провести административные границы по границам этнических ареалов.

Необходима настойчивая работа с радикально настроенными общественными лидерами, нейтрализация их позиций и недопущение мобилизации населения вокруг нереализуемых политических проектов. Тем не менее, перспектива «кантонизации», т. е. образования отдельных национальных районов в пределах существующих республик не должна исключаться из повестки дня, но только реализовываться этот вариант должен через систему конституционных референдумов и постепенно, чтобы не совершать непоправимых ошибок.

Относительная устойчивость политических режимов и правящих элитных кланов в постсоветское время, сыгравшая в целом стабилизирующую роль, не способствовала развитию традиций прямого народовластия, нормальной смены и сосуществования элитных кланов. Это делает

проблематичной преемственности власти и чревато конфликтами. Остается проблема профессиональной подготовки элит принципам и основам управления государственным образованием, а также привития им чувства общероссийской общности и общегосударственной ответственности.

Северный Кавказ – территория с особыми местными обычаями и традициями, отличающимися от других частей России. Федеральным и республиканским властям следует взвешивать, насколько подобные институты и нормы соответствуют целям мира и стабильности. Процесс национального возрождения сопровождается реанимацией тейповых, джамаатских, ущельных, фамильных и других патриархальных связей. В этих связях главенствуют представители коррумпированных властных, военных, банковско-коммерческих структур, которые образуют кланы, контролирующие власть и ресурсы. Авторитарность и этническая закрытость клановых структур является одной из причин ущемления представителей нетитульного населения. Даже в Северной Осетии с наименьшим оттоком русского населения, представители последнего фактически вытеснены из органов власти. В других республиках ситуация еще более неблагоприятная.

При формировании органов власти полезным было бы опробование почти не применявшихся в практике российских регионов, но таких хорошо известных в мире избирательных механизмов, как система передачи второго голоса (таким образом, при избрании единого главы республики, раз уж выбор сделан в пользу такой системы власти, малые этнические и социальные сегменты получают дополнительный рычаг для учета своих интересов) и пропорциональная система для парламентских выборов. Последняя позволяет более точно отразить структуру многоэтнического общества.

Политическая жизнь на Северном Кавказе замкнута на уровне субъектов федерации при недостаточном развитии над- и субрегионального уровней. На уровне республик, краев и областей концентрируется практически вся власть. Через них идут и перераспределяются денежные потоки из федерального Центра. Целью должно стать расслоение власти по вертикали, распределение ее между уровнем региона, в целом отдельного субъекта федерации, и субрегиональным уровнем (местного самоуправления, территориального общественного самоуправления).

Возможен вариант создания северокавказской парламентской ассамблеи, позволяющей решать часть общих проблем на более высоком, чем позволяют рамки отдельных субъектов федерации, уровне. Следует также помогать региональной ассоциации «Северный Кавказ» как институту, с помощью которого можно решать социально-экономические задачи общерегионального значения. Одновременно нужно способствовать

появлению региональной ассоциации муниципальных образований. При ее создании можно использовать опыт деятельности Ассоциации городов Юга России. Ассоциация послужит противовесом влиянию региональных властей и дополнительным «этажом» для решения политических и социальных проблем региона.

Следует помогать национально-культурным обществам, особенно обществам народов, разрезанных между несколькими субъектами федерации. Таким образом, национальные меньшинства смогут самореализовываться в более широких территориальных рамках.

При организации работы федеральных структур на Северном Кавказе стоит придерживаться принципа разнотерриториальности, разноконтурности различных округов: налоговых, природоохранных, транспортных и т. п., размещение центров их управления в различных северокавказских городах. Нужно предусмотреть возможность образования специальных регионов по примеру существующего особо охраняемого эколого-курортного района Кавказских Минеральных Вод, созданного президентским указом в 1993 г. и управляемого совместно региональными или федеральными властями. Границы таких особых регионов могут не совпадать с границами субъектов федерации.

Цель подобных мер – преодолеть замкнутость политической и социально-экономической жизни отдельных регионов-субъектов федерации, избежать концентрации всей власти и тотального подчинения на этом уровне, создать многоцентровость политической жизни, построить сложные системы сдержек и противовесов. Средства из федерального бюджета должны идти дисперсно, на разные уровни. Для национальных меньшинств это, в частности, будет означать появление новых путей решения своих проблем, дополнительные возможности самореализации во вновь сложившихся управленческих структурах.

Политика в условиях конфликта

Федеральная политика России в конфликтах и кризисных ситуациях должна быть предсказуема. Для чего необходимы четкое разграничение полномочий органов исполнительной власти, устранение нескольких центров принятия решений на федеральном уровне. Шахрахания из стороны в сторону, поддержка то одной, то другой из противоборствующих сторон в конфликтах оказались ошибочными. Неприемлемы официальные контакты с людьми, бросившими открытый вызов государству, а тем более находящимися в уголовном розыске, а также недопустимы ситуации, когда сегодня ведутся переговоры, а завтра переговорщики арестовываются, или наоборот.

Необходимо создать систему разграничения полномочий между различными федеральными органами, причастными к политике на Северном Кавказе, и органами исполнительной власти субъектов региона, без чего невозможно устранить дублирование функций тех или иных ведомств и ликвидировать пласт вопросов, ранее остававшихся бесхозными, наладить четкий контроль за исполнением принимаемых решений.

Принимаемые федеральными и местными властями меры в конфликтах и кризисных ситуациях в регионе должны быть адекватны складывающейся обстановке. Применение силы должно быть дозировано и безопасность гражданского населения должна являться естественным ограничителем ее использования. Недопустимо также промедление с использованием силовых вариантов, когда того требует обстановка. Конфликты не могут быть разрешены исключительно военными средствами. Применение силы, если оно необходимо, есть предшествующая стадия или вынужденный компонент процесса политического разрешения конфликта.

Государственная политика в конфликтах должна быть в разумных пределах транспарентна. Слухи и домыслы приводят в кризисных ситуациях к катастрофическим последствиям. В то же время в современных условиях не обойтись без профессионального информационно-пропагандистского обеспечения действий государства в конфликтных ситуациях, особенно в условиях ведения масштабных боевых действий или осуществления спецопераций.

Процедуры урегулирования и предотвращения конфликтов должны основываться на соответствующей правовой базе. Законодательное регулирование режима чрезвычайного положения, статуса приграничных территорий, правовых основ взаимоотношений с Чеченской Республикой, прав национальных меньшинств, лишь малая часть федеральных законов, которые должны быть приняты Государственной думой.

Вооруженный сепаратизм и терроризм

Ресурсы внутреннего развития Чечни, связанного с перспективами вооруженного сепаратизма, исчерпаны. Ситуация в республике сложилась тупиковая. Противоборствующие в Чечне силы не способны разрешить системный кризис. Правительство Чечни допустило создание очага международного терроризма на своей территории. Альтернативу вооруженному сепаратизму может предложить модернизированная часть чеченского общества как в самой Чечне, так и за ее пределами. Задача чеченской национальной элиты состоит в том, чтобы сплотить эти силы идейно и организационно, консолидировать народ на основе политики здравого смысла.

Идея исламского (шариатского) государства направлена на разрушение традиционной национальной культуры горских народов, их адаптацию и претендует на то, чтобы бросить вызов северокавказской властной элите, ориентированной на Россию. Псевдонезависимая Чечня превращена в опорный пункт ваххабитов и, пока в России не будет осуществлена последовательная линия нейтрализации вооруженных террористических групп, ситуация будет только ухудшаться.

На базе новых сил и соглашений возможно взаимодействие федеральных и чеченских структур в борьбе против преступности, организации восстановительных работ, выплат пенсий и пособий, адресной гуманитарной помощи населению, реализации образовательных и здравоохранительных (реабилитационных) программ. Помощь всей России в восстановлении экономики и социальной сферы ЧР в обмен на признание Чечни частью российского административно-политического пространства – основа стратегии разрешения конфликта.

Процесс нормализации отношений с федеральной властью отвечает жизненным интересам чеченского народа и получит его поддержку. Несмотря на то, что этот вариант отвечает стратегическим интересам населения России и Чечни, реализовать его будет непросто. Обе стороны (особенно федеральная власть) должны проявить терпение, способность к компромиссу, желание действовать в интересах большинства граждан ЧР.

Недопустимы интернационализация конфликта и ввод в Чечню международных миротворческих сил. При таком варианте развития событий будет проводиться желаемая влиятельными внешними силами линия на закрепление полной независимости Чечни, что радикально противоречит интересам России. Подобная линия уже косвенно осуществлялась представителями ОБСЕ в 1995-1996 гг.

Федеральные власти обязаны довести до конца борьбу с террористами и неподконтрольными вооруженными формированиями без массовых жертв и разрушений. Необходимы действия по обеспечению представителей чеченского народа в законодательных органах федеральной власти. Возможно содействие представителям чеченского народа, большинство которого за пределами республики, в самоорганизации с целью принятия участия и воздействия на процесс политического урегулирования конфликта.

Религиозный фактор в конфликтах

Влияние дагестанских ваххабитов ограничено, и это не общедагестанский феномен. Большинство дагестанских ваххабитов не поддерживают идею чеченских исламских радикалов о создании единого чечено-дагестанского исламского государства. Победить фундаменталистский

ислам можно только опираясь на силы гуманистического ислама. В то же время миротворческий потенциал религии ограничен. В условиях открытых вооруженных конфликтов он не способен быть основной формой миротворческих усилий. Но религиозный фактор не должен игнорироваться при формировании политики в регионе. Важно поддержание систематического диалога между представителями ведущих конфессий – исламом и православием.

Ограниченны проявление идеи «исламской солидарности», поскольку ислам на Северном Кавказе разделен этническими перегородками. На доктринальном уровне «догматический ислам» мало совместим с синкретическим, суфийским исламом братств. Маловероятно возникновение на исламской основе квазигосударственных объединений. Гипотетический имагат на базе Дагестана и Чечни вряд ли когда-нибудь состоится, что было подтверждено в ходе конфликта на границе между Чечней и Дагестаном.

Ислам как политическое средство достижения межэтнического согласия продемонстрировал свою ограниченность. Как фактор межэтнической и конфессиональной интеграции на уровне региона он может проявить себя лишь в случае необдуманных или провокационных действий со стороны федеральных властей. В целом конфессиональный фактор вряд может быть эффективно использован во имя достижения политической стабильности в регионе.

В то же время религия, особенно ислам, обретает все большее значение в общественно-политической жизни. Однако не следует абсолютизировать значение религиозного фактора и использовать его как аргумент неких межцивилизационных столкновений. Стоит делать акцент на мирном сосуществовании разных конфессий, на поиск диалога между их носителями, в том числе в сфере политических взаимоотношений.

Культурное пространство и русский фактор

Северный Кавказ в результате вхождения в состав российского государства и участия в его культурном диалоге, в том числе с русским языком и культурой, обрел черты той общности, которые позволяют говорить о нем как об историко-культурном, а не только экономико-географическом регионе.

Основы демократического управления, интересы сохранения культурного многообразия России, международно-правовые стандарты требуют уважения к состоянию малых культур, обеспечения прав граждан, связанных с их принадлежностью к той или иной этнической общности. Культурная стратегия в регионе должна основываться на обеспечении и гармоничном взаимодействии всех трех культурных потоков (северо-

кавказского, общероссийского и мирового), к которым добавляется также важный срез местных межкультурных взаимодействий.

Реформирование графики алфавитов и орфографии осознается некоторыми кавказскими лингвистами как актуальная задача и может приобрести важное культурно-образовательное и общественно-политическое значение. Он требует всестороннего анализа, чтобы принимать решение без ущерба, прежде всего для носителей самого языка, которые являются гражданами большого государства с преобладающим русским языком и кириллической графикой. Следует учитывать, что часть представителей северокавказских народов пользуется русским как родным языком, и далеко не все представители данных народов проживают в рамках соответствующих республик, где предполагается осуществить подобную реформу. Поспешное решение может привести к конфликтным ситуациям и разобщению граждан одной республики и одной страны.

Генеральным направлением культурно-языковой политики должно быть повсеместное развитие национально-русского двуязычия (или многоязычия) как единственной формулы обеспечения дальнейшей модернизации и интеграции северокавказцев в общероссийскую культуру, основанную на русском языке, и сохранения местных языков как важного элемента национального самосознания и культурной отличительности.

Реальная жизнь и современная теория доказывают, что широкое распространение двуязычия и многоязычия не только возможно, но и является дополнительным преимуществом тех граждан, которые владеют несколькими языками, проживая в многоэтничном государстве или регионе. Этот принцип желательно распространять и на русскоязычное население, всячески стимулируя овладение им местных языков, что должно способствовать оздоровлению климата межнациональных отношений в регионе.

Противодействие и разъяснительная работа требуются в отношении радикально-националистических призывов противопоставить русский и другие языки друг другу или снизить статус русского языка. Эти призывы направлены на самоизоляцию и культурную демодернизацию населения Северного Кавказа. Русский язык является в равной мере культурным достоянием всех жителей региона, а языковая ассимиляция в пользу русского языка части граждан необязательно означает исчезновение народа и не является чьей-то виной. Через знание русского языка обеспечиваются возможности жизненного преуспевания, интеграция в более широкий внешний мир и более сильная гражданская идентичность и общероссийский патриотизм.

В отношении местных языков курс должен быть взят на более полное изучение реальной ситуации их бытования и возможностей сохра-

нения и дальнейшего развития. Должный уровень существования этих языков может обеспечиваться без их форсированного насаждения в общественно-политическую и экономическую сферы, которые функционируют в режиме более широких межэтнических контактов и не признают групповую изоляцию.

Языки народов Северного Кавказа могут сохраняться и успешно осуществлять свои важные этнокультурные функции, даже если они будут функционировать и поддерживаться преимущественно в сфере семьи, культуры и гуманитарной науки. Успешное функциональное разграничение языковых сфер доказывается опытом многих государств, где проживает многоэтническое по составу население. Развитие национальных (особенно малых) языков нуждается в государственной поддержке, прежде всего по линии модернизационных языковых реформ, подготовки учебной и другой литературы, программ в средствах массовой информации.

Осваивая фундамент начального образования на родном языке, расширяя и углубляя возможности обучения родному языку и литературе в старших классах, северокавказская школа нуждается в глубокой научной проработке проблем, связанных с этими процессами. Отсюда вытекают важные задачи, которые предстоит решить педагогической и этнографической наукам. Усилия их должны быть направлены на выявление социолингвистических особенностей бытования языков на Северном Кавказе, анализ складывающейся системы образования на родном языке, определение оптимального соотношения между родными и русским языками в процессе преподавания, совершенствование программ и методик преподавания родного языка и предметов на родном языке.

В связи с новыми потребностями общественных трансформаций, прежде всего развитием рыночной экономики и демократических институтов, на сферу образования возлагается задача массовой подготовки профессиональных кадров в сфере финансов и менеджмента, правоведов, социальных работников, специалистов в сфере рекреационного бизнеса и др. Излишняя гуманитаризация сферы образования создает перепроизводство (главным образом из представителей титульного населения) специалистов малополезных профессий. Не производится достаточного числа специалистов именно тех сфер общественной занятости, которые могут обеспечить эффективные экономические преобразования, стабильное политическое управление, а самое главное – решить проблему достойной занятости молодого поколения. В этом вопросе приоритеты образования прямо связаны с предотвращением социальной напряженности и обеспечением мира в регионе.

Среди важнейших задач культурно-информационного обеспечения населения региона следует отметить насущную необходимость развития радио и телевидения на местных языках.

Нынешние трудности на Северном Кавказе усугубляются тем обстоятельством, что исторически Россия, точнее русскоязычная российская культура утрачивает в этом регионе безраздельное доминирование, что по существу означает конец однозначной русификации и европеизации или же, что точнее, – усложнение самого содержания российской культуры. В культурном пространстве более значимыми становятся как местные этнические культуры, так и культурные мировые системы, связанные с исламской или восточной традицией.

В целом Северный Кавказ остается в европейском культурном поле, как, кстати, фактически все государства бывшего СССР. Попытки демонтировать российское (русское) и европейское в культурном облике представителей северокавказских народов даже в условиях жесткого вооруженного режима в Чечне назвать успешными трудно и едва ли это возможно, а тем более целесообразно с точки зрения интересов самих народов.

При широком распространении языковой ассимиляции, которая по существу сделала регион двуязычным, более глубокое проникновение в местный быт русских этнокультурных стандартов не произошло, хотя уровень культурных заимствований и взаимовлияний остается высоким, и будет сохраняться в будущем. Именно присутствие российской (русской) культуры в регионе определяет во многом общие культурные черты, а не некая уникальная северокавказская цивилизация.

При известных потерях и трансформациях, которые претерпели культуры народов Кавказа, многие коренные основы традиционного быта и мировоззрения сохранились и продолжают оказывать воздействие на формирование этнокультурного облика народов. Для северокавказского этнокультурного самосознания некоторые общероссийские стандарты остались неприемлемыми, хотя за пределами бытовой повседневности (в общественно-политическом устройстве, правовой системе, профессиональной культуре, науке, информации) общероссийские культурные ценности присутствуют достаточно мощно. Это сложное существование и своеобразный культурный диалог должны поддерживаться как наиболее оптимальные для данного региона России.

В нынешней ситуации специфика постсоветских изменений на Кавказе способствует росту фундаменталистских настроений, актуализации в массовом сознании круга традиционных этнических воззрений, росту отчужденности и негативизма по отношению к новым культурным стандартам, которые ныне тиражируются свободными от цензурирования российскими (прежде всего московскими) СМИ, несущими своим читателям,

слушателям и зрителям в печатном, радио и телевизионном вариантах трудно приемлемые культурные нормы и ценности (секс, насилие и пр.).

Значительный приток в республики Северного Кавказа представителей титульных национальностей может послужить детонатором чрезвычайных событий как в плане дальнейшего обострения социально-экономического положения в регионе, так еще более в плане обострения не только межэтнических, но и внутриэтнических отношений, неизбежным следствием которых станет усиление и без того уже значительного оттока русского населения. Общественные организации в республиках Северного Кавказа, включая казачьи организации, не в состоянии решать серьезные проблемы, стоящие перед русским населением региона.

Экономический кризис и идеология национализма не позволяют руководителям отдельных республик Северного Кавказа и их национальных общественных движений увидеть в перспективе негативные последствия вынужденной миграции русских и представителей других нетитульных национальностей. Определение действенной миграционной политики, способной если не прекратить, то хотя бы уменьшить масштабы вынужденной миграции русских из республик Северного Кавказа и тем самым устранить вероятность ее негативных последствий, невозможно без разработки специальной комплексной программы, направленной на снятие межнациональной напряженности, а через это стабилизацию этнополитической ситуации в регионе.

Наука, конфликтная мифология и миротворчество

Необходим реестр проблем современного общественного развития на Северном Кавказе, который может быть выработан совместными усилиями ученых и политиков. Конференции кавказоведов в регионе и, возможно, в Москве могут стать форумами для подобного обсуждения, особенно если в них примут участие политики и управленцы разного уровня. Необходим анализ состояния самой экспертизы, выполненных и планируемых исследований, их уровня и результатов, а также состояния научных кадров и их специализации.

Следует осуществить меры противодействия силами научного общества распространению антинаучных взглядов, исторических и политических спекуляций, манипулированию массовым сознанием, насаждению межэтнической розни, националистической мифологии.

Сохраняя свободу научного творчества, необходимо повысить гражданскую ответственность обществоведов, занимающихся проблемами Кавказа, утверждать среди них ориентации служения интересам государства и общероссийскую лояльность. Частично это может быть реа-

лизовано через систему заказных исследований и исследовательских грантов из государственных источников на поддержку науки.

Следует вступить в более активный и критический диалог с зарубежными специалистами по Кавказу, отстаивая приоритеты отечественной экспертизы и оказывая влияние на формирование научных подходов в международном научном сообществе. Следует радикально улучшить состояние научной критики кавказоведческих работ, в том числе политизированных научных спекуляций среди отечественных и зарубежных авторов. Необходимо издание массовыми тиражами добротных научных работ отечественных исследований, в том числе их переводов и издания на иностранных языках.

Для противодействия националистической исторической мифологии необходимо:

а) официальное признание совершенных в прошлом несправедливостей по отношению к малочисленным народам и этническим группам (в том числе замалчивания важных для них исторических фактов и событий);

б) культивирование мультикультурализма, требующего безусловного уважения к иным этническим традициям;

в) усиление контроля над созданием учебной литературы; формирование комиссий из ученых, уполномоченных отбраковывать издания, содержащие ксенофобные или расистские положения;

г) проведение совещаний историков (с привлечением археологов и лингвистов) заинтересованных сторон по обсуждению и взаимоприемлемому решению спорных вопросов историографии.

Характер диаспор определяется историческими и современными реалиями, их действия могут активизироваться под влиянием внешних и внутренних этнополитических факторов. В целом диаспоры и их национально-культурные организации становятся активными участниками этнополитических процессов в крае и во всем северокавказском регионе. В этой связи можно предложить следующие рекомендации:

а) при разработке и реализации программ гармонизации межэтнических отношений учитывать фактор диаспор и усиливающую роль национально-культурных организаций;

б) при учете этнических интересов дифференцировать таковые у различных этнических групп, вычлняя религиозные, культурные, языковые аспекты, в особенности степень сохранения этнокультурных характеристик;

в) при организации миротворческого процесса активно включать в него национально-культурные организации, используя их гуманистический, миротворческий потенциал;

г) включать национально-культурные общины в структуру образований, способствующих в гармонизации межэтнических отношений: участие в конференциях, совещаниях, симпозиумах;

акциях народной дипломатии, проведении соответствующих праздников, дней культуры, фестивалей, выступления в СМИ;

д) активизировать деятельность соответствующих муниципальных служб, равноуровневых межэтнических советов, комиссий, центров межнациональной дружбы;

е) осуществлять содействие со стороны государственных органов и муниципальных служб в осуществлении принципа национально-культурной автономии, активизировать связи национально-культурных общин и государственных районных, территориальных администраций, муниципалитетов;

ж) издавать научно-исследовательскую, учебную литературу для обеспечения образовательных программ с этническим компонентом, печатные органы для представителей диаспор, а также межэтнические газеты и журналы;

з) привлекать руководство и представителей национально-культурных общин к семинарам, курсам повышения квалификации по этнической тематике; обеспечить этнологический всеобуч населения.

Общая картина практики миротворчества в регионе приводит к следующему выводу: современная этнополитическая ситуация на Северном Кавказе диктует необходимость реализации на практике многоуровневой системы взаимодействия, затрагивающей федеральные, региональные органы власти, органы местного самоуправления, силовые структуры, общественные и научные организации, СМИ и творческие объединения Северного Кавказа, а также некоторые международные организации.

Внеинеполитические аспекты и деятельность

Геополитический аспект международных отношений, точнее говоря, борьба государств за власть и влияние лишь одна из сторон сложного взаимодействия интересов многочисленных участников, вовлеченных в происходящие на Северном Кавказе процессы. Эти процессы имеют в основном внутренние корни.

Слабость России создает возможности для усиления западного проникновения и влияния на Северный Кавказ, но в действительности вакуум власти привлекает в регион враждебные и неподконтрольные Западу силы. Исламский экстремизм в его вооруженной, террористической форме один из главных врагов стран Запада начал разрушительное проникновение и на территорию России. Именно эту озабоченность и опыт противодействия

исламскому экстремизму Россия могла бы использовать более активно в отношениях с США и странами ЕС.

Российские внешнеполитические ведомства, другие государственные, общественно-политические и деловые организации и силы должны обратить внимание на укрепление экономических и гуманитарных связей с Турцией с активным участием северокавказских государственных и предпринимательских структур. Неиспользованным аргументом в позиции России остаются огромные выгоды, которые Турция получает в последние годы от деятельности строительных и других фирм в РФ, от экономического и рекреационного туризма россиян в эту страну.

Теократический характер Саудовского государства, состав и взгляды его правящей элиты, процесс принятия решений и возможности расходования огромных денежных средств превращают Саудовскую Аравию в одного из ведущих международных игроков на российском Северном Кавказе. Необходимо выработать особые методы и подходы к нейтрализации саудовского влияния.

Действия ряда внешних сил на Северном Кавказе (например, нефтяных компаний и неправительственных организаций) слабо контролируются государствами или не контролируются ими совсем. Такие явления, как терроризм, наркоторговля, организованная преступность, носят все более международный характер. Поэтому нужно учитывать возрастающее значение фактора глобализации политических, экономических, коммуникационных отношений в мире и его отдельных регионах, в том числе на Северном Кавказе.

Общей стратегии внешних разнородных сил не существует, но смысл их активности состоит в том, чтобы превратить Северный Кавказ в составную часть мусульманского мира, а в геополитическом отношении включить его в расширенный Ближний и Средний Восток. Попытки реализации этой цели представляют в настоящее время и в перспективе наиболее серьезную угрозу национальным интересам России, стабильности и миру на Северном Кавказе.

Необходимы договоренности и сотрудничество между Россией, Азербайджаном и Грузией в отношении регионов вооруженного сепаратизма в этих странах с целью обеспечения территориальной целостности, урегулирования сепаратистских конфликтов и защиты от международного терроризма. В отношениях с этими соседними и культурно близкими странами Россия должна использовать экономический аргумент, что до сих пор одним из основных источников жизнеобеспечения населения Азербайджана и Грузии являются не международные нефтепроекты, а торгово-предпринимательская деятельность азербайджанцев и грузин на

территории России. Российский рынок, а не каспийская нефть останутся основным источником развития этих стран и в будущем.

Распространение традиционного ислама на Северном Кавказе может способствовать стабилизации ситуации в регионе. Проблема заключается в том, что религиозная деятельность, во-первых, в значительной мере осуществляется зарубежными исламскими центрами, при отсутствии поддержки процессу доисламизации со стороны российских властей и распространившейся в обществе исламофобии, а во-вторых, отчасти направляется зарубежными кругами, преследующими не столько религиозные, сколько геополитические цели.

Задача российской внешней политики и дипломатии – создание благоприятных внешних предпосылок для реализации главных целей сохранения целостности государства и укрепления его единства при условии развития правового демократического государства, отдающего приоритет правам человека. Для достижения этой задачи необходимо выработать и реализовать скоординированную стратегию, основными направлениями которой должны быть следующие:

а) Повышение заинтересованности иностранного капитала в стабилизации ситуации на Северном Кавказе и повышение его участия в проектах развития региона.

б) Определение в качестве важнейшего приоритета нормализацию и развитие отношений с непосредственными соседями – государствами Закавказья по всем основным направлениям:

в) Институализация политического диалога с Турцией в пользу стратегического взаимопонимания с Россией. Введение в практику консультаций на уровне генеральных штабов Вооруженных сил России и Турции. Углубление политических контактов с Израилем, Ираном, Пакистаном, Саудовской Аравией, Иорданией.

г) Осуществление мер, направленных на историческое примирение России с исламским миром с целью превратить традиционный ислам на Северном Кавказе в союзника в борьбе с экстремизмом.

д) Изоляция экстремистских сил на Северном Кавказе путем заинтересованного диалога с руководством Турции, Египта, Израиля, других государств Ближнего и Среднего Востока, стран СНГ, Европейского Союза, США. Укрепление взаимодействия с соответствующими службами этих государств в целях совместной борьбы с международным терроризмом.

е) Упредительные акции в связи с прошлой договоренностью об определении статуса Чечни до 2001 года с целью исключения ситуации, когда нерешенность вопроса о статусе может быть использована иностранным государством как предлог для признания независимости Чечни.

ж) Объяснение российской общественности и внешнему миру целей и методов российской политики на Северном Кавказе с целью достижения ее понимания и поддержки.

з) Оборудование государственной границы с Азербайджаном и Грузией, создание специальной зоны безопасности на территории Чечни и сопредельных территориях, региональной системы обеспечения безопасности Юга России.

Партнерами России могут стать транснациональные корпорации, для реализации проектов которых требуется стабильность в Кавказско-Каспийском регионе. Россия может действовать совместно или параллельно с государствами Закавказья, Ближнего и Среднего Востока. Особое значение имеет достижение взаимопонимания между Россией и США по комплексу вопросов, связанных с развитием ситуации в Кавказско-Каспийском регионе и Центральной Азии.

Обеспечение внешнеполитических интересов России в связи с Северным Кавказом требует координации усилий федерального центра, северокавказских республик и тех субъектов федерации, которые имеют широкие международные связи (Татарстан, Башкортостан, Москва, С.-Петербург и др.). Полезно создание консультативного органа, состоящего из глав исполнительной и законодательной власти соответствующих регионов и руководителей ряда федеральных ведомств.

Социально-культурный аспект терроризма*

Представители самых разных общественных дисциплин пытаются осмыслить феномен международного терроризма. Складываются разные подходы к данному анализу и сама методология анализа. Чтобы избежать поверхностных суждений или схоластических дебатов, важно верно определить дисциплинарный контекст и методы изучения проблемы терроризма. С дисциплинарной точки зрения заслуживает внимания ракурс политической и шире – социально-культурной антропологии, который предостерегает от системного фетишизма и обращает внимание на культурный контекст и на своего рода низовую этнографию терроризма. Этот подход полезен, ибо помогает уйти от устойчивых образов неких коллективных тел, движений и институтов, которые якобы и определяют «большие события». На самом деле проблема сложнее и тоньше, и далеко не все определено историей, социально-экономическими факторами или религиозной доктриной.

О терроризме часто говорят в контексте конфликта цивилизаций и других глобальных категорий («Север-Юг», «бедность-богатство»). Однако *современный обществоведческий анализ предполагает большее внимания к элементам, связанным с неопределенностью, с иррациональными факторами и с несистемными взаимосвязями и воздействиями*. Различные мета-конструкции, как, например, глобализация или цивилизация, даже не очень и понятны как категории анализа или конкретной политики. В случае с терроризмом явно предпочтительнее говорить о симбиозе локализма и глобализма. В этом контексте гораздо более понятной становится ситуация, когда человек, сидя в афганских горах, имея счета в банках и спутниковую связь, может влиять на то, что называется «глобальными процессами», т. е. осуществлять широкие воздействия, что раньше не было возможным.

Так же уязвимы жесткие дихотомии в объяснении того, что произошло 11 сентября 2001 года. Пока прозвучали два основных подхода: это конфликт бедности и богатства и конфликт больших догм на уровне мировых религий. В какой-то мере эти две оценки адекватны реальности, но они явно недостаточны. В них присутствует культурный детерми-

* Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга за 2001 г. Под редакцией Валерия Тишкова и Елены Филипповой. М., 2002. Вариант опубликован также в: Социологические и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом. Под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 2002. С. 22-31.

низм, то есть абсолютизация социокультурных различий. Если до этого мы абсолютизировали идеологические, классовые, социальные различия, то теперь наблюдается своего рода этнографизация действительности и одержимость установлением культурных различий там, где на самом деле общность на порядок больше, чем различие.

При анализе феномена терроризма такое глобальное деление, как Север – Юг, должно быть построено представлением о том, что есть единый мир и есть множество миров. И если мы хотим понять, кто против кого воюет, то нелишне поинтересоваться: где провели большую часть своего жизненного времени несколько десятков человек, подозреваемых в причастности к осуществлению сентябрьских террористических актов? Оказывается, что это территория Великобритании и Соединенных Штатов Америки. Там же были обретены и все необходимые навыки осуществления террористического акта и там же были произведены орудия террора. Таким образом, это в рамках одного мира порождаются жестокость, фанатизм и готовность осуществлять насилие. Оклахомский взрыв и его главный герой Т. Маквейн – это целиком американское порождение, как и американский гражданин, готовивший террористический акт с применением радиоактивного вещества. В равной мере Дудаев, Масхадов, Басаев с их вариантом вооруженной сепаратистской тактикой террора были порождены в российской среде, а не в среде бедности и фанатизма. Таким образом, *терроризм – это не война миров, а явление, которое пересекает границы и может существовать повсеместно. Что же до глобального (масштабного) терроризма, требующего знаний, умений и средств, то он вообще не может существовать без богатого мира.*

Если проследить, из каких источников в течение последнего десятилетия черпали основные финансовые и идеологические ресурсы внесистемные активисты, различные группы и силы, которые подвергают сомнению статус-кво в виде современных государств, то обнаружится, что основным источником была именно территория США. Хотя там и был принят закон против терроризма, но именно с этой территории поступали деньги на закупки оружия для вооруженных сепаратистов во многих регионах мира: от Ольстера до Косово, включая Чечню и Афганистан.

Одно дело – позиция по отношению к терроризму правительства или высшего руководства страны, но нужно анализировать и поступки действующих лиц уровнем ниже – экспертов, бюрократии, лидеров-активистов, роль которых огромна. Например, в то время как США на официальном уровне декларируют признание территориальной целостности России, высокопоставленные чиновники Государственного департамента, члены Конгресса и другие влиятельные политические деятели могут занимать совсем другую позицию, держать в своем кабинете портрет Джохара Ду-

даева и приглашать того же Масхадова или его «министра иностранных дел» на встречу в Фонд Карнеги за международный мир или даже в Госдепартамент. Тем самым осуществляется акция поддержки и признания «полезных» террористов в рамках геополитического соперничества, достаточно близорукого, но в то же время приносящего свои результаты.

Сложность социально-политической материи, с которой мы имеем дело, требует более чувствительного анализа и соответствующих реакций. В частности, мы имеем дело с новым по своему воздействию феноменом, который не укладывается ни в рамки государства, ни в рамки этнических общностей. Речь идет о «неформальных сетях» – диаспорных, радикально-фундаменталистских или нарко-криминальных коалициях, которые сегодня играют огромную роль. Они не обязательно привязаны к какой-то одной этнической группе, скажем, китайской или албанской, сейчас появляются транснациональные и «псевдо-цивилизационные» общности – исламская, арабская, тюркская, магрибская. Солидарность здесь выстраивается по причудливым принципам. Неформальные сети очень подвижны, их программа и действия зависят от определенного контекста. Но роль их чрезвычайно велика, особенно в осуществлении скрытых разрушительных действий. Именно поэтому необходим постоянный мониторинг подобных организаций и коалиций, чтобы секретари Совета безопасности РФ и другие самые высокие чиновники знали, что нельзя иметь дело с экстремистскими сектами типа японской Аум Синрикэ, а МИД не выдавал въездные визы деятелям американской организации «Исламская нация», направляющимся взрывать обстановку в Дагестане.

В современном мире произошли существенные изменения статусно-ролевых позиций. Прежде государства и культурно доминирующие демографические большинства представлялись как источник проблем и насилия, а меньшинства и внесоциальный сектор, в т. ч. разные «освободительные» движения, как страдающие, требующие защиты и международной поддержки. Даже часть Нобелевских премий мира ушла на эти цели. *Сегодня местные активисты, представители меньшинств в союзе с другими сообществами, неправительственными организациями и международными структурами могут осуществлять гораздо более мощные акции и силовые воздействия, в том числе и быть инициаторами насилия.* С одной стороны, большие игроки (великие и региональные державы) умело используют их в борьбе против своих геополитических соперников, с другой стороны, сами местные радикалы где-нибудь в Чечне, Дагестане или Карачаево-Черкесии уже научились использовать в своих собственных интересах геополитическое соперничество, на-

чиная с трибуны ООН, международных джунглей Брюсселя и Страсбурга до Государственного департамента США.

Новые коалиции, которые выстраиваются от имени «угнетаемых меньшинств» или «непризнанных» наций, в последнее время сильно скомпрометировали себя готовностью прибегать к насилию и включаться в геополитические баталии. Поэтому *сегодняшний мир должен быть не меньше озабочен проблемой защиты основ правопорядка от тех, кто не признает статус-кво и желает изменить его силовым способом, безосновательно присвоив себе право действовать от имени групп меньшинств и, чаще всего, – вопреки воле большинства.*

С этими новыми условиями и факторами мы мало имели дело и не выработали определенные стратегии ответов. По-прежнему что-то мямлим относительно «национального самоопределения» в этническом смысле, по-прежнему ищем или строим «национальные государства» взамен «многонациональных империй», вместо того чтобы просто укреплять государства как самую эффективную форму коллективной человеческой организации и обеспечивать согласие проживающего во всех государствах культурно разнородного населения.

В ближайшей исторической перспективе ничто не сможет заменить нынешнее основное деление мира на государственные образования, так называемые «национальные государства», хотя это добавление к термину «государство» абсолютно бессмысленно. Государства останутся основными формами легитимной коалиции людей, они будут иметь исключительное право на осуществление насилия, право на определение жесткого членства этих коалиций. Они будут охранять свои ресурсы, свои территории, свои границы. Никакие диаспоры, этносы, исламские умы, «международные сообщества», – никто другой не должен получать это право. Кроме случаев, когда сами государства делегируют часть своих функций международным структурам или вооруженным союзам. Вот почему вызывает опасение появление «международной антитеррористической коалиции», попытки которой навязать свою волю могут вызвать обострение отношений между государствами региона вмешательства и цепную реакцию отмщения в форме террористических актов как единственного средства борьбы против сверхмощных вооруженных коалиций.

Сентябрьские события повлияют в глобальном масштабе на то, что в свое время хорошо отразило название отчета об одном из семинаров Аспеновского института (США): «Сильные государства – это сильные надежды». То есть сильное государство прежде всего обеспечивает порядок и развитие. Всякие разговоры тех же, кстати говоря, американских ученых-экспертов о том, что современное государство в кризисе, что половина

или две трети членов ООН – это квази-государства, или «недосоопределенные» государства, или «государства в состоянии риска», являются политизированной безответственностью.

Результатом многих глобальных проектов, которые выполняли зарубежные коллеги в последние десятилетия, заложив политизированный мусор в компьютер, стал такой же мусор в виде списков «меньшинств в состоянии риска» или «государств в состоянии распада». Тем самым общественное сознание, в том числе и отечественное с его дебатами о «национальных движениях» и «религиозных возрождениях», способствовало появлению нереализуемых проектов и косвенному оправданию насилия. Характерный пример – теория базовых человеческих потребностей в современных учебниках по конфликтологии, согласно которой, якобы, в ответ на угрозу таким потребностям, как сохранение групповой целостности и культурное самовыражение, люди готовы идти на все, невзирая на то, что их будут считать террористами.

Эти предписания на уровне академических конструкций имеют огромное значение, так же как и визуальная трансляция образов террора (от горящего небоскреба до портрета Бен Ладена). Не будь в Нью-Йорке телекамеры, которая сняла самолеты, врезавшиеся в башни, мы бы не называли произошедшее поворотной датой в мировой истории. Конструирование образов и превращение с их помощью событий в «эпохальные» тоже имеет огромное значение.

В производстве террора особую роль играют различные несистемные активисты. Думая, что какие-то цивилизационные или религиозные метаструктуры воюют против «золотого миллиарда», мы совсем не обращаем на них внимания. Между тем, сегодня, имея денежные средства и набор постулатов, можно мобилизовать рекрутов из бедных и богатых, из ненавистников и авантюристов, на любые действия. Поэтому *начало терроризма не там, где «реальная» бедность, а там, где создают ощущение бедности, несправедливости и безысходности*. Нужно сначала бедность объяснить, а ненависти – научить. Люди во многих других государствах мира живут гораздо беднее, чем в арабских странах, но им не объяснили, или по телевизору не показали, что «вас эксплуатирует золотой миллиард, вы бедные, вы заслуживаете лучшей жизни». Должно быть предписание: ты беден, тебя угнетают. Странники террористических действий рождаются на основе именно этих предписаний и совсем не обязательно – в условиях реальной нищеты.

Надо избегать абсолютистского понимания уровня и условий жизни: у вас ВВП на душу такой-то – значит, вы в состоянии риска, и общество или меньшинство пойдет на все для того, чтобы достичь лучшего состояния. Это не так. Без внешних предписаний (их авторами могут

быть этнографы, социологи, правозащитники, журналисты и прочие) бедность и отчаяние не актуализируются, а дьявольский замысел и фанатичная жертвенность невозможны. Пришла пора объяснять эти тонкие и не очень приятные истины, чтобы московские и другие ученые проявляли больше осторожности в обучении Корану тех, кто это обучение использует для оправдания насилия.

Осознание человеком того, что он беден, обездолен, что должен взять реванш, появляется тогда, когда есть агитаторы и телеэкраны для сравнения. Даже исторические драмы и то объясняются специальными интерпретаторами, ибо современный человек, в том числе боевик или террорист, сам не пережил ни депортацию, ни геноцид прошлых десятилетий или, тем более, столетий. Воюющие непримиримые чеченцы сами депортированы не были. Надо было прочитать книгу А. Автурханова «О народоубийстве» и трехтомник под редакцией С. Алиевой «Так это было», или послушать митинги в Грозном, или прочитать закон 1991 г. о реабилитации репрессированных народов – и уже тогда уверовать в «справедливость дела».

Важно изучить, как люди становятся рекрутами массовых мобилизаций и радикальных проектов, инициировать которые могут внесистемные активисты или люди, располагающие большими средствами и зловещими талантами (не обязательно за ними стоит некая коалиция или вся арабская элита). Этот феномен нужно отныне особо отслеживать. Это также применимо к России: важно установить тот момент, когда простой паренек из башкирской деревни (юноша, которого сейчас судят как участника теракта, а родители говорят, что «он хороший, его все уважали, он никого не обидел») вдруг стал таким, что назад пути нет. Как получилось, что он готов собой пожертвовать? Это сложный феномен, и он не связан ни с цивилизацией, ни с политикой, а скорее с генетическим здоровьем, образованием и психологией.

Отслеживание этого феномена связано с необходимостью объяснить, как люди, решив покончить жизнь самоубийством, в течение нескольких лет проходили сложнейшее обучение вождению самолета – современного «Боинга», совершали другие длительные и сложные подготовительные действия и даже заводили семьи. Это феномен, для понимания которого недостаточно глобальных категорий: государство, этнос, религия, элиты... Поэтому важно установить, когда и как молодой человек из деревни воспринимает опасные заблуждения, которые потом невозможно демонтировать. *Необходимо отслеживать эти примитивные, упрощенные конструкции, призывы, лозунги, вплоть до интерпретации религиозной догматики, пока их воздействие не стало опасным для обще-*

ства. Именно здесь нужно вести работу, чтобы принять превентивные меры, помимо тех, о которых уже говорилось и которые уже приняты.

В контексте проблемы терроризма важно сделать некоторые выводы. В какой стране мы живем, к какому миру принадлежим и какой выбор мы сделали? Ответ на эти вопросы зависит от того, как мы сами себя квалифицируем, т. е. как мы себя назовем. Мы явно принадлежим к «золотому миллиарду». Пусть внизу, но мы принадлежим к нему. И поэтому не следует президенту Путину произносить во время встречи с финским президентом слова: «Мы пока еще очень бедная страна». Стоит взглянуть с экранов на Афганистан, чтобы понять, что такое бедная страна. Среднеазиатские государства СНГ, т. е. часть наших бывших соотечественников, – это совсем другой мир по сравнению с Афганистаном. Поэтому самокатегоризация нас как бедных, построивших «криминальное государство под пиратским флагом», как заявил «совесть нации» Александр Солженицын на общем собрании РАН, означает приглашение желающих это государство изменить или из него выйти силой (террором).

И последнее – в отношении научной экспертизы. Здесь тоже должны быть предприняты серьезные усилия. Мы в последние годы утратили добротные, хорошие знания (я имею в виду комплекс близких мне дисциплин) о том же Афганистане, о Средней Азии, о других регионах, в том числе и о США. Сегодня мы хороши на уровне политологических дебатов, умных и просвещенных суждений, но эмпирического, полевого материала не хватает. Сейчас в десятки раз больше, чем российских специалистов, сидит американских антропологов в Средней Азии. Они там не только в каждой стране, но и в каждом районе. Они отслеживают современные процессы, и не только отслеживают, но и выполняют более сложную задачу – формируют свое видение ситуации в Ферганской долине, в регионе в целом. Следует срочно возродить отечественную экспертизу внешнего мира, включая экспертизу Соединенных Штатов Америки. У нас практически в Америке никто не работает, не ведет полевые исследования. Те же из соотечественников, кто это делают в качестве американских стипендиатов, занимают часто более антироссийскую позицию, чем сами американцы.

Главный вывод: *глобальная стратегия противодействия терроризму – это укрепление государства как источника порядка и легитимного насилия, соблюдение интересов большинства, воленавязывание со стороны большинства, ограничение внесистемных активистов и политики меньшинств, отторжение радикальных проектов и призывов.*

*

Межэтнические отношения и их восприятие в постсоветском пространстве*

Обзорные статьи к ежегодным докладам включают выборочный анализ наиболее значимых тенденций развития в странах бывшего СССР, и прежде всего в Российской Федерации и ее регионах, где Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов осуществляет мониторинг этноконфессиональной ситуации. За 2002 год нами выделены следующие значимые процессы и события, которые так или иначе обозначились или могут обозначиться в будущем в общественно-политической жизни России и других стран. Это – демографическая ситуация в связи с окончанием раунда первых постсоветских переписей населения и этнополитические проекции демографии. Это – восприятие внутригосударственных и межгосударственных миграционных проблем и вопросов положения «соотечественников». Это – проблема «национальных меньшинств» и недавняя увлеченность в России «диаспоризацией всей страны». Наконец, это – оценка российских трансформаций и состояния общероссийской идентичности через призму ежегодного президентского послания о положении в стране.

Демография, переписи и политика

Проведение первых, после советской переписи 1989 г., переписей населения в новых государствах имело исключительное политическое и народно-хозяйственное значение. Перепись является важнейшим актом, легитимно устанавливающим сам факт наличия населения у того или иного государства. Поскольку без населения не может быть государства, переписи для новых образований имеют особое значение, не меньшее, чем конституции, армии, или охраняемые границы. Переписи охватывают население в пределах государственных территорий, поэтому переписать их жителей означает дополнительно оформить демографическую и территориальную основы государства. Это важно в случае спорных территорий или территорий, где власть центрального правительства полностью или в значительной мере утрачена или оспаривается. Вот, кстати, почему проведение российской переписи в Чеченской республике имело особое значение, ибо подсчет населения России без

* Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад за 2002 год Сети этнологического мониторинга. Под ред. Валерия Тишкова и Елены Филипповой. М., 2003. С.

учета населения Чечни косвенно означал бы отторжение этой территории и ее населения от остальной страны.

Наконец, для постсоветских государств, базирующихся на доктрине этнического национализма (провозглашенных от имени самоопределившихся этнонаций – азербайджанцев, белорусов, латышей, украинцев, эстонцев и т. п.) было важно в переписях затвердить статус демографического большинства за представителями одной из этнических общностей, наделенной статусом «коренной» или «титულიной», и принизить значимость других компонентов населения и его этнокультурное разнообразие. Переписи имели и другое значение для организации экономики и социальной жизни. Как отметил В. В. Путин на заседании Государственной комиссии по проведению переписи в апреле 2002 г., «перепись даст нам самый полный и самый подробный слепок с российского общества».

Еще в 1995 г. всеми национальными статистическими службами новых независимых государств было принято решение об одновременном проведении очередных переписей населения в 1999 г. на единой методологической основе. Статкомитет СНГ даже разработал такие методологические основы, и при нем действовал Координационный совет по содействию проведению переписей населения в странах Содружества. Были подготовлены модельные закон о переписи, вопросник (программа), основные организационно-методологические положения по проведению переписи населения. До конца 2002 г. сплошные переписи населения провели Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизстан, Таджикистан, Грузия, Украина, Россия, а также три государства Балтии. Предварительные краткие итоги уже известны, и они позволяют сделать некоторые важные выводы о движении населения на территории бывшего СССР после 1989 г.

Совокупное население постсоветских государств осталось фактически неизменным – 288 млн. человек, т. е. всего на два миллиона больше, чем составляло население СССР в 1989 г. Однако различия между странами очень большие. На очень большой рост населения указывают оценочные данные по Узбекистану, но, как обычно бывает, оценка выше реальной численности (исключением стала Россия, где последние 10 лет статистики и эксперты не замечали или не умели сосчитать миллионы нерегистрируемых мигрантов). В ряде государств (особенно в Армении, Грузии, на Украине) население уменьшилось очень заметно в силу снижения рождаемости, роста смертности и активной эмиграции в другие регионы мира. Только государства Средней Азии и Казахстан, а также Азербайджан и Молдавия сохранили и даже увеличили численность своего населения, несмотря на интенсивную эмиграцию из этих стран, преимущественно в Россию. Скорее всего, эта общая тенденция будет

сохраняться, а именно – демографический потенциал среднеазиатского региона (мусульманского постсоветского мира, если сюда добавить Азербайджан) будет расти, демографический потенциал, условно говоря, православно-славянского мира (если добавить сюда Армению и Грузию) будет сохраняться примерно на том же уровне, а демографический потенциал балтийских стран будет сокращаться.

Сохранение этой тенденции связано не только с естественным движением населения, но и с миграционными потоками между странами бывшего СССР. Эти потоки имеют одну долговременную направленность: идет миграция в Россию из других стран, кроме стран Балтии, и сокращается миграция из России в другие страны бывшего СССР. Кстати, именно за счет последнего фактора, а не роста миграции в Россию (в период 1979–89 гг. миграция в РСФСР из других союзных республик была выше, чем в последующий период), Россия имела столь высокое положительное сальдо в миграционном обмене в рамках бывшего СССР. Наличие ресурсов, позитивные социально-экономические изменения и благоприятный фон политической и культурной жизни в России сохранят и даже усилят ее притягательность для граждан бывшего СССР и в будущем. Именно это составит основной источник роста населения или его сохранения на нынешнем уровне, несмотря на неблагоприятные показатели естественного движения населения (высокая смертность и низкая рождаемость).

Однако реализация этой важнейшей тенденции во многом зависит от ряда экономических и политических обстоятельств, прежде всего – от характера миграционной политики России. Если экономическая ситуация и политическая стабильность России скорее увеличивают, чем уменьшают ее миграционную привлекательность, то в области миграционной политики и общественного отношения к миграции 2002 г. был одним из самых неблагоприятных. Существенно скорректированы в сторону ужесточения условия временной трудовой и постоянной миграции в Россию, а также порядок приобретения российского гражданства. Принятый в июне 2002 г. Закон о гражданстве Российской Федерации и одобренная Концепция государственной миграционной политики были продиктованы не только соображениями более четкого регулирования миграционных потоков в интересах национальной безопасности и более цивилизованного использования труда мигрантов в России, но и другими обстоятельствами. Эти документы и стоящий за ними курс были вызваны и более тривиальными причинами. Прежде всего – бытовой ксенофобией и низкой квалификацией управленцев и экспертов, особенно в рядах президентской администрации и правительственных служб. Поощряемые политиками и частью СМИ антимигрантские и

ксенофобские настроения укрепились и среди части российского общества, создавая иллюзию «настроений масс». Отсюда родилась безумная идея некоторых ключевых политтехнологов укрепить рейтинг президента и осуществить консолидацию общества через конструирование новой «большой угрозы» в виде массовых потоков неконтролируемой иммиграции. Необходимость этого оправдывалась спадом патриотизма после отражения «чеченской агрессии против России» и на фоне медленного урегулирования ситуации в Чечне.

2002 год принес много проблем сотням тысяч людей, не имеющих нового российского гражданства (старое советское у многих есть), но живущих и работающих в России. Возросло отчуждение от нашей страны жителей других стран бывшего СССР, а также ухудшилось отношение к русским в тех странах, куда депортируют мигрантов, или выходцев из которых подвергают унижению и насилию в России (прежде всего в Азербайджане и Таджикистане). Экономика, торговля и сервис пострадали, а в выигрыше те страны, куда теперь предпочитают уезжать на заработки молдаване, армяне, украинцы и другие, ценные работники и потенциальные граждане. Цена обещанного порядка на границе и на городских рынках на порядок ниже нанесенного ущерба.

Послание президента Путина указывает на необходимость исправить совершенные ошибки в государственной политике по вопросам гражданства и миграции. Но джинн ксенофобии и антимиграционизма уже вырвался на более широкий простор и овладел общественными настроениями. Поставить его под контроль и изменить отношение российского общества и политической элиты в сторону осознания пользы и поощрения миграции будет очень трудно, но необходимо. Тот факт, что в 2002 г. миграционный приток был одним из самых низких, говорит о неудовлетворительной работе миграционных служб: более объективно-го критерия оценки деятельности в этой сфере быть не может.

Межэтнические отношения

Как показал наш мониторинг, нет особых оснований говорить о негативной динамике или о неблагоприятных прогнозах в сфере межрелигиозных и межэтнических отношений. В 2002 г. не было крупных проявлений коллективного насилия на этой почве, как в России, так и в других странах бывшего СССР. Старые сепаратистские конфликты никак не решались, но самопровозглашенные государства Абхазия, Карабах и Приднестровье дожидаются ухода с политической арены инициаторов вооруженной сепаратистской организации и организаторов ответного насилия, чтобы найти путь к миру и к автономному существованию в рамках признанных государств. СНГ нуждается в новой программе урегулирования имевших место в

начале 1990-х гг. конфликтов, и Россия может проявить здесь инициативу, несмотря на уязвимую репутацию в разрешении собственного аналогичного конфликта.

В самой России политический и интеллигентский национализм в республиках заметно увял, хотя в Республике Татарстан, где он сильнее всего, для очередной националистической мобилизации была использована перепись населения. Кампания «Запишись татарин!» в ответ на провокационную выдумку о задуманной в Москве акции по расколу татарской нации показала, что «титупльная» элита в ряде республик может обращаться к этническим чувствам граждан и держать их наготове как дубинку в переговорных процедурах с федеральными властями. Эта ситуация будет сохраняться до тех пор, пока не будут выстроены гражданские межэтнические коалиции в форме партийных или общественных организаций, которые будут сдерживать узкий этнонационализм и политизацию этничности. Доктринальные и правовые коррекции в рамках программы по «приведению в соответствие» кое-что дали, но по-прежнему сохраняется та же идеология (и насаждаются соответствующие настроения), что Башкирия, например, потому и есть государство, что в ней живет и самоопределилась башкирская нация. Будущая судьба российских республик зависит не от сохранения и неприкосновенности татарского или башкирского суверенитетов, а от того, насколько автономия и самоуправление будут приносить пользу всему населению республик и «добавлять» возможности для выражения и развития татарской или башкирской культур в рамках соответствующих республик. Именно добавлять, при прочих равных условиях для всех граждан независимо от этнического происхождения. Это может показаться парадоксальным, но республики сохранятся, если на следующих выборах на смену Шаймиеву и Рахимову придут руководители не из числа татар и башкир. Иначе «губернизация» вполне вероятна: слишком многих политиков воодушевляет эта идея.

Не менее тревожным был рост ксенофобии и нетерпимости в отношении представителей меньшинств и последователей ислама. На самом высоком уровне и на всю страну с экранов телевизоров и газет делались заявления об исламской угрозе в России, о невозможности интеграции представителей некоторых народов и мигрантских групп в российское общество. По всей стране стали распоздаться и тиражироваться в местных газетенках, а затем и в заборных надписях человеконенавистнические лозунги. В это опасное занятие стала все более активно вовлекаться молодежь, и группы скинхедов появились в провинциальных городах, оспаривая монополию Москвы на нетерпимость. Редкие попытки призвать к порядку нарушителей закона, в том числе и закрыть некоторые периодические издания, оказались мало эффективными. В обществе мало групп

и структур, которые осуществляли бы мониторинг и инициировали возбуждение уголовных дел против нарушителей закона, а судейский корпус вместе с заседателями не способен четко определить, что означает «разжигание межнациональной розни» и «оскорбление национальной чести и достоинства». Необходима специальная подготовка работников правоохранительных органов в области противодействия экстремизму. Принятый в 2002 г. федеральный закон о противодействии экстремизму пока применяется очень слабо и часто выбирает неверные цели.

В 2002 г. действовала федеральная целевая программа «Утверждение толерантности и профилактика экстремизма в российском обществе», в рамках которой уже выполнены полезные научно-исследовательские разработки и подготовлены методические и образовательные материалы, но масштабы этой программы должны быть расширены. Она заслуживает не меньших ресурсов, чем празднование юбилеев крупных городов.

В России продолжается самоорганизация этнокультурных объединений в рамках закона о национально-культурных автономиях. Эти объединения выстраивают полезный диалог с властями на разных уровнях, делают очень много для сохранения этнических традиций, языка, устранения имеющейся дискриминации в разных общественных сферах. Однако создание и деятельность таких объединений не должны ставить своей целью деление населения страны на экстерриториальные этнические корпорации с всеобщим охватом и с единым представительством, а тем более с правом политического представительства или даже политического давления. В 2002 г. такая тенденция просматривалась. Некоторые лидеры автономий и их объединений (например, Союз диаспор России или Союз армян России) стали явно узурпировать право говорить от имени всех представителей той или иной российской национальности или осуществлять вмешательство в государственные и даже межгосударственные дела.

Внутренне самоопределение через национально-культурную автономию затрагивает только малую часть населения нерусского этнического происхождения, которое желает активно практиковать свои культурные традиции и удовлетворять связанные с этим специфические запросы. Но помимо прав, организации российских меньшинств имеют и определенные моральные и политические обязанности, даже если они не получают прямой финансовой помощи от государства. Прежде всего это обязанность обеспечивать согласие, улаживать конфликты, защищать обиженных и помогать государству и обществу в решении общих проблем развития страны. Эти объединения могли бы сделать многое в сфере отношений России с внешним миром. Например, нынешние ли-

деры российских еврейских организаций, некоторые из которых имели прямое отношение к принятию конгрессом США поправки Джексона-Вэника в 1970-е гг., могли бы организовать эффективное давление в пользу ее отмены в сегодняшних условиях. Ситуация такова, что даже президент Буш не в силах решить этот вопрос, и позиция российского еврейства имеет здесь немалое значение.

В истекшем году нашим национально-культурным общественным движениям и организациям явно не хватало демонстрации приоритета российской идентичности, зато возросли требования к государству об оказании финансовой поддержки и обеспечении политического представительства на этнической основе. Министр по вопросам национальной политики В. Ю. Зорин наладил полезный диалог с Консультативным советом национально-культурных автономий, но последний выдвинул неквалифицированное требование о восстановлении вопроса о родном языке в переписи населения. В результате сделанной уступки переписчикам были даны неудачные инструкции, которые к тому же не везде выполнялись. Таким образом данные о языковой ситуации в стране оказались искаженными. Некоторые амбициозные лидеры от имени «армян России» делали заявления по поводу выборов в Армении или армянского геноцида начала прошлого века, хотя таких полномочий россияне армянского происхождения никому не давали, и подавляющее их большинство о существовании такой организации не имеет даже понятия. Дальнейшее существование и развитие национально-культурных автономий зависит не столько от внесения поправок в действующий закон, сколько от более эффективной самоорганизации и мобилизации собственных ресурсов этнических общин и объединений, от культивирования ими чувства ответственности перед всем российским обществом и от демонстрации общероссийской лояльности.

Увлечение диаспорой

Еще в середине 1990-х гг. в аппарате Миннаца появился отдел «диаспорных народов». Первоначально это казалось причудой начальника отдела, ассирийца по этнической принадлежности, и пристрастием некоторых специалистов к наукообразным терминам. Постепенно понятие «диаспора» стало все шире использоваться в отношении нерусской части населения больших и малых городов (чеченская, татарская, армянская, грузинская и т. п. диаспоры в Москве, Петербурге, Владимире и т. д.). Наконец, в 2002 г. была создана организация под названием «Союз диаспор России», которая объединяет все нерусские национально-культурные объединения, пожелавшие в нее войти. Некоторые ученые написали книги, защитили докторские диссертации и даже создали «теории диас-

поры». Уже два–три года выходит журнал «Диаспоры». Что это за новое явление в российском многоэтничном государстве и каков его смысл?

Если отвлечься от чисто научных аспектов проблемы, то мне прежде всего видится в этом увлечении диаспорой стремление провести еще одну разделительную линию в российском народе. Изначально российские энтузиасты диаспоризации страны подразумевали отделить этим понятием часть населения (или народов), которые не обладают титульностью через «свои» республики, а как бы живут в рассеянии (дисперсно) при наличии где-то за пределами России подлинной (исторической) родины. К диаспорным народам сначала отнесли евреев, российских немцев, греков, корейцев и т. п. В дальнейшем этот подход был скорректирован, ибо известно, что и многие другие народы в большинстве своем или в значительной части живут за пределами «своих» республик. Понятием «диаспора» воспользовались и сами республики, в которых стали говорить о «татарской диаспоре» за пределами Татарстана, о башкирской, осетинской и других диаспорах. И все это в одном государстве!

Ныне диаспорой стали все, кроме русских и проживающих в «своих» республиках «титульных». Армянин или татарин, семьи которых несколько поколений живут в Москве, оказывается диаспорой, а я, приехавший поступать в МГУ с Урала сорок лет тому назад, – не диаспора, а, видимо, коренной житель. Российский немец, живущий в России веками, воспитанный на русском языке и общероссийских культурных нормах, почему-то должен считаться диаспорой в собственной стране и «коренным» в Германии, где его так совсем не воспринимают, а из России выманили по экономическим и политико-идеологическим причинам. Скорее, наоборот, российский немец – это представитель диаспоры в Германии, которого России уже давно пора защищать от дискриминации и помогать в сохранении родного для него русского языка.

Все было бы более безобидно, если бы за категорией «диаспора» не стояло разделение и отчуждение. В Москве есть чеченская община, грузинская община (и то это очень условные, собирательные понятия), но таких диаспор нет, ибо внутри государства граждане не могут делиться на диаспоры, за исключением новожителей-иммигрантов или старожилов, продолжающих считать своей основной родиной страну исхода и соответственно демонстрирующих это в своем поведении. Так что нужны срочные поправки в нашем политическом и научном языке: смутный язык ведет к смутной политике.

Формы идентичности в России

2002 год не принес особых откровений в российское ментальное пространство, но можно было наблюдать некоторые отрядные тенденции. Ри-

торика жалоб и кризисная парадигма стали изживать себя: слишком трудно не замечать столь масштабные позитивные перемены, как всеобщая автомобилизация, жилищный строительный бум, огромные объемы продаж товаров длительного пользования, рост числа обучающихся в вузах или путешествующих за границу, невиданное в истории страны культурное производство. Политические параноики и ученые-фундаменталисты продолжают писать и говорить, что «90% процентов населения живет в нищете», что «построили благополучие только в столичном городе», что «разрушили великую страну и великую культуру». Но уже меньше плача по поводу имперского угнетения и русского колониализма со стороны представителей нерусских народов: престижные должности распределены, первичная приватизация завершилась, а заботы о сохранении языка и культуры всегда были не самыми главными в так называемых «национальных возрождениях» и «национальных движениях».

Граждане страны, представляющие разные этнические общности, все больше начинают ощущать себя россиянами. Это становится основной формой социально-культурной идентичности, ибо российскость – это причастность к великой исторической традиции, к одной из самых богатых культур мира, к одному из мировых языков – русскому языку. С отменой паспортной записи об этнической принадлежности открывается плодотворная перспектива и расширения понятия *русскости*, хотя современные шовинисты, действующие, якобы, от имени русского народа, мечтают установить критерии для определения – кто есть русский, и произвести более жесткую сортировку населения, наделив русский народ особо оговоренным статусом. Это опасная и нереализуемая утопия, как, если бы ханьцы в Китае, англичане в Великобритании и кастильцы в Испании стали бы утверждать, что они и есть «государствообразующие народы», а всем другим будет хорошо, если им будет хорошо.

Россиянин и русский – это, конечно, не одно и то же, хотя языки внешнего мира такого различия, к сожалению, не делают. Пришло время МИДУ через дипломатический протокол рекомендовать более адекватное написание названия нашей страны, как Russian Federation (Rossia), а название жителей страны, как Rossiani или Rossians. Слово Russian сохранится как обозначение самой большой этнической общности страны или доминирующей формы идентичности. Причем русскими могут считать себя все, кто таковым себя считает и кто, как говорил П. Струве, «участвует в культуре». Этот назревший процесс строительства общероссийской идентичности идет медленно и с какими-то конвульсиями в форме намеренной телепропаганды эпатажей лидера ЛДПР или скрыто-шовинистических разговоров: «Да какой он русский с такой фамилией?».

Прошедшая перепись населения и вся наша жизнь убеждают, что в рамках прежней «национальной политики», которая строилась на разделении населения страны на нации и народности, мы не создадим стабильное государство и не обеспечим эффективное управление. К пользе и к чести нашей страны, российский народ сохраняет полиэтническое многообразие на протяжении веков (даже Новгородская республика была многоэтнической конфедерацией!). Конечно, для представителей всех этнических групп (национальностей) важно иметь возможность самовыражаться, сохранять свою культурно-языковую отличительность и заявлять об этом всему миру. Но государственное самоопределение всех без исключения граждан страны реализовалось в Российской Федерации, и у нас нет «безгосударственных» граждан (а значит, и народов). Перепись 2002 г. добавит к списку российских национальностей около двух десятков новых названий, но не это главное. Главное – что приходит конец методологии, заложенной первой советской переписью 1926 г., когда вместо языка и религии был избран принцип этнического самосознания для переписной фиксации культурно отличительных категорий населения и последующего конструирования социалистических наций на этой основе. Все больше россиян желают заявлять о своей сложной идентичности, ибо они реально являются носителями нескольких культур. Все большее число жителей нашей страны могут называть себя афганцами, вьетнамцами, китайцами т. п., хотя в этих странах живут десятки разных народов, говорящих на разных языках. Все большее число россиян будут предпочитать сохранять принадлежность и к самой «малой» культуре, и к культуре более крупного народа. Разделить на курии российский народ будет все труднее.

В рамках обновленной этнокультурной политики федеральная власть должна выстраивать разнообразные и конструктивные отношения с республиками, автономными округами и общественными объединениями. Но нельзя навязывать искусственные разделители в виде конфликтных версий истории, политических или финансовых предпочтений, особых государственных программ, записей в официальных документах, а тем более – принятия правовых текстов с упоминаниями того или иного особого статуса для определенной этнической общности. В нашей стране живет один народ, а Россия – это состоявшееся национальное государство. В этом плане в 2002 г. были сделаны кое-какие важные шаги, но их недостаточно.

Трудное прощание с этнонационализмом*

Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга не ограничивается строгим отчетом о том, что произошло в 2003 г. в сфере этнополитики и межэтнических отношений. Он представляет собой попытку оценить тенденции и динамику явлений в данной сфере общественной жизни в разных регионах Российской Федерации и в ряде других государств бывшего СССР, где осуществляется этноконфессиональный мониторинг. Доклад содержит ряд проблемных статей и регионально-страноведческие анализы, а также оценку динамики межэтнических ситуаций на основе индикаторов модели этнологического мониторинга. Моя задача – изложить некоторые общие наблюдения и высказать предложения по доктринальному обеспечению эффективного управления многоэтничными обществами. Здесь также невозможно ограничиться анализом только того, что произошло в 2003 г. Некоторые процессы наметились ранее и продолжают сегодня. Некоторые проблемы не решаются давно, но решать их необходимо. Наконец, есть вопросы глобального осмысления современной ситуации в мире, на территории бывшего СССР и в каждой стране в отдельности. При всей универсальности многих ситуаций существует и очень значимая специфика, которая также требует анализа и учета.

Страны бывшего СССР: неясности «нациестроительства» и возможность нового раунда насилия

Во всех государствах бывшего СССР продолжается процесс изживания идеологии советского этнонационализма. Наделение этнических общностей государствообразующим началом сыграло определяющую роль при распаде СССР и в появлении конфликтов на этносепаратистской основе, но этот же фактор стал не менее мощным препятствием на пути консолидации и развития новых государств, население которых имеет многоэтнический состав. Следуя советской логике понимания «национального вопроса», часть населения, имеющая этноним, от которого образованы названия новых государств, объявила себя «нациями» (латышской, украинской, эстонской и т. п.) и перевела в разряд «меньшинств» остальное население, которое из состава «коренного» или «государствообразующего» было ис-

* Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад за 2003 г. Сети этнологического мониторинга. Под ред. Валерия Тишкова и Елены Филипповой. М., 2004. С. 5-12.

ключено. Эти люди, называемые в России «русскоязычными», «соотечественниками», «диаспорой», на самом деле также были создателями новых государств, независимо от того, как каждый из них в отдельности голосовал на референдумах или как они относились к распаду СССР.

По всем международно-правовым канонам и даже по собственным конституциям та часть населения, которая была переведена в ранг «меньшинств», должна пользоваться равноправием, но в реальности этого не произошло. Более того, в Латвии и Эстонии имел место отказ от нулевого принципа гражданства. Здесь появилась многочисленная категория лиц без гражданства. Во всех странах имел место процесс исключения меньшинств из власти, ущемления их в хозяйственно-предпринимательской деятельности, особенно в приватизации ресурсов, а также в обеспечении культурно-языковых и информационно-образовательных потребностей. Эта изначально конфликтогенная политика рано или поздно должна была вызвать ответную реакцию недовольства и общественную мобилизацию дискриминируемых. Но только в 2003 г. В Латвии, например, стало заметным движение в защиту образовательных прав русскоязычного населения. Безусловно, на очереди движение за равноплатусность языка и культуры русскоязычных на Украине, Молдове и, возможно, в Казахстане. *Все постсоветские страны, чтобы стать стабильными национальными государствами, будут вынуждены принимать доктрину многоэтнических гражданских наций, отказываясь от несостоятельной доктрины этнонационализма и от разделения своих подданных на «нации» и «национальные меньшинства».*

Старая политика двойных стандартов в данном вопросе со стороны «международного сообщества» в целях дистанцирования новых государств от России и некогда слабая правовая просвещенность (точнее, инерция советских представлений о том, что есть нация и что составляет основу «национальной государственности») уходят в прошлое. Вместе с ними отступают деморализованные настроения и слабая общественная самоорганизация «новых меньшинств», большинство из которых составляют этнические русские, чье этнокультурное ядро продолжает существовать по соседству, в России, и нигде не исчезнет в будущем, не позволяя тем самым долго существовать этой постсоветской политической патологии.

Ресурсы этнонационализма, на котором до сих пор держится государственное устройство почти всех постсоветских образований, все более слабеют, но свои результаты эта политическая практика уже дала. Почти во всех странах в результате миграционных процессов, статистических манипуляций в ходе переписей и социально-политической маргинализации новые меньшинства действительно стали таковыми по сво-

ему менталитету и даже по своему поведению, казалось бы, оставив надежды на отвоение равноправного статуса или хотя бы достойной внутренней автономии. Но этот процесс может иметь и обратную динамику, как и тенденции реинтеграции в рамках пространства бывшего СССР.

Слабость постсоветского государствовоительства проявилась именно в этноцентристских установках и в отказе от признания многоэтнических гражданских наций как единственных субъектов, делающих новые государства мирными и жизнеспособными. Новое поколение политиков и экспертов в странах бывшего СССР все больше начинает понимать, что ни демография, ни культура, ни география не позволят устранить «русский фактор» из их жизни и сделать из русских латышей или казахов. Не получится этот вариант и с бывшими советскими «двойными меньшинствами», т. е. абхазы и юго-осетины не станут грузинами, гагаузы – молдаванами, крымские татары и поляки – украинцами, татары и белорусы – литовцами.

Тем не менее, переход от этнической к новой общегражданской доктрине основ государственности до сих пор не произошел. Идея этнически однородных наций с одним языком (латышской, грузинской, эстонской, украинской, молдавской и т. п.) остается доминирующей, и ей подчинены разные программы «национализации» и «интеграции», а также миграционно-демографическая политика. В государствах бывшего СССР, за исключением России, главной задачей в сфере межэтнических отношений остается все та же: сделать «больше латышей и меньше русских». Как признала президент Латвии, основная проблема с русскими в Латвии – это их большая численность.

Отчаянные усилия по украинизации, казахизации, эстонизации и т. п. дали к 2003 г. достаточно скромные результаты: спустя 13 лет не появились «Грузии для грузин» и «Латвии для латышей». Все эти усилия свелись главным образом к установлению безраздельного контроля над сферой власти, приобретению ресурсов и престижных позиций, расширению образовательно-информационного пространства на официальных языках. В чем-то эти процессы были неизбежны как реакция на старую советскую политику доминирования русскоязычного «Центра». Однако ассимиляции (в некоторых странах это называется более мягким словом «интеграция») в пользу господствующих этнонаций не случилось. Можно говорить в лучшем случае о более активном изучении официального языка «нетитульными» или русскоязычными, а также более частым выбором потомков от смешанных браков в пользу «коренной национальности».

Но тогда о чем говорят нам результаты переписей населения в тех странах, где они прошли и где уже известны их результаты? Внешне изменения выглядят достаточно драматичными. Во всех странах, кроме

Российской Федерации, выросла доля, а в Азербайджане, Украине, Молдове, Белоруссии, странах Средней Азии и в Казахстане – и абсолютная численность доминирующей этнической группы и сократились соответствующие показатели остальных групп населения, за редким исключением: увеличилось число крымских татар на Украине и, возможно, гагаузов в Молдове (здесь пока не было переписи). Это действительно объективное изменение, вызванное прежде всего миграционными процессами и разными темпами естественного роста населения среди разных этнических групп. Безусловно, рождаемость среди казахов и азербайджанцев выше, чем среди русских в Казахстане и в Азербайджане. Известны также достаточно достоверные цифры выезда русских из этих стран после 1989 г. Но, тем не менее, достоверность многих данных, а, значит, и степень перемен вызывают вопросы.

Общая тенденция для всех стран заключается в более тщательном переписывании и в приписках к численности титульного населения. Как известно, нетитульные, особенно русские, – это преимущественно городские жители. Переписанное более дисциплинированное село – это уже большой плюс в пользу титульного населения. Часть русских не хотела проходить перепись из-за своего статуса (двойное гражданство или без гражданства) или же не желала раскрывать информацию для представителей власти, которые проводили перепись. Недоучет русских и других нетитульных сопровождался припиской большого числа титульных, которые находятся временно (фактически – постоянно) за рубежом, главным образом в России.

По нашим оценкам, явно завышены данные по численности грузин, армян, азербайджанцев, таджиков, казахов, киргизов, узбеков в соответствующих государствах. Явно занижены данные по численности русских на Украине (кроме территории Крыма), в странах Балтии, Молдове, Казахстане. Если сюда добавить фактор лучшего учета сельского населения, чем городского, тогда пропорции по всем странам бывшего СССР не должны измениться столь значительно, хотя общая тенденция остается верной. *Русских и других нетитульных становится меньше, а титульных – больше, но далеко не настолько, чтобы вести речь о национальных государствах в смысле, который в это вкладывают постсоветские политики.*

Нет и никогда не будет (без масштабной этнической чистки!) государства казахской нации или государства латышской нации, а есть и будет все больше укрепляться единственный возможный вариант: государства латвийской и казахстанской наций. Для нацистроительства в рамках мирного и стабильного варианта все это имеет принципиальное значение. Отмеченный в 2003 г. рост общественно-политической само-

организации латвийцев нелатышского происхождения в защиту своего родного русского языка и вступление в Европейский союз трех балтийских стран должны будут наметить эти новые тенденции отхода от постсоветского национализма. Хотя именно в балтийских странах этнонационализм и антироссийскость, в том числе и в форме русофобии, особенно сильны, но есть надежда, что эти «мы – маленькие нации» будут постепенно изживать свой комплекс бывших советских меньшинств, видящих своего главного врага в лице России и русских.

Под давлением жестких реалий делает шаги в том же направлении и Грузия после смены политического руководства, хотя объявить публично о федерализации страны на этно-территориальной (Абхазия и Южная Осетия) и региональной основе (Аджария и, возможно, Джавахетия) националистически настроенный истеблишмент этой страны пока не готов, не смотря на заявления президента М. Саакашвили. В свою очередь, этносепаратизм тех, кто когда-то одержал военные победы, никак не уменьшается, а некоторые самопровозглашенные государства (Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия) не сняли со своей политической повестки достижение независимости. Нагорный Карабах остается заложником мировой армянской диаспоры и соседней Армении. В Южной Осетии и Абхазии выросло число людей с российским гражданством и популярна идея присоединения к России. В Приднестровье в 2003 г. был реальный шанс достичь урегулирования на основе автономного воссоединения региона с остальной частью Молдовы, но этому помешала западная дипломатия, не желающая отдавать России инициативу в миротворческой деятельности на территории бывшего СССР.

В итоге в постсоветских странах перспектива деполитизации этнического фактора и разрешения старых этнических конфликтов выглядит неопределенной, и сохраняется возможность нового раунда насилия все по той же самой причине не умирающего этнического национализма, как среди правящих элит, так и среди значительной части населения. *Представляется, что высказанное мною в предыдущем докладе предложение об отказе от второго раунда дезинтеграции территории бывшего СССР и о необходимости обеспечения целостности и суверенитета 15 новых государств, пока оказалось реализованным только в отношении одного государства – России. Хотя именно за счет отторжения Чечни от России некоторые мировые политические круги и предполагали продолжить «досамоопределение» бывших советских наций, которые, якобы, только в России по некоторой случайности судьбы остались без «своего государства» при распаде СССР.*

Российская Федерация: трудные слова о российской нации

Действительно, из всех новых стран после распада СССР только Россия не объявила себя «национальным государством», записав вместо этого в свою Конституцию советскую формулу «многонациональности». Для самого крупного и самого многоэтничного из всех постсоветских государств, при наличии этнотерриториальных автономий со статусом «республик-государств» это было даже еще более рискованным продолжением советского опыта отказа от гражданского националстроительства, чем для остальных стран. Однако достижения страны в социально-экономической области, эффективное руководство президента В. Путина и внимание к мировому опыту государствовоительства без отказа от национальной специфики привели к поворотному моменту в доктринальном переосмыслении России как национального государства.

Из всех слов, произнесенных президентом В. В. Путиным до совещания 5 февраля 2004 г. в столице Чувашии городе Чебоксары, меня больше всего «грели» слова президентского тоста «За российский народ!», произнесенные им под Новый 2002 год. В Чебоксарах президент озвучил принципиально важное положение, которое отныне невозможно замолчать и над которым следует поразмыслить серьезно. Путин сказал, что еще в советские времена говорили о единой общности – советском народе, и под этим были определенные основания. «Полагаю, что сегодня мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации... Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя единым народом. Они используют все свое богатство, культурное многообразие в интересах всего общества и государства. И мы обязаны сохранить и укрепить наше национальное историческое единство».

Десять лет тому назад Б. Ельцин включил аналогичные слова о гражданской российской нации в текст ежегодного президентского послания. Правда, сформулировано это было только в форме задачи на будущее, т. е. как общественно-политический проект. Но тогда сразу же появились недовольные статьи отечественных «нациеведов» и даже открытое письмо президенту, которые «затоптали» эту исключительно важную доктринальную новацию. Сказалось и противодействие политиков-националистов из российских республик по поводу «ошибки» президента, совершенной якобы по подсказке сторонников западных рецептов. В ход были пущены аргументы ортодоксов «национального вопроса»: концепция «советского народа» была вредной фикцией, и попытка его создать обернулась распадом страны; в стране уже существуют нации, и никакой общей нации быть не может, а ельцинские «дорогие россияне» – это эвфемизм, ничего не значащее слово, схожее по смыслу с «марсианами».

Таким образом, этнонационализм под прикрытием конституционной записи о «многонациональном народе» удерживал свои позиции все эти годы, а в ходе всероссийской переписи населения 2002 г. и парламентских выборов 2003 г. расцвел пышным цветом. Татарские националисты пытались убедить как можно большее число граждан страны в том, что важнее «записаться татаринომ», нежели «вписать себя в историю России». Националисты шовинистического толка или так называемые «национал-патриоты» успешно играли на лозунгах типа: «Мы – за бедных! Мы – за русских!» и на этом дружно прошли в состав новой Государственной думы.

У меня нет полной уверенности в том, что изложенный президентом Путиным взгляд на национальную общность россиян, а значит, и на Россию как на национальное государство, найдет необходимые поддержку и понимание, особенно среди этнических предпринимателей, которые используют «национальность» в качестве инструмента для манипулирования избирателями и распределения власти и ресурсов. Не готово воспринять новый язык и новое видение страны и экспертное сообщество, ибо среди «специалистов по национальному вопросу» по-прежнему доминируют люди, построившие свою карьеру на разработке проблем интернационализма, а по сути – этнического национализма.

Некоторая надежда остается на завершающуюся работу по обновлению «Концепции государственной национальной политики», которая может послужить основой для законотворчества и для конкретной политики в данной сфере общественной жизни и управления. Но и здесь нужны не простая коррекция, а более фундаментальные изменения, включая само название документа.

Термины «национальный вопрос», «национальная политика», «национальные отношения» и другие языковые производные утвердились в отечественной научной традиции и в общественно-политической практике в советское время и были связаны прежде всего с «национальным строительством» и с отказом от признания в качестве нации гражданско-го (государственного) сообщества. Попытка исправить этот недостаток была предпринята в 1970-80 гг. в форме концепции «советского народа как новой исторической общности». Однако излишняя идеологизированность этой концепции не позволила ей утвердиться в полной мере, хотя советский народ как гражданско-политическая и как социально-культурная общность, безусловно, существовал. Эта общность во многих своих проявлениях сохраняется до сих пор.

С образованием Российской Федерации в ее новой территориальной конфигурации утверждение общегражданской идентичности «российского народа», «россиян» как многоэтнической гражданской нации произошло не

сразу и даже намеренно отвергалось частью ученых и политиков, хотя население новой России имеет высокую степень социально-политического и историко-культурного единства. Инерция прошлого, консерватизм экспертного сообщества и этнический национализм части политической элиты и общественных активистов мешали все эти годы более энергичному утверждению представления о России как о состоявшемся национальном государстве и о российском народе как о гражданской нации. Тем не менее, понятия «национальные интересы», «национальная безопасность», «здоровье нации», «лидер нации» и другие производные от гражданско-политического смысла слова «национальный» достаточно прочно утвердились в языке и общественно-политической практике последних лет.

Как показывают многочисленные исследования, подавляющее большинство населения ставит свою гражданскую идентичность россиянина на самое высокое место, несмотря на многообразие форм этнической идентичности. В этой ситуации отказ от гражданско-политического содержания понятия «нация» препятствует обеспечению единства российского народа. Никакие формулы о «дружбе народов» и «интернационализме» не могут заменить отказ от формулы гражданской нации.

Признание российского народа как единой гражданской нации не отменяет наличия в России этнических общностей («народов» или «национальностей»), и с учетом давней традиции использования термина «нация» на данном историческом этапе вполне возможно сохранить двойной смысл этого словоупотребления: российский народ, или российская нация как согражданство – и народы, или этнонации как этнические сообщества.

Исходя из вышеизложенного, невозможно продолжать пользоваться термином «национальная политика» в его этническом смысле. *Национальная политика – это политика обеспечения национальных интересов государства во внутренней и внешней сферах. Политика в отношении российских национальностей (этнонаций) и управления межэтническими отношениями должна называться «этнонациональной политикой».*

Но, оказывается, не так просто внедрять слова о российской народе, а тем более о российской нации, в сознание людей, если политический лексикон еще полон старых и, конечно, более привычных выражений. Языковая многозначность сохраняется даже в самых фундаментальных текстах и понятиях. Приведу только один самый знаковый пример. Вступая в свое второе президентство, В. Путин в тексте официально принятой законом присяги произнес заключительные слова: «служить народу России». Но после этого зазвучали слова столь же официально одобренного государственного гимна о «сплоченных народах». Затем в своей инаугурационной речи президент сказал о том, что «российский народ становится, посте-

пенно становится единой нацией», незаметно, но значимо отступив от своих же слов, сказанных в Чебоксарах, что российский народ исторически представляет собой единую нацию. В Конституции, которую поклялся соблюдать президент, говорится о «многонациональном народе» (выражение, которое еще в 1992 г. я, будучи федеральным министром, предлагал С. Шахраю заменить на «многонародную нацию»).

Так как же все-таки адекватно определять основной и единственный субъект российской государственности – ее согражданство? Конечно, только как российский народ или как российскую нацию. И примечательно, что в ежегодном послании президента в мае 2004 г. это выражение прозвучало снова. Говорят, когда-то С. Михалков ответил своим оппонентам по поводу текста прежнего гимна ироничной фразой: «Учите слова!». То же самое теперь можно сказать и всем скептикам по поводу российской нации. Освоение нового понимания того, что представляет собой Россия, и есть тот самый «процесс формирования нации», о котором столь смутно пока рассуждают многие политики, журналисты и даже ученые. Здесь у нашей страны оказался исторический шанс найти ответ на вопрос о национальной идее, ибо появилась и сама нация. Энергичная и продуманная реализация этой новой установки принесет только благо представителям разных российских национальностей, которые составляют российский народ.

Управление культурным многообразием*

В июле 2004 г. Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) издан «Доклад о развитии человека 2004. Культурная свобода в современном многообразном мире». Как отечественные общественно-политические практики и академическое понимание соотносятся с мировым опытом, который анализируют ведущие зарубежные специалисты? Что есть «культурное многообразие» (cultural diversity), столь часто упоминаемое в мировой науке и в политике? Существуют ли языковые или просто смысловые аналоги этого понятия в русском языке? Наконец, каким образом схожие или разные смыслы порождают различные политические практики, включая правовые нормы и систему государственного управления? Ибо главное заключается не в самом факте наличия «многонационального» населения, совместного проживания и взаимодействия людей с культурно отличительными характеристиками, а в том, какой смысл то или иное общество придает культурным (этническим, языковым, религиозным, расовым) различиям, как и в каких целях эти различия используются.

С этой точки зрения Российский опыт разительно отличается от преобладающего на Западе и в остальном мире. Сходный с Россией опыт имеют только страны бывшего СССР и, отчасти, восточно-европейские страны. СССР представлял собою государство, в котором был осуществлен эксперимент масштабного спонсирования этничности, начиная от научных разработок и этнического картографирования, системы переписного и документального учета и вплоть до государственного устройства и официальной идеологии «дружбы народов». Полагать, что российская «многонациональность» есть неистребимый результат длительной эволюции, что принадлежность к этносу дает человеку «его культуру» и что на фундаменте этого эксперимента можно утверждать многокультурность и толерантность, является, на наш взгляд, заблуждением. При внешне обновленческой увлеченности российского научно-образовательного сообщества «многокультурностью» многое опять сводится к тривиальной «многонациональности». Ограниченный научный багаж и сложившаяся ментальность не позволяют отечественным экспертам и практикам предлагать себе россиянам как людей одной культуры и как сообщество, обладающее общей идентичностью, а не как заключенное в общие границы собрание носителей одинаковых паспортов, но разных культур.

* Работа написана в июле-августе 2004 г. для ежегодного доклада за 2004 г. Сети этнологического мониторинга. Варианты опубликованы в: *Право и этничность в субъектах Российской Федерации*. Под ред. Н.А. Ворониной и Маркуса Галдия. М., 2004. С. 115-136 и «Этнографическое обозрение», 2005, № 1.

Культурное многообразие состоит не только в том, чтобы «народоведческим» натаскиванием создавать из историко-этнографических наработок номенклатуру разных культур и составлять по школьным классам, вузам, поселкам, республикам и всей стране реестр четко себя осознающих носителей «национальной самобытности». Культурное многообразие состоит не только в том, что представителям «больших» и «малых» культур воздается равное должное и предоставляется «культурная свобода», чтобы с помощью государства, его бюджета и законов, учителей, этнологов, психологов «разнокультурные» граждане могли вести между собой «межкультурный диалог». Сердцевиной понятия «культурное многообразие» является признание многообразных форм самих культурных общностей, признание и поддержка не только различий, но и схожести, одинаковости, которые чаще всего преобладают над различиями, по крайней мере, в рамках одной национальной (не этнической!) культуры, каковой является российская культура. Сердцевиной культурного многообразия является признание культурной сложности на уровне отдельного человека, а не только группы.

К сожалению, отечественный научный, политический и управленческий арсенал понимания и воздействия не предполагают, что такое возможно и что такое есть норма, а не аномалия. Именно поэтому «культурная свобода» в России мыслится почти исключительно как «национальное самоопределение» (русское, осетинское, татарское и прочие), как право и обязанность быть в группе (вспомним переписной лозунг в Татарстане: «Запишись татаринот!»), как право на «свои» территорию, государственность, язык, как право на мирное и свободное общение с «другими» или же на силовую защиту от «других». Понятие культурной свободы в России не включает право на культурную сложность и на принадлежность к сложной культуре (например, к российской или к дагестанской), право на одновременную принадлежность к нескольким культурам, в том числе и к сложным (к российской и дагестанской одновременно, помимо принадлежности к аварской или даргинской), право на выход или на пребывание вне культуры. Культурную свободу российские ученые и политики рассматривают как право быть в определенной группе по кровному или моральному обязательству или же, в лучшем случае, по свободному выбору человека. На самом деле культурная свобода не в меньшей мере определяется правом выхода из группы или правом пребывать вне группы.

В нашей стране является нормативно достаточной сложная по своему содержанию, но цельная российская культура преимущественно на основе русского языка, который совсем не является исключительной собственностью только этнических русских. Следует убедить отечественных экспертов и управленцев, что российская культура цельна и

многообразна как по своим корням (от византийско-славянских традиций до финно-угорского и тюркско-кавказского культурного арсенала), так и по содержательному набору (общие версия истории, жизненные ценности и установки, общеразделяемые высокая массовая культура, общие культурные герои и символы). Построенный на этнонационализме и на схоластике этноса российский общественно-политический менталитет трудно воспринимает эти подходы. Однако искать ответы необходимо, как необходима и политика признания национальной общности россиян. Именно сложная (гибридная) культурная целостность, «негомогенное целое» (выражение М.М. Бахтина), а не абстракция «межнациональных отношений» и даже не «многокультурность» заслуживают настоящего внимания экспертов и управленцев.

«Доклад о развитии человека 2004» в ответах на фундаментальные вопросы оказывается нашим союзником. Приведем только некоторые из ключевых положений обзорной части доклада:

Культурная свобода является важнейшей составляющей человеческого развития, потому что для полноценной жизни индивиду абсолютно необходимо определить свою идентичность (с. 1).

Чувство самобытности и принадлежности к группе, разделяющей общие ценности, имеет огромное значение для индивида. Однако каждый человек может отождествлять себя со многими различными группами (с. 3).

Теории культурного детерминизма заслуживают критической оценки, поскольку их применение ведет к опасным политическим последствиям и может стать источником как внутренней, так и межгосударственной напряженности (с. 5).

Чтобы стать полноценными членами обществ, построенных на многообразии и воспринять всемирные ценности терпимости и уважения к всеобщим правам человека, индивиды должны выйти из жестких рамок той или иной идентичности (12).

И, наконец, нобелевский лауреат в области экономики Амартия Сен в качестве главного консультанта первой главы Доклада пишет следующее: «Вместо того чтобы восхвалять бездумную приверженность традициям или пугать мир мнимой неотвратимостью столкновения цивилизаций, концепция человеческого развития требует уделить внимание роли свободы в культурных (и иных) сферах и путям защиты и расширения культурных свобод. При этом важнейшим вопросом становится даже не роль традиционной культуры, а всевозрастающее значение культурных альтернатив и свобод». Откровенно говоря, я отношусь скептически к высказываниям нобелевских лауреатов не по профилю их занятий, но в данном случае Амартия Сен прав, ибо призывы к культур-

ному многообразию на том основании, что оно исторически задано тому или иному обществу, что оно унаследовано различными группами людей, а ее представители еще в дошкольном возрасте «открывают» в себе самобытность, на самом деле далеки от признания культурной свободы. Опять же авторы доклада правы, когда пишут следующее: «Рождение в конкретной культурной среде не является реализацией свободы, – скорее, наоборот. Актом культурной свободы оно становится только тогда, когда индивид осознанно решает продолжать вести образ жизни, свойственный данной культуре, и принимает такое решение при наличии других альтернатив».

Кстати, худший вид нетерпимости, который мне приходилось наблюдать, это прямое или косвенное принуждение индивида жить таким же образом, что и другие члены общества. В сравнительно малых и актуализированных этнических сообществах такая ситуация чаще всего оборачивалась личными драмами и поколенческими конфликтами.

Современное знание все больше приходит к выводу, что сами по себе культурные различия и основанные на них групповые коалиции людей есть исторически подвижные понятия, их содержание и смысл меняются и имеют большое географическое/региональное многообразие. Но самое важное – их существование само по себе есть результат целенаправленных усилий со стороны активистов социального пространства: элит, управленцев и ученых, результат так называемого социального конструирования. То, что называется, воспринимается и изучается как группа (народ, нация, меньшинство, раса, диаспора и т. п.), на самом деле представляет собой не реально существующее коллективное тело со своим «самосознанием», «характером», «волей», «судьбой», а человеческие отношения (социальные, политические, эмоциональные) по поводу этих воображаемых коалиций.

Преодоление ментальности группоцентризма на основе культурных категорий представляет собой, возможно, самую трудную задачу для современной науки и политики, а в российском контексте это вообще трудно воображаемая перспектива. Из обзора современных политических практик и по результатам научных исследований вытекает общее представление, что наиболее перспективным для современного мира, в том числе и для России, является подход, который видит культурное многообразие как многообразие форм человеческой идентификации, включая существование культурной сложности на уровне индивида и на уровне коллектива. Другими словами, существуют и должны быть признаны наукой и государственной процедурой социо-культурная общность российский народ или россияне, чья этническая идентичность может определяться и сложными словами: русский еврей, украинец-

русский, татаро-башкир и т. п. По мнению некоторых специалистов, люди такого рода относятся к категории этнических маргиналов. На самом деле это скорее норма для российского сообщества (не менее трети населения – это выходцы из смешанных семей), а также и для подавляющего большинства других гражданских сообществ.

Безусловным является и то, что два типа групповой идентичности (по культуре и по гражданско-политическому сообществу) также сосуществуют и не являются взаимоисключающими, т. е. русский и россиянин, татарин и россиянин, чеченец и россиянин и т. п. – это абсолютная норма, как бы ни старались этнонационалисты подвергнуть сомнению российскую идентичность, выраженную в самом слове россиянин, как некий уродливый эвфемизм. В главе 3 Доклада существование и целенаправленное формирование множественных и взаимодополняющих идентичностей в рамках единого государственного сообщества раскрывается на примере таких стран, как Испания, Бельгия, Индия. Именно такая стратегия формирования нации признается оптимальной и наиболее перспективной. Для Российской Федерации она является единственно возможной.

Важно понять, что культурное многообразие и политика многокультурности – это не просто другие слова для замены привычных отечественных понятий-концептов «многонациональность» и «национальная политика», или их более современных языковых вариантов – «многоэтничность» и «этническая политика». К категории культурных различий, которые существуют среди человеческих коллективов и которые необходимо учитывать в управлении, относятся и другие, с этничностью жестко не связанные. Основанные на них сообщества также требуют признания и регулирования их отношений с другими сообществами, как и обеспечения их членам должного статуса в обществе и государстве. Такое более широкое понимание культурного многообразия во многом поможет российским ученым и политикам выйти из тупика научных, правовых и политических споров по поводу того, является та или иная группа «отдельным народом», «коренным народом» или нет, имеет ли она право на отдельную фиксацию в переписи или нет, можно ли ей создавать свою национально-культурную автономию или нет, можно ли принимать законы и другие правовые акты по поводу групповых сообществ, не отвечающих привычным критериям «народа» или «этноса».

Если мы разделяем более широкий и свободный взгляд на то, что есть культурное многообразие, тогда такие формы культурной идентификации россиян, как кряшены (православные татары), поморы (приверженцы историко-региональной традиции), казаки (сословно-историческая идентификация), кубачинцы (культурно отличительное местное сообщество в

Дагестане) и многие другие самообозначения не будут предметом ожесточенных дебатов и причиной обострения отношений между людьми с разной культурной идентичностью, между властью и населением, между центром и регионами. Культурное многообразие России – это не просто номенклатура проживающих на территории страны народов, а многообразные, в том числе множественные и многоуровневые формы идентичности в рамках российского народа.

В связи с наличием в России разных форм псевдонаучного и улично-бытового расизма принципиальным является представление о расовых различиях как об одной из форм социокультурного (а не биологического) многообразия. В современном общепринятом представлении раса – это социально-культурная категория и академическая конструкция, т. е. раса как чисто биологическая реальность не существует. Зато основанные на биологизаторском представлении о расе расиалистское мышление и расизм как практика суть самые жесткие реальности. Для России это положение представляется актуальным, ибо пропаганда замшелых расовых теорий имеет массовое распространение в российском обществе. У расистских взглядов имеются сторонники в научной среде и в политическом истеблишменте, не говоря уже о рядовых милиционерах, судьях, преподавателях школ и вузов. Доказывать несостоятельность расизма сугубо рациональными аргументами или научными фактами необходимо, но этого явно недостаточно. В случаях с расистскими взглядами и действиями арсенал воздействия должен включать эмоционально-этические, правовые и другие методы, помимо рациональных аргументов научного характера.

В последнее время понятие «культура» как синоним слова «народ», а также положения об однородности, целостности и нераздельности этнических культур были во многом пересмотрены. Культурные различия больше не воспринимаются как нечто постоянное и «шокирующе» непохожее (о мифическом «культурном шоке» в общении между собой россиян отечественные специалисты до сих пор рассуждают с упоением). Отношения по типу «свой – чужой» все больше рассматриваются как вопрос соотношения сил и связанной с этим соотношением риторики, а не сущности человеческого сознания и поведения. При этом культура все больше воспринимается как отражение процессов изменений, внутренних противоречий и конфликтов. По-видимому, внедрение толерантности должно начинаться с привнесения новых подходов в обществоведческую экспертизу, а уже затем – в остальное общество.

Раздел второй

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНАХ

Что и как считать в многоэтнической стране?*

В ходе этнического мониторинга и выполнения экспертных исследований вопрос об этническом составе страны, региона или отдельной общины имеет огромное значение, как и понимание этнодемографических процессов (расселение, миграция и естественное движение, т. е. смертность и рождаемость). Точные оценки здесь важны и для осуществления эффективной политики в многоэтнических региональных сообществах и в стране в целом. Важнейшим источником таких данных являются всеобщие переписи населения, которые уже на протяжении веков проводятся во многих странах мира. Обычно – один раз в десять лет. Приближается дважды отложенная дата национальной переписи населения в России. Этнологи и специалисты по межэтническим отношениям, а также многие другие ученые и практические работники активно обсуждают и участвуют в подготовке переписи, проведение которой возложено на Государственный комитет по статистике Российской Федерации (Госкомстат России).

Каким образом наиболее адекватно и точно сосчитать «сколько народов живет в России?» Это – один из главных вопросов дискуссии, связанный с новой переписью 2002 года. Он гораздо сложнее, чем это представляет себе Госкомстат, решивший сначала обойтись собственными силами по разработке этой части вопросника. Составленный первоначально список народов и языков, которым нужно было пользоваться в ходе переписи, имел много ошибок и некоторые неприемлемые градации. Например, этнические общности делились на две категории: «в основном проживающие в Российской Федерации» и «в основном проживающие за пределами Российской Федерации». Эта простенькая на первый вид градация создавала ненужную иерархию, которой с удовольствием мог воспользоваться радикальный национализм или шовинизм. Российские украинцы, немцы, евреи, греки, армяне и другие группы попадали во вторую категорию, но только зачем и почему, если они живут в России веками и с той «основной частью» имеют огромные культурные различия, и, наоборот, в России они часть российского народа как в гражданском, так и в социально-культурном плане. Есть народы, которые поделены государственными границами примерно поровну (лезгины, осетины, эвенки и другие) и где территория их «основного» проживания – сказать невозможно.

* Работа написана в августе 2000 г. для бюллетеня «Сети этнологического мониторинга», но не опубликована

Сам вопрос № 8 «К какой национальности (народу) или этнической группе Вы себя относите?» сформулирован непрофессионально, точнее – крайне устарело, хотя и с претензией на новизну. Во-первых, появляется непонятная градация на народы и этнические группы, не говоря уже о том, что простые люди не очень могут понимать, что такое «этническая группа», а для ученых, наоборот, все народы – есть этнические группы, от самых малых до многомиллионных, т.е. и эвенки, и русские есть этнические общности (группы). Во-вторых, главная слабость формулировки даже в другом: она не позволяет зафиксировать людей смешанного происхождения и смешанного этнического самосознания, каковых в России миллионы, но которым такая возможность никогда не предоставлялась. В-третьих, эта формулировка не позволяет заявить об отсутствии этнической идентификации, вместо которой может быть осознание себя просто россиянином (общегражданская идентичность), или по историко-региональному и административно-политическому принципу (дагестанец), по местности, религии и даже по историческому роду занятий. Одна из статей Конституции дает право не указывать национальную принадлежность гражданина вообще. Поэтому наиболее оптимальной для данной переписи могла бы быть формулировка: «Какова Ваша этническая (национальная) принадлежность (укажите одну, несколько или никакую)?»

Однако проблема с этим вопросом еще более сложная, о которой не задумываются большинство ученых и специалистов по переписям. Прежде всего, зададим фундаментальный вопрос, что мы собираемся зафиксировать в переписи: некую номенклатуру «национальностей, национальных или этнографических групп» или наличие у российских граждан (у российского народа) различных форм этнокультурной идентичности, которые часто носят множественный и невзаимоисключающий характер? Большинство стран, проводящих всеобщие переписи, данные об этническом составе населения или совсем не фиксируют (предпочитая спрашивать об языке, религии или расе), или фиксируют этническую принадлежность в ее множественном варианте. Последняя перепись США, проведенная в начале 2000 г., позволяет давать множественный ответ не только на вопрос об этническом происхождении, но и на вопрос о расе. Кстати, все усилия американских ученых демонтировать понятие «раса» из академического и общественно-политического языка пока не привели к устранению данной категории из переписного листа: слишком сильна инерция в обществе воспринимать расовые понятия как реальные категории населения и слишком много политики и денег крутится вокруг вопроса о расе.

Что-то похожее мы имеем и в России применительно к категории этничности. Глубоко примордиалистское понимание этой субстанции на протяжении десятилетий (фактически начиная с первой советской переписи

1926 г.) привело к глубокой вере, что население страны состоит из отдельных народов (этносов) и этнографических групп (субэтносов), которые и составляют реестр национальностей. К тому же большинство этнических общностей прошло в советский период этап лингвистической «национализации», т. е. «нациестроительства» и научилось считать себя «нациями», а не «нацменами», как это еще сохранялось в 1950-е годы. Это косвенно признается государством в конституционной записи о «многонациональном народе России», хотя больше нигде в федеральных законодательных и правовых текстах этнические общности не квалифицируются как «нации». Еще существует понятие «национальности» в смысле этнической, а не гражданской принадлежности. Причем считается, что национальность может быть только одна и только по одному из родителей. С отменой записи «национальность» в паспортах положение стало несколько лучше, ибо позволяет больший и сменяемый выбор этнических идентичностей и уменьшает возможность дискриминации по этническому принципу. Сохраняется, однако, абсолютно глупая процедура записи национальности в свидетельстве о рождении, когда вновь рожденный человек вообще никакой этничностью не обладает. Но несостоятельность этой процедуры довольно скоро выявится, а сейчас она – не более чем небольшая задачка для родителей попробовать предугадать, кем их ребенку лучше быть в России.

Перепись отличается тем, что собирает агрегированные данные о национальной (этнической) принадлежности, т. е. как бы устанавливает количество и общую численность проживающих в стране этнических общностей (народов). Делается это на основе индивидуальной идентификации (личного самоопределения), кроме малолетних, за которых решают родители. Длительные споры идут о том, сколько народов реально проживает в стране, и некоторые ученые полагают, что для выяснения действительно полной и объективной картины необходимо только позволить фиксировать все самоназвания (этнимы) и не заниматься их корректировкой через «встречный» список народов, который подготавливается учеными.

Этот подход исходит все из той же примордиалистской посылки, что где-то в глубине социума и человеческого сознания существует подлинное «национальное», или «этническое, самосознание», выражаемое в групповом самоназвании. Это самовыражение, якобы, не имело места в прошлом по причине отказа в признании со стороны государства и экспертов, которые отказывались «признавать этносы». Что касается отказа в признании – это отчасти так: в советский период манипуляции с перечнем национальностей были довольно частыми и во многих случаях насильственными. Более того, даже сам по себе встречный список народов – это почти всегда было не расширение, а сужение числа

этнических единиц. Но было и достаточно мирное конструирование «социалистических наций и народностей», в том числе и по рекомендациям ученых, по обсуждению и выбору местных элит, и даже по причине благозвучия или возможной негативной коннотации (например, «самоеды», «карагасы» и другие). Изменения названий происходят и в последние годы; больше по инициативе самих этнических элит из разных, главным образом (гео)политических соображений, а не соображений восстановления некоей искаженной нормы. Так, в России якуты становятся «саха», лопари – «саамами», эскимосы – «иннуитами».

Проблема с данным подходом состоит в другом. Во-первых, он отражает наивную веру, что этническая идентификация всегда есть некая эксклюзивность, всегда главнее других форм личностной идентификации и всегда четко осознается человеком. На самом деле феномен этничности имеет более сложную природу, в том числе и прежде всего на личностном уровне. Этническая идентичность может носить многоуровневый характер (вертикальная множественность) и трудно отказать ботлихцу, цумандинцу или ахвахцу, что он не может называться также и аварцем; или осетин не может одновременно считать себя дигорцем или иронцем; или эрзянец не может одновременно называться мордвой (такая ошибка с неправильной формулировкой вопроса уже была допущена в переписи 1994 г., когда в Мордве исчезла мордва, а вместо нее появились эрзя и мокша, а за пределами Мордвы, где внутригрупповые различия осознаются и политически актуализируются меньше, мордва осталась!).

Во-вторых, в стране проживают миллионы граждан смешанного этнического происхождения, разделяющие культуру, язык и самосознание как минимум обеих своих родителей (горизонтальная множественность). Почему их нужно ставить перед необходимостью взаимоисключающего выбора, даже если они привыкли это делать в предыдущие времена, не подозревая, что имеется и другой выбор за пределами госинструкций и устаревших академических классификаций. То есть, желающие могут считать себя осетином и русским, русским и евреем, украинцем и поляком, татаринком и башкиром, эвенком и якутом и т. д.

В-третьих, этническая самоидентификация столь подвижна и достаточно легко конструируется, что даже если одна перепись зафиксирует всю «полную картину этносов», то следующая перепись даст наверняка другой еще больший или меньший список, но обязательно отличный от предыдущего. К тому же право менять и определять свою национальную принадлежность и даже указывать или не указывать ее является полной прерогативой отдельного человека.

Поэтому отказ от списка ради «открытого листа», но с той же самой методологической установкой ничего не даст, кроме сумятицы и новых

споров, кто есть народ, этнос, нация, этнографическая группа и т.п. Не спасает положения и предложение ввести иерархию этнических общностей как по линии «в основном – не основном» проживании, так и по линии вертикальной иерархии (этноты – субэтноты): например, казаки или поморы как субэтноты русских, а болгары или мишари как субэтноты татар, дигорцы как субэтнос осетин и т. д. Согласно нынешней логике переписи, в конечном списке все равно должны остаться «национальности» казаков, болгар, дигорцев и многие других, которые или в списке не присутствовали вообще (не регистрировать нельзя!), или находились в некой подкатегории. Этнический партикуляризм будет стимулироваться новым законом о государственной поддержке и развитии коренных малочисленных народов, ибо переход в малые группы может сулить некоторые государственные субсидии. Не, кто будет терять в своих рядах (русские, татары, аварцы, осетины и многие другие), будут очень недовольно и включают все рычаги, что сохранить численное величие «своей нации».

В нынешней общественно-политической ситуации и привычного состояния умов идеальный с точки зрения современной науки вариант переписи этнических общностей нам представляется невозможным. Дай бог преодолеть жесткое давление националистических сил и ассимиляционистские установки местных администраций в пользу так называемых титульных национальностей в республиках. Не исключено и давление со стороны шовинистических групп и политиков приумножить «государствообразующий этнос» – русских. Отчаянную мобилизацию вокруг переписи могут устроить и лидеры малых групп, не имеющих территориальных автономий. Здесь важнее сохранить как можно больше свободы спокойного выбора при разумных разъяснениях переписчиков. А разъяснения эти должны быть следующими: Вы можете определять одну, две или даже три этнических (национальных) принадлежности или никакую: например, русский и еврей, украинец и армянин, татарин и башкир и т.п. Вы можете указать сложную национальность, обозначив ее через дефис: например, мокша-эрзя, осетин-дигорец, русский-казак, калмык-казак, русский-помор, татарин-болгар, татарин-кряшен и т.п.

Таковы на данной стадии мои озабоченность и предложения. Смогут ли ученые и статистики определить по итогам переписи тот самый «настоящий» список национальностей – это уже другой вопрос и он не имеет принципиальной важности, ибо в России живет один народ – россияне, как и многие народы других крупных государств, отличающийся богатством культурной сложности.

Политика цифр в переписи населения 2002 года *

В связи с принятием 27 декабря 2001 г. Закона «О Всероссийской переписи населения» считаю необходимым предложить внести коррективы в подготовку и проведение этой важнейшей государственной акции в 2002 г.

Главное в переписи – это о чем собираются сведения и какова их государственная, общественно-политическая и научная значимость. В нынешнем его виде содержание вопросника недостаточно отражает важнейшие стороны жизни современного российского общества и потребности эффективного управления им. Со ссылкой на необходимость преемственности и даже на выборочно принятые международные рекомендации вопросник переписи составлен архаично. Фактически повторяя вопросник последней советской переписи 1989 г., он не сможет отразить ряд важнейших преобразований российского общества и содержит установку на воссоздание образа бедной страны, переживающей демографическую катастрофу, с неясным этнокультурным и языковым составом населения, – другими словами, своего рода не самоопределившейся страны-государства.

Кого переписывают? Единственной и неудачной новацией переписи 2002 г. является установка переписывать только одну категорию населения, так называемое постоянное население со сроком проживания в стране не менее 12 месяцев (в переписи 1989 г. этот срок был шесть месяцев). Это решение, возможно, принято под воздействием длительно прогнозирувавшегося Госкомстатом глубокого демографического кризиса в России с расчетами на полвека, а также под воздействием антииммигрантских установок.

Между тем, в ходе именно этой переписи крайне необходимо учесть так называемое непостоянное население, которое составляет не менее 2-3 миллионов человек, подавляющее большинство которых рано или поздно станут гражданами России. Именно эта часть временных жителей-мигрантов вместе с примерно 3 миллионами зарегистрированных и окончательно осевших в России компенсирует сокращение численности населения страны в результате отрицательного естественного роста. Поэтому крайне важно знать состав, расселение и другие характеристики этой категории населения, как бы трудно не было их получить. Жители бывшего единого государства – СССР еще долго будут мигрировать по его терри-

* Бюллетень «Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов», N40, 2001

тории, и у России есть возможность забрать часть культурно близкого населения из постсоветских государств. Это предпочтительнее, чем завозить мигрантов из Китая, других стран Азии и даже Африки. Потребность в этом будет сохраняться не менее полувека. Иммигранты – важнейший источник развития страны, прежде всего экономического, но еще и социально-культурного. Это и вопрос безопасности, только трактуемый не с точки зрения противников иммиграции в Россию.

Таким образом, следует хотя бы вернуться к принципу переписи 1989 г., что даст возможность зафиксировать пребывание в стране не менее миллиона человек, которые в середине октября еще остаются в России, приехав весной для выполнения строительных работ или торговых операций. Сюда же попадут осевшие в стране мигранты, последний срок постоянного проживания которых в России составляет менее 12 месяцев. Но дети-то их ходят в российские школы, и сами они работают в России, в том числе и на государственных предприятиях! Тогда почему они не попадут в «основную категорию» населения страны? Кстати, лет через 15-20 именно прибывшие в 1990-е гг. и их дети будут составлять наиболее динамичную часть населения России, и унижение переписью 2002 г. обязательно припомнят отторгающему их ныне обществу.

Как переписывают? Закон определяет участие в переписи как важнейший общественный долг гражданина и жителя страны, но эта запись совсем не гарантирует выполнение основного условия проведения переписи – ее всеохватности. Перепись 2002 г. будет проходить в других общественно-политических условиях и в стране с другим уровнем жизни. Десятки миллионов граждан реализовали свое право на частную жизнь и дополнительные средства тем, что не только улучшили убранство своих квартир и домов, но и установили десятки миллионов металлических дверей, через которые будет не просто проникнуть переписчику. Более того, в октябре миллионы граждан, особенно в южных регионах, продолжают жить в загородных домах или на дачных участках, и их городские квартиры пустуют. Перепись может недосчитать с десятков миллионов жителей, учитывая, что в стране 40 миллионов земельных участков и немногим меньше семей имеют жилищные постройки, пригодные для сезонного или круглогодичного проживания. Как снизить этот неизбежный недоучет населения – это огромная проблема, не говоря уже о том, что непереписанные дачи, но тщательно описанные остатки коммунальных квартир (на это отводится почти четверть пространства опросного листа!) создадут образ населения, который не соответствует его реальному жизненному уровню. Данные о сохраняющихся коммунальных квартирах можно получить в органах, собираю-

щих сведения об очередниках на жилье, и нет нужды тратить огромные средства, задавая в принципе пустой вопрос.

Кстати, таким же пустыми являются вопросы о знании русского языка и о владении иностранными языками (инструкцию к последнему вопросу невозможно понять даже профессору!). Такой вопрос имело смысл задавать в СССР, где почти 20 миллионов жителей Средней Азии не говорили или плохо знали русский язык. Сейчас в России вопросы о языке следует задавать в современном и в более практичном ключе: язык детства (или материнский, родной язык), язык домашнего общения и язык общения на работе. Эти вопросы просты для понимания, на них будут даны ясные ответы, и это важно для политики государства в информационно-языковой и образовательной сферах. Именно так спрашивают в переписях других стран мира, включая страны бывшего СССР. Почему Госкомстат отошел от практики промежуточной переписи 1994 г. и вернулся к вопроснику переписи 1989 г., непонятно. Ответы на ныне предлагаемые вопросы о языке достоверной информации о языковой ситуации в стране не дадут, кроме путаницы и явного занижения доли носителей русского языка как родного и основного для населения страны.

Есть еще одна проблема: хорошо известно, что село переписывается более дружно и дисциплинированно, чем город. Это всеобщая закономерность. Но в России она может обрести серьезные этнополитические проекции. Если в той или иной республике в сельской местности проживает главным образом так называемое титульное население, а в городах – русские и другие «нетитульные», тогда произойдет перекося этнического состава в пользу менее урбанизированных этносов. И без того сложная ситуация в ряде республик с узурпацией власти и других престижных позиций в пользу титульного населения получит благодаря переписи дополнительный аргумент в пользу этнократического правления.

Установка осуществить перепись федеральными органами власти и за счет федеральных средств, так же, как и привлечь студентов в качестве переписчиков, вполне оправданна. Но реально проводить перепись и даже осуществлять первичный ввод материалов будут местные органы власти. И это внушает определенные опасения. При всем желании даже на самом первичном уровне сбора информации трудно будет соблюсти нейтральность. Такие опасения небеспочвенны, о чем свидетельствует уже проявившаяся реакция на вопросы об этническом составе населения. Не лучше ли поставить проведение переписи под более жесткий контроль ППП в федеральных округах, а состав переписчиков и обработчиков данных в республиках сделать более сложным и самоконтролируемым?

Сколько народов живет в России? Обсуждение законопроекта «О Всероссийской переписи населения» накануне его принятия в первом чтении 29 ноября 2001 г. началось с нервных требований некоторых депутатов предоставить «список народов» и с необоснованных заявлений, что в этом списке заложен некий замысел «раздробить народы, чтобы потом их ассимилировать» (депутат Ф. Сафиуллин). Попытаемся разъяснить некоторые действительно важные вопросы, связанные с фиксацией этнического состава населения в предстоящей переписи.

Подготовленный Институтом этнологии и антропологии РАН по заказу Госкомстата России «Перечень национальностей для разработки материалов всероссийской переписи населения 2002 г.» – это рабочий документ, который будет использован только при обработке уже полученных материалов. Этот список не носит окончательного характера и не требует никакого законодательного утверждения. Перечень содержит 156 категорий учета и 23 подкатегории. По сравнению с переписью 1989 г. в нем на 28 названий больше, но на самом деле – больше почти на 60, ибо из этого списка исключены такие «народы России», как, например, австрийцы, американцы, англичане, испанцы, кубинцы, французы и т. д. (всего около 30 названий). Их включение неоправданно расширяло список за счет небольшого числа проживающих в стране главным образом иностранных граждан. К тому же значительная их часть уехала из страны в последнее десятилетие (испанцы, кубинцы и т. п.) или же после распада СССР осталась за границами России (например, венгры на Украине).

Ожидается, что перепись 2002 г. отразит более сложную и более современную этнокультурную мозаику России. Это отвечает требованиям 26 статьи Конституции РФ, международно-правовым нормам и рекомендациям, предусматривающим противодействие ассимиляции и дискриминации, особенно малых этнических групп населения.

Обновленные подходы к регистрации данных об этничности и языке представляют собой определенный компромисс между потребностью сохранить полезную преемственность с предыдущими национальными переписями и необходимостью отразить новые, возникшие в период глубоких трансформаций последнего десятилетия этнические диспозиции, а также между более чувствительным и современным пониманием этнического феномена и инерцией общественного менталитета. Мощное влияние политических интересов и эмоций наряду с резонным консерватизмом переписных процедур делают нереальным осуществление «идеального» с точки зрения науки подхода к переписи, по крайней мере, применительно к данным сюжетам.

Список национальностей и языков для переписи 2002 г. был подготовлен исключительно для удобства обработки полученной информации, основанной на личностном выражении. Такие списки готовились и к предыдущим переписям для облегчения выделения групповых этнических принадлежностей среди разного рода локальных, клановых, религиозных, диалектных и других идентификаций. В этой процедуре содержатся элементы предписания и ограничения, но это «внешнее вмешательство» в российской переписи намного меньше, чем во многих других переписных практиках, и оно не столь мотивировано, как мы надеемся, идеологическими и политическими соображениями, как это часто бывало в советских переписях.

Имеются три основных инновации в списке национальностей: а) нет иерархии в группировке национальностей («в основном проживающие», «северные малочисленные» и т. п.); б) заметно (со 128 до 156) увеличено число «признанных» категорий, чтобы исправить предыдущую политику отрицания и непризнания в отношении определенных культурно, языково отличающихся групп населения; в) частично признана «вертикальная» множественная этническая идентичность через регистрацию примерно трех десятков дополнительных категорий учета «внутри» более крупных национальностей. Наконец, новая «этническая номенклатура» исправляет ошибки в названиях нескольких малочисленных групп и дает значительно расширенный и обновленный перечень территорий преобладающего проживания в России (не только на уровне республики или области и края, но также административного района).

Список языков также включает некоторое число инноваций, основанных на недавних исследованиях и современной динамике языковой ситуации: некоторые языки показаны как диалекты, некоторые бывшие диалекты – как отдельные языки, некоторые языки не включены в перечень по причине ошибочности предыдущей записи или исчезновения языка (точнее, его носителей на территории РФ). Определенные экстраязыковые факторы повлияли на составление списка языков, включая меняющийся языковой репертуар и установленные в региональных конституциях правовые нормы.

Перепись 2002 г. в России – шаг вперед в процессе демократизации и с точки зрения современной науки, но в этом направлении еще потребуются усилия, хотя бы к переписи 2012 г. Вопрос кардинального значения – это признание не взаимоисключающей сложной этнической принадлежности «горизонтального» характера (например, «русский еврей» или «татарин-башкир») или отсутствия таковой в пользу гражданских/региональных идентичностей («россиянин», «дагестанец», «татарстанец»), которые также культурно значимы и могут сосуществовать

друг с другом и с этническими идентичностями. В 2002 г. такая процедура оказалась преждевременной. Однако «вертикальная» двойная идентификация в ряде случаев будет возможной, чтобы обеспечить самовыражение и не разрушать в то же время более крупную общность. В Поволжье, например, в составе мордвы будут посчитаны и выделены в подгруппы мордва-эрзя и мордва-мокша, в составе марийцев – горные марийцы и лугово-восточные марийцы, в составе татар – мишари и астраханские татары.

Коснусь специально только одного острого вопроса о татарах, чтобы не разжигать напрасные страхи и предостеречь политиков и активистов от преждевременных заявлений. Татары – исторический термин, использовавшийся в России для обозначения любых групп тюркоязычного населения, а в некоторых случаях даже немусульманских тюркоязычных групп «восточного» происхождения. Значительное число этнических общностей, именовавшихся в прошлом татарами, в разные периоды российской истории стали именоваться иначе и фигурировать в качестве самостоятельных единиц учета в переписях. Примеры: кузнецкие татары были учтены как шорцы, чулымские татары – сначала как хакасы, а в переписи 2002 г. будут учтены как чулымцы. Ряд групп Северного Кавказа, носивших прежде наименование «татары», уже давно стали самостоятельными народами (карачаевцы, балкарцы и другие). Этот процесс продолжается и поныне. Так, в переписи 1989 г. по требованию крымских татар они были выделены в самостоятельную категорию учета. Аналогичные требования были выдвинуты сибирскими татарами и кряшенами в период после переписи 1989 г. В переписи 1926 г. было зафиксировано около 260 тысяч кряшен, а после их насильственно переписывали как татар. Если сейчас кряшены назовут себя именно так – значит, у них будет возможность считаться отдельной группой.

В то же время, некоторые формы возможной идентификации части тех, кого до этого записывали татарами, будут учтены как подгруппы внутри татар. Мишари и астраханские татары (а среди них есть еще юртовские и алабугатские астраханские татары!) обладают достаточно отчетливой культурной и языковой спецификой (лингвисты выделяют язык астраханских татар в качестве самостоятельного и отмечают значительную специфичность мишарского диалекта; кстати, мишари в переписи 1926 г. фиксировались как отдельный народ). Предлагаемый вариант перечня позволяет учитывать эти две группы как субкатегории в составе татар.

Только ли одни татары становятся «жертвами разукрупнения»? И как к этому относиться? Почти все выделения малочисленных групп происходят за счет более многочисленных. Иначе и быть не может. Как

отдельные группы в список включены бесермяне, которых до этого записывали удмуртами, сойоты, считавшиеся бурятами, воль и камчадалы, которых приписывали к русским. В численном отношении больше всех потеряют алтайцы, отдельно от которых теперь будут учитывать теленгитов, телеутов, тубаларов (когда-то их называли черневыми татарами), кумандинцев и челканцев. Алтайцы, кстати, воспринимают это спокойно. Но, пожалуй, самое серьезное и обоснованное «разукрупнение» предстоит пережить аварцам, из которых в ходе переписи выделятся (если, опять же, они того пожелают) около десятка так называемых андо-цезских народов (андийцы, ахвахцы, ботлихцы, цумандинцы и другие). Силой не удержишь! Чем больше будет ассимиляторских амбиций более многочисленных народов в отношении малых групп, тем больше будет сопротивление. Поэтому не стоит политизировать данный вопрос. Татары все равно останутся вторым по численности народом России, ибо к этой группе добавятся в переписи 2002 г. многие из тех россиян смешанного происхождения, которые записывались до этого русскими или украинцами.

Язык и перепись*

Международных стандартов выяснения языковой ситуации и этнической идентификации населения в ходе всеобщих переписей населения не существует. Именно поэтому рекомендации ООН и Евростата по вопросу о языке не носят четкого характера и предоставляют странам возможность определяться по собственному разумению и потребностям. В России это разумение и потребности, естественно, меняются, но гораздо медленнее, чем необходимо. Но сначала о том, что есть языковая практика и политика и почему это важно для государства и для его жителей.

Язык – это система коммуникации человеческих коллективов и одна из важных черт, отличающих этнические общности. Государства всегда заинтересованы в том, чтобы население могло общаться на одном общем языке. Особенно это важно для функционирования системы образования, государственного управления, армии. Поэтому и существуют официальные или государственные языки (один, два или несколько), за которые несет особую ответственность государство. Обычно это язык, которым пользуется большинство населения той или иной страны. В Российской Федерации таковым является русский язык, которым владеет фактически все постоянное население. Тем не менее, в программе переписи присутствует вопрос о владении русским языком. Ответы на этот вопрос помогут выяснить ситуацию с теми крайне немногочисленными жителями северокавказских или поволжских сел, которые не владеют русским языком. Но самое важное – будет получена информация о количестве и расселении не владеющих русским языком мигрантов и иностранных граждан, которых может насчитываться несколько миллионов.

В России сохраняется высокая степень языкового разнообразия. Хотя большинство представителей нерусских народов перешли на русский язык, многие россияне из числа нерусских знают язык своей или другой национальности. Немногие русские также знают другие языки российских национальностей. Чтобы сохранять языки больших и малых групп и проводить политику свободного выбора в вопросах языка, т. е. политику в интересах самих граждан, важно знать языковую ситуацию в стране. А именно: какими языками владеют жители страны. Еще лучше спросить: какими языками жители страны пользуются дома и на работе, но, к сожалению, этот вариант языковых вопросов (он использовался во время промежуточной переписи 1994 г.) не был принят организаторами

* Бюллетень «Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов», N44, 2002

переписи. Только получив ответы на эти вопросы, можно оценивать и планировать образовательную, информационную, издательскую, культурную политику как в стране в целом, так и на уровне отдельных регионов и местных сообществ. Получают такую информацию прежде всего в результате переписи населения.

О мировом опыте переписей. В ходе переписей в некоторых странах задают вопрос о языке, а в некоторых – нет. Решение, включать этот вопрос или не включать и в каком виде, принимается по общественно-политическим мотивам. Существует и некоторая инерция прошлого опыта, а также внешние влияния. Так, например, опыт советских переписей и статистическая методология оказывали огромное влияние на страны геополитического господства СССР. Конституция РФ и ряд законов устанавливают языковые права граждан и определяют русский язык как государственный. Конституция предоставляет субъектам федерации право законодательно определять основы общественного употребления языков и даже провозглашать другие языки, кроме русского, «государственными языками». Только по этой причине имеет смысл включать вопрос или вопросы о языке в программу всеобщей переписи. Это необходимо для того, чтобы выяснить языковую компетенцию и языковую практику населения: какими языками владеют граждане (и неграждане) и какими языками они пользуются.

Бюрократия должна говорить на языке подавляющего большинства налогоплательщиков, а государство должно знать, где на каком языке осуществлять обучение, информационную деятельность, культурную политику. Федеральным и региональным властям важно иметь информацию об уровне знания населением государственного языка, ибо незнание или плохое знание – это ограничение возможностей и прав гражданина, а также ограничение возможности воздействия государства на собственных подданных. Существенной является и забота о сохранении языкового разнообразия в стране как фактора обеспечения культурного многообразия и условия сохранения общемирового культурного достояния. Не будем забывать, что в мире 200 государств и около 4 тысяч разных языков. В государственной поддержке особо нуждаются так называемые малые языки с молодой письменностью или вообще без письменности. Однако эта важная и благородная задача является второстепенной по отношению к заботе о знании и поддержке государственного языка.

Другими словами, первоочередная задача государства – обеспечить должное преподавание русского языка на всей территории страны, а также изучение русского языка новожителями-мигрантами, чтобы граждане

могли понимать тексты законов и военных приказов в армии, общаться в суде и государственных учреждениях, обретать чувство гражданской общности через русскоязычное культурно-информационное пространство. Только после этого или наряду с этим и в меру своих финансовых возможностей государство может поддерживать усилия культурно отличительных общностей, направленные на сохранение и развитие собственных языков, отличных от государственного. В большинстве стран мира эта забота полностью лежит на представителях самих этнических или языковых групп. Часто это делается через региональные или местные органы власти территорий основного проживания той или иной группы.

Я бы сформулировал приоритеты языковой политики на трех уровнях власти следующим образом.

Задачи федеральной власти: а) обеспечивать условия функционирования государственного языка как фактора существования гражданской общности, ее национальной целостности и безопасности и б) поддерживать языковое многообразие как элемент культурной политики и обеспечения гражданских прав;

задачи региональных органов власти: а) обеспечивать условия функционирования государственного языка как фактора существования гражданской общности, ее национальной целостности и безопасности и б) обеспечивать условия функционирования «второго» или «местного» государственного языка как фактора существования этнокультурной целостности, условия обеспечения гражданских прав и сохранения культурного многообразия;

задачи местных властей: а) поддерживать языковое многообразие, исходящее от местных общин или «основного» населения и б) создавать условия для осуществления государственной политики в области языка.

Все эти функции государственной власти можно осуществлять при условии наличия более или менее точного представления о языковой ситуации. Наиболее полные и современные данные можно получить во время переписи, но иногда ситуация замеряется «по жизни», а не по переписи, ибо в силу плохой формулировки вопросов перепись не дает данных о языковой практике. В советских переписях именно так обстояло дело с нерусскими языками, которые назывались «родными» или «национальными». Вопрос «Ваш родной язык?» спрашивал об ощущении, т. е. о так называемом «языковом самосознании» – какой язык человек считает своим родным. Нечеткая и допускающая различные толкования категория «родной язык» приобрела вполне определенный смысл. Формулирующие его постулаты были и остаются достаточно простыми, хотя и глубоко несостоятельным:

А) У человека обязательно должен быть родной язык, и при том только один.

Б) Абсолютной нормой является совпадение языка и национальности (само разъяснение для переписчиков: «может не совпадать с национальностью» уже говорит о многом).

В) Невладение родным языком или расхождение между родным языком и национальностью свидетельствуют о процессе ассимиляции и являются отклонением от нормы.

Ответы на вопрос о родном языке создавали фантастическую картину, которая в итоговых данных публиковалась в виде таблиц «Родной язык российских национальностей», которые однозначно трактовались не только политиками-практиками, но и учеными как реальная картина языковых процессов или «национально-русского двуязычия в СССР». На эту тему защищались докторские диссертации и публиковались многочисленные труды, авторы которых и сегодня ни за что не признают тщетность своих многолетних усилий. Обученный пропагандой и подсказками переписчиков, советский человек упорно и убежденно называл родным язык своей крови (украинский, татарский, армянский и т. п.), даже если он не знал этого языка и тем более на нем не говорил. Только в исключительных случаях, например, ростовский или московский армянин, или дальневосточный украинец, или выросший в интернате представитель малочисленного северного народа, не знающие соответственно армянского, украинского или чукотского языков, могли назвать родным русский язык. Из таких случаев и образовывался небольшой «зазор» в 5,4% населения СССР, которые в 1989 г. назвали родным язык не своей национальности. А поскольку другого вопроса о языковой компетенции (кроме владения нерусскими языками) в переписи не ставилось, то это была выдающаяся фальсификация, точнее – разрыв с языковой реальностью. Страна говорила на русском языке, только около 20 миллионов человек, главным образом в кишлаках Средней Азии, не владели им «свободно». Если считать родным язык, которым опрашиваемый лучше всего владеет и которым обычно пользуется (именно так объясняет значение словосочетания «родной язык» Словарь Ожегова, такая же трактовка принята в мире), тогда не 29, а 70% нерусского населения назвали бы русский родным языком. Если бы данные переписи говорили о том, что в таких позднее самоопределившихся государствах как Белоруссия, Украина, Латвия, Казахстан, Киргизия для большинства населения, т. е. для большинства налогоплательщиков, русский язык является родным языком (основным и даже первым выученным), тогда не только было бы невозможно лишить этот язык должного статуса в рам-

ках официального двуязычия, но и сам распад СССР был бы более проблематичным.

Радикальное занижение в материалах переписи степени распространения и реального использования русского языка в бывшем СССР было основой для неадекватных научных, общественных и пропагандистских оценок. Языковая ассимиляция в пользу русского языка была в СССР и остается в России и в других новых государствах гораздо значительнее, чем это представляют данные переписи. На вопрос: хорошо это или плохо, ответить можно по-разному. Ученые-лингвисты и этнографы сожалеют об исчезновении носителей тех или иных, особенно малых языков. Лидеры национально-культурных автономий, ссылаясь, например, на тот факт, что 90% украинцев считают своим родным украинский язык, ставят вопрос об открытии украинских школ в Москве и в других городах России. Однако родители из числа российских украинцев хотят, чтобы их дети говорили без акцента и писали без ошибок на русском языке, на том языке, на котором они говорят дома и на котором говорит их страна. Для них родной язык – это русский язык, хотя все подсказки направлены на то, чтобы назвать таковым украинский.

В процессе распада СССР и после него натасканные на «родной язык» специалисты-ученые и националисты «титовского» толка подвергли наказанию как русский язык, так и языки малых групп, чтобы использовать «возрождение национального языка» (сугубо советское понятие «национальный язык» – это тоже из переписи и из научных текстов) для обеспечения преимущественного доступа к власти и к ресурсам для представителей так называемой «титовской нации».

Присутствие в переписи категории «родной язык» без выяснения языковой компетенции специалистами по языковым проблемам считалось важным показателем выражения «национального самосознания» или «этноязыковой идентичности». На самом деле это было дополнительным катализатором этнонационализма, фактором, ужесточающим групповые границы между гражданами одной страны и говорящими преимущественно на одном языке. Благо вся реальная политика в области образования, информации и культуры строилась не на основе данных переписи и их научных комментариев, а на основе реальной жизненной стратегии граждан, прежде всего родительского выбора и выбора молодых людей: в какую школу или вузовское отделение идти учиться, какие покупать и читать книги и газеты, на каком языке слушать радио и т. д.

Но это не означает, что так же будет и в будущем. Если, скажем, лидеры украинской автономии в России или власти Башкирии получат данные о родном языке по старым лекалам (т. е. что для 70-80% украинцев и башкир родной язык – соответственно украинский и башкир-

ский), тогда они будут требовать, чтобы примерно такая же доля средств, учебного и эфирного времени и печатного пространства шли на обеспечение данных языковых потребностей. Требовать будут лидеры и активисты, несмотря на то, что родители-украинцы или башкиры не отправят своих детей в украинские и башкирские школы. Неточные данные переписи о ложно понимаемом и ложно называемом родном языке приводят не только к неэффективным затратам государственных ресурсов, но и становятся аргументом для осуществления косвенного насилия в области языкового выбора и языковых прав граждан. Почему считается, что осуществлять право башкира на башкирский язык – значит обеспечивать права гражданина, а осуществлять право башкира на русский язык – значит поощрять некую аномалию и даже насилие?

Итак, родной язык – это язык, которым человек лучше всего владеет и на котором обычно говорит, это первый выученный в детстве язык, знание которого сохраняется. А это означает, что в ходе переписи нужно спрашивать не о том, что человек «считает» родным языком, и даже не о том, какими он владеет языками, а о том, на каком языке он разговаривает. Это подразумевает также и владение. Лучше вообще уйти от вопроса о родном языке, если он всего лишь дополняет вопрос о национальной принадлежности. Выяснять, сколько российских армян или чукчей настолько крепки в своем самосознании, что считают родным язык данной национальности, а сколько пребывают в состоянии «этнической двойственности», нет никакой необходимости. Это можно сделать с помощью социологических опросов и других специальных методик, если это имеет значение для того или иного исследователя.

Лучше всего было бы оставить вопросы о языке в том виде, как они задавались во время промежуточной переписи 1994 г.: помимо «родного языка» выяснить, какими языками люди пользуются в домашнем общении и на работе. Но что-то не понравилось нашим статистикам и некоторым специалистам в таком подходе, который широко используется в переписях других стран. Стали возвращаться назад к 1989 году, затем срочно и неудачно править вопросник перед финальным заседанием Государственной комиссии с участием Президента (так появился вопрос «знаете ли Вы родной язык» и прочая чепуха), и, наконец, остановились на нынешнем варианте без родного языка. В итоге вопрос 9.1 будет выявлять владение государственным (русским) языком. Вполне резонный и нужный вопрос, хотя для России не очень актуальный, если сравнивать с бывшим СССР или с другими странами, где значительная доля граждан не владеет государственным языком (например, значительная часть населения штата Чиapas в Мексике). В России специалисты почти точно могут сказать, где и в каких деревнях и аулах в ряде российских

республик жители не говорят по-русски. Задавать этот вопрос, чтобы выяснить знание русского языка негражданами или недавними иммигрантами, также нет большой необходимости (если считать денежную стоимость каждого вопроса переписи): во-первых, доля иммигрантов мизерна по сравнению с другими странами, во-вторых, почти все они из одного с нами государства и говорят на русском языке лучше местных или «коренных» жителей.

Однако ценность этого вопроса заключается не просто в выяснении, сколько жителей страны не знают русского языка, но и в том, что в сочетании с вопросом 9.2 «Какими другими языками Вы владеете?» и в соотношении с вопросом о национальности предоставляется возможность выяснить достаточно полно языковую ситуацию в стране. Но сначала о вопросе 9.2. Он повторяет формулировку вопроса предыдущих переписей: «Какими другими языками народов СССР Вы свободно владеете?», но новая редакция и форма ответа гораздо лучше. Во-первых, наконец-то устранена субъективно-оценочная категория «свободно владеть», которая в прошлых переписях опять же приводила к занижению уровня языковой компетенции части жителей страны. Учитывая, что и при формулировке вопроса о русском языке также выяснялось «свободное владение», занижалась и численность владеющих русским.

Но самая важная новация заключается в возможности указать при ответе знания других языков, кроме русского, не один, а два и даже три языка, ибо для этого имеются три свободные линии в зоне ответа. Первой нашей реакцией на данное предложение было уточнить формулировку в пользу ограничения возможного круга указываемых языков: по большому счету, для переписи не столь важно выяснять, сколько жителей страны владеет французским, итальянским или китайским языками. Однако сделать такое ограничение так, как это делалось в последних советских переписях (только языки народов СССР), оказывается не так просто. Что такое «языки народов Российской Федерации»? Видимо, это языки тех этнических групп, которые появляются в итоговом списке народов или национальностей с учетом того деления, которое имелось в этом списке: «народы, проживающие преимущественно на территории СССР» и «народы, проживающие преимущественно за пределами СССР». Этот список и в советские времена был несовершенен (куда, например, относить евреев или эвенков?). С распадом СССР такое деление вообще потеряло свой смысл. Ясно, что армяне или украинцы – это российские народы. Но как быть с английским или испанским и другими иностранными языками, если в списке народов останутся американцы, англичане, испанцы, кубинцы и еще около 25 «народов», которые и всего-то представлены несколькими сотнями потомков мигрантов или

иностранцами? Придется, видимо, считать все языки, которые будут указаны в переписных листах. Кстати, сложнейшая задача для кодировщиков, ибо языков больше, чем этнических групп, а список, который готовился для методического обеспечения переписи, не включает полного списка языков. Нужна будет категория «другие языки» и ручной подсчет тех «экзотических» ответов, которые могут последовать от иммигрантов из африканских или азиатских стран, которые будут охвачены переписью. Все это преодолимо.

Отсутствие уточняющего определения «языки народов Российской Федерации» позволяет довольно большому числу жителей, особенно молодых россиян, указать владение так называемыми иностранными языками, т. е. языками других стран. Но главное не в этом. Вопрос о владении «иными языками», как бы он ни воспринимался эмоционально-идеологизированной публикой, впервые позволяет собрать данные о владении «родными языками» как в качестве второго или третьего языка, так и в качестве первого или единственного (при «первом родном» будет пропуск в ответе на вопрос о знании русского языка и будет указан также иной язык во второй линии ответа, при единственном «родном языке» – будут пропуски в ответе на вопрос о русском языке и во второй и третьей линиях ответа на вопрос об иных языках).

Некоторые мои коллеги-ученые пишут воспаленные статьи о том, что кто-то «украл родной язык» в ходе переписи населения, но не пишут или не знают о том, что без такого понятия проводятся переписи в других странах мира, что само это понятие пришло в наши переписи в 1926 году как не очень корректный перевод с иностранных языков вопроса в переписи о материнском языке, который тогда стал практиковаться в некоторых странах. По крайней мере, мне не известны страны, где бы в ходе переписи спрашивали не о реальной языковой ситуации, а об ощущениях. Тем не менее, безответственных заявлений по поводу «кражи языка» там никто не делает, а данные о владении и использовании гражданами разных языков употребляются для выработки эффективной и адекватной политики, а не для поверхностных исследований и политических деклараций.

Уроки переписи *

Перепись населения в России еще не закончилась. Прошел ее важнейший этап – опрос населения. По международным стандартам перепись считается завершенной только после публикации ее результатов. Поэтому предстоит еще большая и сложная работа по обработке и публикации данных. Однако некоторые выводы по прошедшему этапу можно и нужно сделать как в целях более успешного завершения переписи, так и в качестве уроков на будущее. Наши наблюдения основаны как на личном опыте и знании антропологии переписей, так и на результатах осуществляемого в сотрудничестве с Браунским университетом (США) и Домом наук о человеке (Франция) международного научного проекта «Идентичность и язык в переписи населения России 2002 года».

В ходе осуществления проекта к мониторингу ситуации накануне и в ходе переписи были привлечены группа ведущих специалистов Института этнологии и антропологии РАН, более 20 экспертов Сети этнологического мониторинга из российских регионов и около 15 человек иностранных ученых-обществоведов, занимающихся проблемами России. Мониторинг переписи прошел примерно в 25 регионах, включая Москву и Подмоскovie, Чечню и Дальний Восток, республики Адыгею, Алтай, Башкортостан, Дагестан, Карелию, Мари Эл, Мордовию, Северную Осетию, Татарстан, Чувашию. Сразу же после переписи, 18-19 октября в Москве состоялся семинар, где обсуждались итоги наблюдений и первые выводы. Эта работа будет продолжена, включая анализ результатов переписи.

Первый и основной вывод: главный этап переписи прошел лучше, чем об этом можно было судить из сообщений средств массовой информации или из обыденных разговоров. Власти, прежде всего статистические органы, а также общество в целом смогли собраться и даже консолидироваться вокруг проведения мероприятия. Массированная и дорогая кампания агитации через СМИ и плакатную продукцию помогла уменьшить ущерб от дефектного закона о переписи населения, объявившего участие в этом важнейшем общегосударственном деле добровольным. Больше это принцип работать не будет, и поэтому закон о переписи нужно исправлять обязательно, и лучше заранее.

Второй урок касается государства в лице его органов власти, в том числе специальных ведомств и комиссий. Учитывая смену правящей элиты и госаппарата после 1989 г., перепись населения стала непростой

* Бюллетень «Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов», N45, 2002

задачей, для решения которой недостаточно одних только административно-волевых методов и финансовых вложений. Задача оказалась не проще, а сложнее организации выборов или других общенациональных кампаний, однако понимание этого до сих пор не пришло.

Государство, прежде всего в лице бюрократического аппарата и высших должностных лиц, показало себя не с лучшей стороны в данном вопросе. Шапкозакидательство вместе с игнорированием научной проработки принятия решений (теперь сами депутаты, министры и начальники департаментов стали докторами наук и даже академиками) проявилось в том, что созданная госкомиссия по проведению переписи была чисто декоративным органом. Сложнейшие вопросы программы переписи и конкретных формулировок вопросника могли решаться на случайных междусобойчиках с участием работников аппарата, которые затем сами же утверждали эти решения у премьер-министра или вообще никак не оформляли их, информируя Госкомстат России о том, что нужно делать с вопросником или как фиксировать получаемые в ходе опроса материалы.

Парадоксально, но основной документ переписи, а именно – опросный лист ни разу не был представлен широкой общественности, а тем более не объяснялось, как следует отвечать на вопросы. Думаю, что большой неожиданностью на фоне запугивавшей кампании в СМИ, для жителей страны стало то, что вопросы переписи – довольно незатейливые, и они никак не могут быть использованы во вред человеку, а тем более раскрыть его личные тайны.

Государство не смогло достойно определить программу переписи. Госкомстат России предложил список вопросов, который отражал старые установки и реалии. Так, по всей стране переписывались коммунальные квартиры, которых уже осталось крайне мало, причем данные о проживающих в коммуналках хорошо известны. Зато не переписывались загородные участки и дачи, вторые квартиры, автомобили, которые стали важной стороной жизни населения за последние десять лет. Исходя из общей установки, озвученной президентом Путиным, что «Россия – очень бедная страна», Госкомстат и предложил переписывать бедную страну.

По указанным источникам доходов судить о благосостоянии россиянина будет крайне сложно. Ибо даже президент страны в своем ответе указал только заработную плату, хотя подарил переписчице изданную им книгу, за которую наверняка ему был начислен гонорар. В будущей переписи необходимо решать в той или иной форме кардинальный вопрос о фиксации уровня жизни. Если жители страны не созреют до указания размера доходов, можно найти другие способы оценки их материального благосостояния. Сегодня мы живем в разрушающей атмосфере

психологической бедности, и перепись, к сожалению, восприятие нашей социальной жизни не сможет поправить. Так и будем восхищаться раз-рекламированным преуспеянием Китая, где на самом деле царит бедность по сравнению с Россией. Этот разрыв очевиден по одной только детской смертности, которая в три раза выше в Китае.

Государственные чиновники в союзе с ретроgrадами от науки плохо сформулировали ключевые вопросы о национальности и языке как в тексте закона, так и в вопроснике переписи. Они заняли конъюнктурную позицию под давлением разных политических сил. В тексте закона при определении программы переписи среди прочих были перечислены вопросы «национальность» и «родной язык». Оба вопроса в их принятой формулировке и по форме возможного ответа крайне уязвимы.

Все большее число граждан нашей страны, а тем более иностранцы воспринимают вопрос «национальность» как вопрос о гражданстве, а не об этнической принадлежности, как это подразумевают организаторы переписи. Естественно, иностранцы отвечают, например, – «афганец», «американец» или «швейцарец», хотя те же самые люди у себя в странах на вопрос об этнической принадлежности отвечают «пуштун» или «узбек» (в Афганистане), «ирландец», «еврей» или «русский» (в США). Организаторы переписи не решились поставить формулировку об этнической принадлежности, ссылаясь на букву закона, и тем самым осложнили ситуацию. Во-первых, как и в советских переписях, в графе «национальность» большинство россиян запишет свою этническую идентичность, а мигранты и иностранцы запишут гражданство. Опять среди «народов России» появятся американцы, англичане, испанцы, мексиканцы, французы и прочие, но вот россиян не будет, а будут «национальности». Во-вторых, организаторы не решились дать возможность жителям страны указать свою множественную этническую идентичность (хотя бы по отцу и по матери для потомков смешанных семей). Это чудовищный тупик, уже породивший в новой более свободной общественной среде острые споры о том, кто кому принадлежит и кого как нужно записывать. Теперь из него выбираться придется только через десять лет во время следующей переписи. Миллионы россиян, которые одновременно считают себя русскими и украинцами, русскими и армянами, татарами и башкирами (таковых «смешанных национальностей» – десятки возможных сочетаний) опять подвергаются неоправданному испытанию: перед ними стоит выбор – как себя записать в единственной строчке ответа на этот вопрос. Получается, что смешанных семей в стране добрая четверть, а людей смешанной этнической принадлежности не существует. Вот и приходится эвенкийско-русским родителям записывать своих детей по разным национальностям,

хотя можно было бы записать двойную национальность (этническую принадлежность).

Именно жесткая формулировка о национальности и возможность единственного ответа с целью приписать все население страны к четко очерченным группам становятся основным препятствием на пути формирования национальной российской идентичности. В ходе переписи ответы записывались в свободном режиме, хотя были и нарушения (коми-ижемцев записывали как просто коми, детей из смешанных семей в Башкирии и Татарстане однозначно записывали в пользу титульной группы, в ответ на некоторые ответы заявляли, что «такой национальности нет» и прочее). Но в целом собран достаточно интересный материал, особенно по основным нерусским народам. Теперь главная проблема: что делать с этими ответами?

Лучше всего кодирование и ввод материалов в машиночитаемую форму осуществить на уровне федеральных округов, но аппарат последних не имеет ресурсов и компетенции для этого. Статорганы субъектов федерации способны это сделать, но нужны гарантии невмешательства и федеральный контроль. Иначе будут осуществляться манипуляции и политические уступки, уже сделанные накануне переписи, как, например, обещание руководству Дагестана считать этнический состав по утвержденному правительством РФ списку коренных малочисленных народов Дагестана, куда вошли все самые крупные группы, включая русских, но не вошли действительно малые группы. Нам примерно известно, где возможны фальсификации, и этого нужно по возможности избежать, чтобы не столкнуться с волной послепереписных жалоб и с недоумением специалистов.

Очень жаль, что множественная идентификация не признана переписью, но её можно осуществить хотя бы на уровне некоторых групп и подгрупп, которые уже были выделены в первоначальном списке. Над этим списком еще нужно поработать уже с учетом мониторинга хода самого опроса. Так, например, в самый последний момент активизировались представители некоторых групп казачества, и казаками, вероятно, записалось несколько десятков тысяч человек, что не позволит отнести этих лиц к категории «другие национальности». Значит, возможно решить вопрос о двойной принадлежности, записав, скажем, русскоязычных казаков в подгруппу русских, а украинскоязычных – в подгруппу украинцев. Но эти вопросы нужно решать вместе со специалистами по ходу обработки данных.

Главное – не переписывать так, чтобы не осталось следа от первичной записи! Записавшийся мокшей не может стать только мордвой в итоговых данных. Он может стать только мордвой-мокшей или остаться

просто мокшей. Записавшийся арчинцем не может стать аварцем. Он может стать только аварцем-арчинцем или остаться арчинцем. Записавшийся кряшеном не может быть переписан как татарин. Он может быть посчитан как татарин-кряшен или как просто кряшен. Еще лучше – не конструировать дефисные группы, если они изначально не были предусмотрены и не были зафиксированы. Лучше придерживаться принципа «категория-подкатегория», но и здесь нужны консультации и тщательная оценка данных.

По той же причине некомпетентных установок и устаревших принципов трагически сложилось дело с фиксацией языковой ситуации в стране. Отечественная наука и практика внедрила в переписной лист категорию родного языка, наполнив в последние десятилетия это понятие искаженным смыслом: родной язык понимается не как основной язык, который человек знает с детства и которым пользуется, а как язык, совпадающий с этнической принадлежностью (национальностью) индивида. Но беда даже не в этом, а в том, что вопрос ставился не о владении или пользовании языком (что и важно для переписи!), а о том, какой язык человек считает родным.

На основе этих данных, которые к реальной языковой ситуации имели косвенное отношение, писались книги и защищались диссертации о двуязычии в СССР и вообще о языковых процессах. В то время как большинство белорусов и украинцев, например, говорили на русском языке, т. е. он был их родным языком, данные переписи и научные труды демонстрировали иную картину. Именно по этой причине оказалось возможным столь масштабное «наказание» русского языка в постсоветских государствах, ибо его реальное место, т. е. его статус как родного языка значительной части населения вновь созданных государств не был нигде зафиксирован: ни в переписях, ни в трудах социолингвистов.

Что получилось с переписью 2002 года? Сначала был принят вариант вопросов о языке в редакции переписи 1989 г., менее удачной по сравнению с промежуточной переписью 1994 г., когда выявлялось пользование языком дома и на работе. Но все-таки этот вариант был не таким плохим с точки зрения возможности сравнения с предыдущими данными (этот фактор приходится учитывать при определении программы переписи). На одном из завершающих этапов кто-то непрофессионально вмешался в вопросник и добавил еще один вопрос о родном языке («Владеете ли вы родным языком?»). Именно это вызвало мою и члена правительственной комиссии по проведению переписи А. Вишневого негативную реакцию и побудило направить письмо президенту В. Путину по поводу уже утвержденного премьер-министром М. Касьяновым вопросника. В итоге формулировки вопросов о языке

были существенно изменены, стали более современными и реалистичными. Вопросы касались знания русского языка и других языков (возможно было указать три языка). В принципе вопрос о русском языке был лишним. Хватило бы двух вопросов: «Какими языками вы владеете (по степени владения)» и «Какими языками вы пользуетесь (по степени использования)», или даже одного первого вопроса с возможностью заполнения до трех вариантов.

Наконец, вариант о владении русским и другими языками был напечатан в тираже вопросника. Так впервые за многие десятилетия в стране создавалась возможность выяснить реальную языковую ситуацию для определения более адекватной образовательной, культурной и информационной политики. Но этот шанс был упущен в результате истеричных заявлений некоторых ученых, политиков и активистов «национальных движений» о том, что у них «украли родной язык». На самом деле именно предложенный вариант вопроса позволял выяснить, владеет или не владеет человек языком той национальности, принадлежность к которой он указал, и уже из этого строить заключения и политику. Старый вариант «ваш родной язык?» о владении языком судить не позволял, а только подтверждал указанную национальность и выявлял мизерное число людей, которые ни слова не знали на языке своей национальности и не могли указать его родным, даже если все установки были в пользу этого ответа.

Что получилось в итоге? Госкомстат в последний момент дал переписчикам инструкцию: в графе «владение иными языками» первой из трех делать запись о родном языке, если этот язык не русский. В итоге в эту графу рекомендовали записать сведения не о владении языком, а о том, какой язык человек считает родным. Часть переписчиков следовали инструкции Госкомстата, как, например, это сделала переписчица президента Путина. Но уже другая переписчица с того же переписного участка меня лично спрашивала так, как было напечатано в вопроснике. Эта путаница прошла по всей стране, и данные о владении нерусскими языками оказались безнадежно испорчены поправкой Госкомстата, принятой под давлением части ученых, политиков и активистов.

Почему при подготовке переписи так и не состоялась профессиональная дискуссия по вопросу фиксации языковой ситуации в стране, мне не понятно. Единственный международный симпозиум, посвященный российской переписи, состоялся в РАГС в ноябре 2001 г. На нем вопрос о программе переписи даже и не ставился. Все уже казалось ясным и решенным!

Что касается Госкомстата, то его положение было незавидным. С одной стороны, в подготовке переписи вмешивались работники адми-

нистрации президента и правительства, которые не имели должной компетенции, но имели солидную власть. С другой стороны, Госкомстат и перепись в целом откровенно «мочила» российская пресса. Большинство журналистов понимало критику организации переписи как выступление против переписи вообще. Путали понятия «источники доходов» и «размеры доходов», анонимность переписи и добровольность переписи и т. п.

Важной проблемой стала степень подготовленности и поведения части служащих Госкомстата, ответственных за перепись. Некоторыми из них была занята самонадеянная и изоляционистская позиция, трудно воспринимались новации по части формулировки вопросов, отсекалось предлагаемое международное содействие, если только оно не сводилось к тому, чтобы восславить славные традиции советской статистики.

Высшим проявлением неразумности было разосланное председателем Госкомстата по всем субъектам федерации письмо, налагающее запрет на осуществление мониторинга переписи в рамках вышеназванного научного проекта. Закон запрещает проводить вместе с переписью (т. е. вместе с опросом) какие-либо опросы или референдумы, а также не позволяет нарушать конфиденциальность при процедуре опроса. Но закон не запрещает наблюдать, как ведет себя население в ходе переписи, какие возникают проблемы с ответами, какие трудности испытывают переписчики, какие имеют место внешние вмешательства и какие случаются казусы. Все это называется этнографией переписи. И все это было нами сделано в рамках закона и научных принципов. К сожалению, не в сотрудничестве с Госкомстатом. Но для блага Госкомстата, ибо процедура мониторинга с участием зарубежных ученых повысила доверие к российской переписи и ее легитимность.

Отмеченные нами проблемы могут быть решены, а ошибки исправлены. Но только при условии восстановленного сотрудничества науки и государственной службы.

Перепись и идентичность *

Первичные данные переписи 2002 г. говорят о достаточно серьезных изменениях в этнической структуре российского народа, которые произошли с момента переписи 1989 г. Речь идет о своего рода «подвижках» в численной иерархии 23 самых крупных этнических общностей (свыше 400 тысяч чел.), по которым Госкомстат объявил данные. Эти 23 народа составляют 96% населения страны и их культура и язык зримо присутствуют в жизни страны, особенно в регионах преимущественного расселения, прежде всего в республиках. Добрые или плохие отношения между крупными народами или их отношения с самым многочисленным народом – русскими влияют на общественную жизнь и стабильность государства. Достаточно привести пример того, как в начале 1990-х гг. часть чеченского народа избрала нереализуемый проект вооруженного сепаратизма и тем самым навлекла огромную беду для страны и, прежде всего, для собственного народа.

Важный момент в этой сфере – это соотношение в структуре населения России русских, на основе языка и культуры которых строится общероссийская культура, и нерусских, культурная традиция которых играет важную роль как для самих этих групп, так и для российской культуры в целом. Следует помнить, что в Российской империи и в СССР русские никогда не составляли более 51% населения и только в Российской Федерации они составили абсолютное большинство. Что влияет на рост или сокращение численности того или иного народа России, которых новая перепись зафиксировала общим числом около 160? Это три фактора – естественный рост (рождаемость – смертность), миграция и смена самосознания (ассимиляция). В разных обстоятельствах эти факторы проявляются по-разному, но два последних имели в последнее десятилетие особое значение. Очень много людей участвовало в миграционных процессах, а либерализация общественной жизни, рост этнического самосознания и национализм в республиках способствовали рекрутированию потомков смешанных браков в политически более значимую идентичность (например, башкир в Башкирии или татар в Татарстане).

По уже известным итогам выделим группы, которые уменьшили свою абсолютную численность. Это – русские, украинцы, чуваша, мордва, белорусы, удмурты, марийцы, немцы. В эту же группу войдут обязательно евреи и еще несколько этнических групп. Причины сокращения численности в отрицательном естественном росте (превышении смертности над рождаемостью), а в наиболее драматических случаях – также и в эмиграции или в переселении (немцы и евреи, частично – украинцы и белорусы).

* Работа написана в ноябре 2003 г. для бюллетеня «Сети этнологического мониторинга, но не опубликована

Что касается русских, то благодаря значительному миграционному пополнению и предпочтительности русской идентичности в ситуациях смешанных браков, их общее число сократилось всего на 3%, а доля в составе населения страны – на 2%. Но только следует иметь в виду, что численность русских в других странах бывшего СССР сократилась гораздо сильнее, а значит и общее число русских в постсоветском пространстве уменьшилось не на 3%, а существенно больше. Естественно, что уменьшение украинцев и белорусов в России означает их увеличение в соответствующих государствах, но не в равной степени, ибо часть украинцев и белорусов «перешли» в русские (так было на протяжении всего XX века), а часть – уехали в другие страны.

Среди некоторых этнических групп наблюдался нулевой рост и их численность осталась примерно такой же, как и в конце 1980-х годов. Это – татары, чуваша, казахи, марийцы, буряты, а также, по моему предположению, многие другие группы, по которым еще не известны результаты переписи. Символически важен случай с татарами, численность которых выросла всего на 36 тыс., и при варианте публикации итоговых материалов, когда так называемые «подгруппы» (кряшены и сибирские татары) могут быть выделены как самостоятельные народы, именно этот минимальный прирост может исчезнуть. Для 5-миллионного народа – эта разница демографически не является значимой, но для политиков, особенно для татарских националистов, символически важно – растет или «вымирает» татарская нация за последние годы. И тем не менее, при окончательной публикации данных переписи следует еще раз подумать о настойчивом желании наиболее активной части кряшен и сибирских татар видеть себя в качестве отдельного народа. Конституционное право о свободном выражении своей национальной принадлежности здесь на стороне представителей этих групп.

Часть крупных народов увеличила свою численность, причем, некоторые – очень значительно, почти в два раза и даже более. Это – армяне, азербайджанцы, ингуши. Первые две группы увеличились прежде всего за счет масштабной иммиграции в Россию, ибо едва ли те, кто до этого записывался русским, стал считать себя армянином или азербайджанцем: престиж и отличительность по фамилии, внешнему облику и культуре представителей этих групп и до этого были всегда очень значимы. Что касается ингушей, то относительно высокий естественный прирост (самый высокий среди российских народов, если не считать Дагестан) едва ли мог дать такой значительный рост. Здесь возможны тривиальные приписки в ходе переписи, ибо смена самосознания в пользу ингушей за счет какой-либо другой национальности фактически исключена.

Увеличение численности дагестанских народов (аварцев, даргинцев, кумыков, лезгин и других, включая малочисленные народы Дагестана) произошло почти исключительно за счет естественного прироста, как и

других народов Северного Кавказа (осетин, кабардинцев и других). Выход аварцев в число десяти самых крупных народов России окончательно показал абсурдность притязаний дагестанских властей считать аварцев и еще 13 самых многочисленных этнических групп причислять к коренным малочисленным народам Российской Федерации (кстати, включая и русских). В Дагестане действительно живут около полутора десятков малочисленных народов, которые власти до этого не хотели признавать, но перепись даст о них некоторые (хотя, наверняка, заниженные) данные. Правительству Российской Федерации следует срочно отметить свое закрытое постановление о признании малочисленными народами России 14 «официальных» народов Дагестана, а право дагестанских властей определять этот список и представлять его федеральной власти должно быть отозвано.

Таблица. Этнический состав населения Российской Федерации

	2002 г.		1989 г.		2002 к 1989
	тыс. чел.	% к итогу	тыс. чел.	% к итогу	
все население	145164,3	100,00	147021,9	100,00	98,74
русские	115868,5	79,82	119865,9	81,54	96,67
татары	5558,0	3,83	5522,1	3,76	100,65
украинцы	2943,5	2,03	4362,9	2,97	67,47
башкиры	1673,8	1,15	1345,3	0,92	124,42
чуваши	1637,2	1,13	1773,6	1,21	92,31
чеченцы	1361,0	0,94	899,0	0,61	151,39
армяне	1130,2	0,78	532,4	0,36	212,28
мордва	844,5	0,58	1072,9	0,73	78,71
белорусы	814,7	0,56	1206,2	0,82	67,54
аварцы	757,1	0,52	544,0	0,37	139,17
казахи	655,1	0,45	635,9	0,43	103,02
удмурты	636,9	0,44	714,8	0,49	89,10
азербайджанцы	621,5	0,43	335,9	0,23	185,03
марийцы	604,8	0,42	643,7	0,44	93,96
немцы	597,1	0,41	842,3	0,57	70,89
кабардинцы	520,1	0,36	386,1	0,26	134,71
осетины	514,9	0,35	402,3	0,27	127,99
даргинцы	510,2	0,35	353,3	0,24	144,41
буряты	445,3	0,31	417,4	0,28	106,68
якуты	444,0	0,31	380,2	0,26	116,78
кумыки	422,5	0,29	277,2	0,19	152,42
ингуши	411,8	0,28	215,1	0,15	191,45
лезгины	411,6	0,28	257,3	0,18	159,97
другие и не указавшие национальность	5780,0	3,98	4036,1	2,70	143,21

Российская перепись 2002 в этническом измерении *

Общая оценка переписи

За несколько лет до и даже в самый канун проведения первой российской переписи 2002 г. многие эксперты и пресса предсказывали ее провал. Политики и общественные активисты заявляли, что сама процедура всеобщего опроса является вторжением в частную жизнь и нарушает права граждан. А работники российского статистического ведомства (Госкомстат России) боялись, что значительная часть населения страны откажется давать ответы на вопросы переписного листа. Причем, как полагали, люди будут настроены не только против вопросов о доходах, но и не захотят, чтобы их спрашивали об этнической идентичности¹. Этот феномен достаточно массового отторжения переписи, главным образом со стороны элитных слоев общества, был новым для страны. Это явление невозможно объяснить только фактом утверждения в России демократии и пока еще недостаточной культурой гражданской ответственности. Скорее всего, здесь проявили свое воздействие и такие факторы, как:

а) более чем 13-летний период после последней переписи, когда в политическом и масс-медийном пространстве произошла радикальная смена действующих лиц (актеров), которые имели смутное представление о том, что такое перепись населения;

б) существование в стране как бы «второй действительности» в форме серой экономики, нерегистрируемой властями массовой миграции, обладание частью общества скрываемыми источниками доходов и личной собственностью;

в) изначально неверная PR-стратегия с упором на полную демократичность и добровольность процедуры, а также на проблемы обеспечения конфиденциальности.

Этот интересный сюжет восприятия обществом процедуры переписи пока никем еще не анализировался, и к нему мы намерены обратиться позднее. В данной статье наша задача дать оценку предварительных итогов переписи в аспекте этнической демографии.

Несмотря на критику с нашей стороны организаторов переписи, мы вместе с другими участниками «Браунского проекта» полагаем, что в целом перепись населения России 2002 г. прошла на должном уровне,

* Работа написана в соавторстве с В.В.Степановым опубликована в: Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад за 2003 г. Сети этнологического мониторинга. Под ред. Валерия Тишкова и Елены Филипповой. М., 2004. С. 37-47.

ее результаты вполне легитимны, и они заслуживают критического анализа². Один из фундаментальных вопросов – это оценка степени охвата населения и характер возможного недоучета населения. Оценки специалистов здесь различны, но, видимо, только работники Госкомстата и непосредственные исполнители переписи могут дать более или менее точный ответ. По нашему мнению, недоучет населения в ходе переписи составил 5-7% процентов. Это главным образом три категории населения, не охваченных переписью:

- а) жители крупных мегаполисов,
- б) мигранты из стран бывшего СССР, Китая и Вьетнама,
- в) обитатели закрытых или трудно доступных загородных объектов.

На данной стадии можно только сказать, что самая высокая вероятность приписок (т. е. заполнение вопросников по данным паспортных столов) могла иметь место в трех случаях:

1. в крупных городах, которые стремились сохранить или обрести статус городов с миллионным и более населением;
2. на территориях межэтнического соперничества за получение этнически выгодных «правильных цифр», т. е. больших, чем у этнических соперников;
3. в этнотерриториальных автономиях с целью утверждения или «улучшения» демографического статуса титульных групп.

На принципиальный вопрос: с избытком или дефицитом посчитано население, однозначно ответить нельзя. Как и до переписи, по этому поводу продолжается спор. Одни говорят о недоучете населения, другие – что численность жителей страны оказалось завышенной. На самом деле имело место и то, и другое. В одних регионах преобладал недоучет. Например, на Дальнем Востоке китайцев посчитали, но далеко не всех. И не то чтобы китайцы уклонялись, просто местным властям не очень-то хотелось их учитывать. Окажись выходцев из Китая очень много, федеральный центр усилил бы пограничный режим, и это негативно сказалось бы на экономике региона. В других случаях, как в Чечне, Ингушетии, людей насчитали с избытком. В Москве значительную часть приезжих не учли, но в подсчете местных жителей явно перестарались. Поэтому трудно разобраться, что получилось в целом.

Не только мигранты, но и некоторые этнические категории населения представлены в переписи с явным искажением. Причины разные, не только технические, но и политические. Очень трудно выделить один ведущий фактор. Даже, казалось бы, в очевидных случаях, искажения не являются только продуктом намеренных манипуляций. Некоторые случаи занижения численности вполне очевидны. Например, перепись за-

регистрировала всего 3,3 тыс. турок-месхетинцев. Ранее такая категория в советских переписях не учитывалась вообще. Однако известно, что только в одном Краснодарском крае их в несколько раз больше. Известно также и нежелание властей Краснодарского края видеть в турках-месхетинцах полноправное население: этой категории жителей уже более десяти лет власти региона отказывают в социальных правах. Перепись почти «не заметила» представителей этой национальности, хотя с первых лет пребывания в крае (конец 1980-х) ведется административный учет турок-месхетинцев³. С другой стороны – следует иметь в виду несовершенство методики переписного учета и итоговых подсчетов. Многие записались просто турками, и их «месхетинская» принадлежность осталась неучтенной. Кто-то назвал так себя умышленно, ориентируясь на выезд в Турцию, часть же не пожелала называться «месхетинцами» из личных убеждений⁴.

Во многом этнодемография переписи складывалась на основе стойких представлений советского времени о том, что есть национальность. В России, как и раньше в СССР, по-прежнему распространено мнение, что «национальность» – это принадлежность к «своему народу» в смысле этнической общности, национальность является непременным атрибутом любого человека, причем у каждого она единственная и дана с рождения. Однако еще статистика советской поры показала, что реальность намного сложнее. По данным переписи 1989 г., четверть населения жила в семьях со сложным этническим составом, а это – весомая причина распространения двойной этнической идентичности. Так, известно, что почти 76% украинцев в России живут в смешанных семьях, в основном – в русско-украинских⁵. То же характерно и для российских немцев. Часто человек осознает себя не только немцем, а русским немцем, или русским и немцем одновременно, или ситуативно: в одних случаях русским, а в других – немцем. По этой причине, несмотря на жесткие установки, от переписи к переписи миллионы советских людей совершали «переходы» из одной группы в другую. Наиболее очевидные примеры таких переходов – это «превращение» украинцев в русских в период между переписями 1926 и 1937 гг.⁶, евреев в русских в первых советских переписях и наоборот – русских в евреев в переписях 1979 и 1989 гг., татаро-башкирские дрейфы во всех советских переписях⁷. Феномен этнического дрейфа проявил себя и в переписи 2002 г., но зафиксирован он был только столь же жестким образом на основе принципа единичной и взаимоисключающей идентичности.

Вопреки распространенному убеждению, некоторые люди в России никогда не задумывались над тем, кто они по национальности, тем более что в гражданском паспорте с 1997 года нет графы «националь-

ность». Они просто не готовы дать определенный ответ переписчику, а статистика фиксирует их как уклоняющихся от ответа. Таких «уклонившихся» Госкомстат более всего насчитал в Москве и Петербурге. В целом среди тех, кто был учтен переписью, не смогли заявить свою этническую идентичность лишь 1%⁸.

По нашим наблюдениям, около 10-15% вообще трудно воспринимали вопрос о «национальной принадлежности». А инструкция запрещала переписчикам что-то объяснять. Как и в прошлых советских переписях, перепись 2002 г. не учитывала возможность двойной этнической идентичности, и около 10% населения были вынуждены делать жесткий выбор в пользу национальности одного из родителей. Как и во все времена, предпочтение отдавалось наиболее престижной и статусной форме идентичности – русской. Именно поэтому в России статистически стало меньше украинцев и белорусов, хотя они не «вымерли» и не уехали. То же в отношении таких численно крупных категорий как марийцы, удмурты, чувашаи, мордва. Перепись как бы забежала вперед, отразив факт этнической ассимиляции представителей этих и ряда других групп, хотя на самом деле процесс развивается медленнее и не столь однозначно⁹.

Об увеличении количества «народов» по итогам переписи

В 1989 году в СССР было 128 «национальностей». Сейчас только в России более 150¹⁰. Весь вопрос в методике: как группировать и показывать в окончательном списке этнические группы. В 1989 г. в СССР заранее был разработан список из 800 возможных этнических самоназваний, которые могли встретиться в переписи. После опроса все ответы 250-миллионного населения были сгруппированы в 128 категорий. Именно столько получилось «народов СССР». Не меньший предварительный список возможных самоназваний был подготовлен для переписи 2002 г. По ее итогам произведена группировка из 158 этнических наименований первого уровня и двух-трех десятков (вопрос до сих пор остается спорным) категорий второго уровня, статистически объединяемых с первым.

Политический аспект списка национальностей имеет место и в нынешней переписи. Одной из наиболее очевидных политизаций был вопрос о татарах. Националистически настроенная часть татарского экспертного и политического сообщества, а за ней и власти Татарстана обвинили Госкомстат России вместе с Институтом этнологии и антропологии РАН в заговоре по расколу татарской нации. Сильное давление было оказано на президента В. В. Путина во время посещения им республики в конце августа 2002 г.

Перепись 2002 г. выделила в отдельную этническую категорию десять тысяч *нагайбаков* – теперь их не учитывают в составе татар. Поя-

вились ранее вовсе не учитывавшиеся *кряшены* и *сибирские татары*. Отдельно были подсчитаны *бесермяне*, которых до этого перезаписывали в удмуртов. Среди дагестанских аварцев теперь различают свыше десятка малочисленных групп, говорящих на андо-цезских языках. Среди даргинцев «обнаружились» *кайтагцы* и *кубачинцы*. Лишь теперь статистика их «увидела», хотя науке эти группы были хорошо известны¹¹. Всего перепись выделила 68 новых этнических категорий. В их числе 22 «самостоятельных» наименования. Численность остальных учтенных по отдельности подсчитана в совокупности с демографически более значительными категориями (см. приложение, табл. 1).

Примененный в переписи 2002 г. статистически ступенчатый, ранее не применявшийся способ учета нуждается в тщательном анализе. С одной стороны, ступенчатость списка категорий предоставляет возможность более разнообразного учета форм этнической идентичности. И в этом большое достижение переписи 2002 г. С другой стороны, не ясна дальнейшая судьба такого списка. Будет ли его двухступенчатая структура сохранена во всех публикациях итогов, или так называемый второй уровень исчезнет из дальнейших статистических сводок. Это зависит от того, каким будет отношение ко второму уровню в обществе и, прежде всего, среди управленцев.

Даже в академической среде двухуровневый список пока что воспринимается с позиций догматического подхода о «самостоятельных» («настоящих») народах-этносох и входящих в их состав несамостоятельных «субэтносох». На этом зиждется убеждение, что только статистическая «независимость» какой-либо этнической категории, обозначенной в материалах переписи, может свидетельствовать о «настоящем народе».

Уже не раз возникал спор между московскими специалистами Института этнологии и антропологии РАН и представителями властей и научных кругов из регионов. Первые настаивали на том, чтобы не признанные в советские времена малочисленные этнические категории были подсчитаны отдельно. Например, андо-цезские группы должны быть полностью статистически оторваны от аварцев, а кряшены – от татар. Оппоненты квалифицировали это как волонтаристские попытки раздробить существующие народы-нации.

Задача составить непротиворечивый список действительно сложна, ведь в ходе переписи впервые была сделана попытка не только отразить многообразие населения России, но и показать реалии культурно-интегративных и ассимиляционных процессов. Наиболее труден случай с Дагестаном. Избегая возможной межэтнической напряженности в вопросах доступа к власти, правительство Дагестана требует учесть эти группы дагестанцев не только в качестве отдельных категорий, но и

приплюсовать их к общей численности аварцев. Рабочая комиссия по подготовке материалов переписи к публикации на своем заседании в марте 2004 г. приняла решение пойти навстречу требованию Дагестана. Это означает, что число «основных народов» сократится примерно на 15 названий, а число «подгрупп» увеличится. По тем же причинам в переписи 2002 г. нет статистически «независимых» категорий «кряшены» и «сибирские татары». Они будут указаны как подгруппы татар.

В тех случаях, когда заметного политического давления из республик не было, новые этнические категории «появлялись» безболезненно. Речь идет, к примеру, о *бесермянах*, численностью 3,2 тыс. чел. Против их «статистической независимости» не выступали власти Удмуртии. То же – в отношении *кумандинцев*, *теленгитов*, *телеутов* и других, учтенных независимо от алтайцев. Переписью выделены отдельно от адыгейцев *шапсуги*, от украинцев – *русины*, от тувинцев – *сойоты*.

О депопуляции и демографическом росте

Тема депопуляции, присутствующая практически во всех обсуждениях проблем численности населения страны, проявилась и при обращении к этническим аспектам. В целом перепись показала несостоятельность многих страхов и разговоров об «этноциде», якобы имевшем место в 1990-х годах, а также о радикальных изменениях в демографическом соотношении основных российских национальностей. Данные по 23 самым многочисленным группам (96% населения страны) выглядят следующим образом (см. Приложение, табл. 2).

Перепись показала несостоятельность страхов о катастрофическом сокращении численности этнических русских¹². Накануне переписи СМИ публиковали прогнозы, согласно которым, численность русских упала на 15-19 млн. чел., т. е. чуть ли не на 15% по сравнению с последней советской переписью. Сокращение действительно имело место, но на гораздо меньшую величину: на 3%, а доля в составе населения страны снизилась на 2%. Основная причина сокращения – демографическое постарение населения, большая часть которого – городские жители. С этим связана малая детность и высокая смертность. Второстепенным фактором сокращения служит миграционный отток. В целом же миграция играет позитивную роль, компенсируя падение численности русского населения. Дополнительным источником демографического пополнения является ассимиляция в пользу русского языка и этнической идентичности среди иных групп. В целом речь можно вести о численной стагнации русских с тенденцией к сокращению по причине демографического старения.

Зафиксировано также незначительное сокращение численности марийцев, удмуртов, чувашей, мордвы, хакасов, коми и некоторых других. Некоторые категории, наоборот, численно выросли (аварцы, азербайджанцы, армяне, башкиры, буряты, даргинцы, кабардинцы, кумыки, лезгины, осетины, чеченцы, ингуши, якуты). Однако это не вызвало каких-то радикальных изменений в этническом составе населения страны, если не считать сильное уменьшение численности украинцев, евреев и немцев.

В отношении самых крупных этнических категорий, насчитывающих *свыше миллиона человек*, перепись обнаружила следующие тенденции. Имеются категории, численный состав которых сильно возрос. Это, прежде всего, армяне, численность которых удвоилась (212% по отношению к численности в России в 1989 г.). Ранее их насчитывалось 532 тыс., теперь – 1,1 млн. чел. Причины роста численности очевидны – интенсивная миграция с конца 1980-х гг. из Армении (землетрясение) и Азербайджана (карабахский конфликт). Вторая причина – положительный демографический рост, особенно в среде выходцев из сельской местности.

На втором месте по уровню прироста численности – чеченцы. Данные показывают 50-процентное увеличение (было 899 тыс., стало 1,3 млн.). О завышенном переписью количестве чеченцев немало говорилось в СМИ. Анализ демографических итогов еще предстоит после опубликования региональных итогов. Однако уже сейчас расчеты показывают, что при сохранившемся довольно высоком уровне естественного воспроизводства, заметный прирост численности действительно должен был иметь место. Прямые и косвенные потери чеченцев в ходе войны, видимо, были намного меньше, чем было принято считать.

Среди крупных народов перепись показала численный рост башкир, который объясняется не только демографическими причинами (включая миграцию), но и факторами политического характера. Численность татар практически не изменилась. Было 5,52 млн., стало 5,53 млн. Процессы демографического старения – не единственные причины замедления роста. Отчасти проблема связана с процессами ассимиляции, отчасти – с неточностями учета этнической идентичности. В отношении татар, проживающих в Башкирии, говорят даже о подлоге переписных данных. Теперь ясно, что если бы Госкомстат не включил в состав татар кряшен и сибирских татар, тогда не было бы и этого минимального прироста. Ранее, в микропереписи 1994 г., сибирские татары уже были подсчитаны отдельно от татар. А что касается кряшен, то вокруг этой группы накануне переписи разгорелись жаркие общественно-политические дискуссии, вышедшие далеко за рамки научного спора¹³. Кроме того, в нынешней переписи Госкомстат посчитал отдельно этническую группу нагайбаков, которая раньше также учитывалась в составе татар¹⁴.

Тем не менее, эти исключения не являются статистически значимыми на фоне более пяти миллионов человек, определивших себя как татары. Речь на самом деле должна идти не о демографическом сокращении численности татар, а о достоверности произведенного учета населения в Башкирии, где, как показала последняя советская перепись, татар насчитывалось больше, нежели башкир¹⁵. Даже при низком уровне естественного прироста¹⁶, не считая миграционного притока, численность татар, по сравнению с 1989 г. должна была вырасти на полмиллиона. А это во много раз больше, чем упомянутые группы сибирских татар, кряшен и нагайбаков вместе взятые.

Что касается опережающего роста башкир по сравнению с татарами, то это не результат одних только «демографических игр» политиков Башкирии. Если сравнить результаты нескольких переписей, то получается такая картина: в 1989 г. численность тех, кто назвался татарами, составила по отношению к численности 1979 г. 110,3%, а количество назвавшихся башкирами – всего лишь 104,2%. Если не учитывать феномен смены идентичности, результаты кажутся странными. Ведь известно, что среди башкир больше сельских жителей и более значительна рождаемость. В нынешней переписи взят своеобразный реванш: у татар прирост мизерный – всего 100,7%, а у башкир – заметный, 124,4%. Истина находится где-то в середине.

Незначительно сократилась численность чувашей: было 1,77 млн., стало 1,64 млн. Процессы демографического старения имеют место, но основной фактор – смена этнической идентичности. Вторая причина снижения численности характерна и для украинцев. Известно, что в первые годы после исчезновения СССР значительное количество украинцев, особенно из дальневосточного региона, переехало на Украину. Но очень скоро наметилось обратное миграционное стремление с Украины в Россию, особенно во второй половине 1990-х. До настоящего времени Украина является основным источником российского миграционного прироста. Накануне публикации первых итогов переписи СМИ давали прогнозы, по которым численность украинцев должна была очень сильно возрасти¹⁷. И, тем не менее, перепись зафиксировала сильное и никем не прогнозируемое снижение численности украинцев – с 4,3 млн. до 2,9 млн., т. е. почти на треть. Наличие фактора смены идентичности в таком колебании представляется очевидным.

Среди других крупных этнических категорий *численностью менее миллиона, но не менее 500 тыс.* чел. увеличение характерно только для кавказских групп. Наиболее заметны азербайджанцы. Нынешняя перепись насчитала их 622 тыс. против 336 тыс. в 1989 г., т. е. произошло 85-процентное увеличение. По темпам азербайджанцы лишь немногим

отстали от прироста в России армян. Факторы быстрого увеличения численности те же, в основном миграционного свойства. При этом перепись развенчала миф об огромных масштабах переселения азербайджанцев в Россию. Очевидно, еще будет немало публикаций о том, что численность азербайджанцев в переписи сильно занижена. СМИ писали о «миллионах» азербайджанцев в России, о большой диаспоре в Поволжье и на Урале, о «миллионе» в одной только Москве.

Возможно, занижение действительно имеет место, но оно не может быть значительным. Дело в том, что за пределами Азербайджана не может находиться несколько миллионов выходцев из этой страны. Это показывают простые расчеты. По переписи 1989 г. в республике было 7,02 млн. чел., а по переписи, проведенной в 1999 г., 7,95 млн. Если исходить из гипотетически высоких показателей естественного прироста, тогда в 1999 г. в стране должны были насчитать примерно 8,8 млн. чел. Перепись же дала на 850 тыс. меньше от ожидаемого числа. Следует, конечно, принять во внимание демографические последствия конфликтов, произошедших в конце 1980-х и начале 1990-х гг. почти все армяне покинули Азербайджан, и, кроме того, азербайджанская перепись не смогла достоверно учесть население Карабаха. Но она учла большое количество вынужденных мигрантов, прибывших из Армении и Средней Азии, что в демографическом отношении в значительной мере компенсировало результат. Очевидно, что разница между итогом и ожидаемой численностью возникла в результате других миграционных процессов, а именно – оттока населения. Среди покинувших Азербайджан порядка 250 тыс. – это русские. Какое-то количество уехавших составляют украинцы, татары, евреи. Но большинство из переселившихся за рубеж – азербайджанцы, т. е. порядка 600 тыс. чел. Многие обосновались в Турции, а также в государствах бывшего СССР, какая-то часть – в странах дальнего зарубежья. Большинство же переехало в Россию, и это согласуется с данными переписи 2002 г. (численность азербайджанцев в РФ увеличилась на 285,6 тыс.). Конечно, нельзя не согласиться с тем, что численность азербайджанцев на момент российской переписи была большей. Но это за счет временных трудовых мигрантов, которые по правилам переписи не учитываются в этническом составе населения. Хотя и в этом случае речь не идет о миллионах человек. По разным причинам государственные миграционные службы постоянно завышают численность мигрантов из-за двойного-тройного статистического учета в течение года, что и вызывает многие несоответствия в цифрах.

40-процентное увеличение численности зафиксировано среди даргинцев и аварцев, что соответствует сложившимся у специалистов представлениям о сохраняющемся значительном естественном приросте в Да-

гестане. Увеличение стало даже более высоким, нежели можно было предполагать по расчетам. С учетом существовавших на рубеже 1980-1990-х гг. тенденций, рост численности аварцев должен был составить порядка 120 – 150 тыс. чел., а перепись показала более чем 200-тысячное увеличение. И это при том, что в нынешнем подсчете не учтены, как это было в предыдущей переписи, андо-цезские группы общей численностью примерно 58 тыс. чел. Предполагаемый рост даргинцев не должен был превысить 90 тыс., а оказалось, что он составил более 150 тыс.

Удивление вызывает и опережающий, по сравнению с расчетным уровнем, рост кабардинцев. Можно было полагать, что увеличение составит порядка 80 тыс., тогда как перепись дала более чем 130-тысячный прирост.

Следует учесть, что перечисленные кавказские группы не могут расти за счет миграции, а также за счет интегративно-ассимиляционных процессов. Естественный прирост – практически единственный источник в данном случае. Поэтому полученные результаты еще требуют специального анализа. Возможно, имели место ошибки переписного учета, причем не исключено намеренное завышение статистических данных.

Среди крупных групп, заметно возросших численно, перепись показала осетин. Их 28% увеличение, далеко не столь разительное как у выше упомянутых кабардинцев или аварцев, не вызывает сомнений. Известно, что десятки тысяч осетин переселились в Россию, в частности, в Северную Осетию из соседней Грузии. Без учета миграционного притока численный рост осетин, исходя из демографических критериев, можно было бы назвать замедленным (порядка 1% в год).

В отношении казахов наблюдается феномен, противоположный кавказскому: не завышение, а занижение численности. Их численность возросла всего лишь на 3%, тогда, как известно об их интенсивном миграционном притоке из соседнего Казахстана, причем основная масса селится в южных областях Поволжья и Урала в сельской местности. В предыдущий межпереписной интервал увеличение численности казахов в Российской Федерации по темпам отставало лишь от быстро растущих северокавказских групп.

Остальные крупные этнические категории – белорусы, марийцы, мордва, немцы, удмурты – сократили свою численность (хотя сокращение марийцев не было значительным, их численность можно охарактеризовать как стабильную с наметившейся тенденцией к сокращению). Главные причины – демографическое постарение и смена этнической идентичности. Количество белорусов и немцев снизилось также за счет миграции, хотя миграция на разных этапах играла неоднозначную роль. На протяжении 1990-х годов Россия была своеобразным перевалочным

пунктом для миграционных потоков в Германию. Хотя приезжало немалое количество немцев из Казахстана и Средней Азии, ежегодно страну покидало по 30–50 тыс. российских немцев. В конце 1990-х миграция была скорее фактором роста численности немцев в России, нежели причиной их сокращения. Но итоговый баланс оказался все же отрицательным – снижение произошло почти на треть.

К следующей численной категории – *от 100 тыс. до полумиллиона* – относится гораздо большее количество групп. В их состав входят евреи, численность которых, по данным последней советской переписи, превышала полумиллионный рубеж, а теперь составила 230 тыс. чел. Произошедшее уменьшение за счет интенсивной эмиграции в страны дальнего зарубежья и демографического старения составило самую большую величину – почти две трети.

По причинам ассимилятивного характера сократилась численность коми и коми-пермяков. Незначительно возросла, а, по сути, осталась неизменной численность таких групп как буряты, калмыки, адыгейцы. Несколько более заметен рост числа якутов и тувинцев. Прирост якутов объясняется не только демографическим увеличением, но и невозможностью в ходе переписи учесть двойную идентичность (якутско-русскую, якутско-эвенскую и др.). Увеличение численности тувинцев объясняется в основном значительным демографическим приростом.

Перепись показала почти 20-процентное увеличение цыган. Их учтено 183 тыс. против 153 в предыдущей переписи 1989 г. В достоверности этого учета можно сомневаться. Как советская перепись, так и нынешняя вряд ли смогла учесть адекватно эту категорию населения. Известно, что общее количество российских цыган пополнилось выходцами с Украины и из Средней Азии¹⁸. Перепись 2002 г. учла отдельную категорию «цыгане среднеазиатские», но под этим наименованием записалось лишь несколько сотен человек. Переселившиеся, если и попали под учет, зафиксированы как просто «цыгане». Или вообще в другой категории, например, как «узбеки» или «таджики» – по названиям страны исхода. Учитывая значительный естественный прирост цыган, вряд ли стоит доверять результатам переписи, согласно которым их ежегодный прирост, включая и миграцию, составляет малую величину в 1,4–1,6%. Возможно, ответ в отношении низкого прироста цыган кроется в цифрах о других группах. Так, перепись показала, что в России очень сильно увеличилось количество таджиков.

Таджики – первые в России по скорости прироста среди крупных по численности групп. Их количество увеличилось с неполных 40 тыс. до 120 тыс., т. е. в 3 с лишним раза. Основным фактором, безусловно, является миграция. Но естественный прирост, по всей видимости, играет все

возрастающую роль. В отношении таджиков, как и в отношении азербайджанцев, СМИ распространяют мифы об их невероятно большой численности, чуть ли не о тотальном переселении в Россию. Реальные масштабы совершенно иные, хотя, если считать вместе с трудовыми мигрантами, численность таджиков представляется большей, нежели представила перепись.

Очень сильно возросло также количество ингушей, лезгин, корейцев, кумыков, табасаранов, лакцев, балкарцев, карачаевцев, грузин. Количество лезгин увеличилось почти на 60%, что объясняется не только значительным естественным приростом, но и притоком извне – из Казахстана и Азербайджана. 40-процентный рост корейцев и 50-процентное увеличение численности грузин объяснимо теми же причинами. Что касается ингушей, то относительно высокий естественный прирост (самый высокий в России, если не считать Дагестан) едва ли мог дать такой значительный рост, как 92%. Источников миграционного пополнения для ингушей почти нет. Здесь возможны тривиальные приписки в ходе переписи, ибо смена самосознания в пользу ингушей за счет какой-либо другой национальности маловероятна¹⁹. Желание властей Ингушетии сохранить численность населения на уровне предыдущих лет понятно, ведь с уменьшением в республике количества чеченских беженцев, сокращаются и дотации из федерального бюджета. Об искусственной природе чрезмерного увеличения численности или же ошибочности подсчетов можно сказать и в отношении балкарцев.

Конец мифа о вымирании малочисленных народов Севера

Еще в 1920-е гг. в СССР была выделена особая группа населения, которая проживала в особо трудных климатических условиях и отличалась малой численностью и традиционным образом жизни. Это так называемые малые народы Севера, общим числом 26. В 1990-е гг. в эту категорию были включены еще несколько групп. В России в настоящий момент насчитывается около 40 так называемых коренных малочисленных народов Севера (КМНС), которые проживают в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока. Федеральным законом 1999 г. «О государственной поддержке коренных малочисленных народов Российской Федерации» определено, что к данной категории населения относятся этнические группы численностью менее 50 тыс. чел., представители которой ведут традиционный образ жизни (охота, рыболовство, морской промысел). Социально-экономическое положение и состояние культуры этих групп находится в кризисном положении. В начале 1990-х гг., с распадом СССР и развитием рыночных отношений, КМНС оказались в очень тяжелом положении — без опеки государства и материальной поддержки,

налаженной системы здравоохранения, образования и снабжения, а также других мер социальной защиты, к которым они привыкли за годы советской власти. Многим пришлось перейти на натуральное хозяйство, чтобы прокормить семью и выжить. Часть семей переселилась из городов в поселки, из поселков – в тайгу и тундру, на места прежних сезонных селений и стойбищ. Ожидания малочисленных аборигенов связаны с надеждой на социальную поддержку со стороны государства. За это активно выступают ассоциации коренных малочисленных народов, а также многие ученые и общественные деятели.

Материалы переписи могут способствовать более эффективной государственной политике в этой области и сохранению уникальных культур аборигенов. Прежде всего, само наличие того или иного малочисленного народа в переписном списке является отправной точкой для разработки соответствующих государственных программ поддержки этнической культуры и языка. В 2000 и 2001 гг. в России были приняты два закона об общинах коренных народов и о выделении аборигенам земельных угодий («территории традиционного пользования»). Кроме того, согласно российскому законодательству, для коренных малочисленных народов предусмотрены многие преференции, включая освобождение от армейской службы и возможность представительства в региональных и местных структурах власти на основе специальных квот. Поэтому очевидно, что статистические сведения о численности аборигенов очень важны.

Перепись 2002 г. определила численность коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Эта численность выросла по сравнению с 1989 г. на 17% (см. Приложение, табл. 3). Примерно такой же прирост наблюдался и в предыдущий межпереписной период (1979-1989 гг.).

Из 26 КМНС уменьшились в численности четыре народа – *алеуты, нганасаны, ульчи, чуванцы*. Уменьшение числа *удэгейцев* следует объяснить выделением *тазов* (общее число удэгейцев и тазов – 1956 чел. против 1902 в 1989 г.). Почти в 2,5 раза выросло число *ороков* (ульта). В большой степени это связано с более точным учетом при переписи (использовалось более точное самоназвание *ульты*) и ростом самосознания. Значительно (от 20-30 до 70 %) выросла численность *ненцев, селькупов, хантов, юкагиров, негидальцев, тофаларов, ительменов, кетов*. Если же рассматривать численность 30 КМНС (с *кумандинцами, телеутами, тувинцами-тоджинцами и шорцами*), то теперь их насчитывается 268 831 чел. Сравнение с 1989 г. можно провести лишь по шорцам и тазам: численность шорцев уменьшилась на 11%, тазов – увеличилась на 37,5%. Численность всех малочисленных народов Севера и Сибири Российской

Федерации (включая также вновь выделенных *камчадалов, теленгитов, тубаларов, челканцев и чулымцев*) – 279 797 чел.

Эти данные опровергают многие экспертные оценки и текущие данные Госкомстата России, касающиеся проблемы «вымирания КМНС», которые делались последние десять-пятнадцать лет. Так, по данным Института цитологии и генетики СО РАН и Института проблем малочисленных народностей Севера СО РАН, свыше десяти народов находятся «на грани потери генофонда, языка и культуры, т. е. накануне исчезновения как народы»²⁰. Сотрудниками этих институтов был сделан вывод о снижении естественного прироста КМНС с 1990 к 1998 г. в среднем в 2,3 раза. Текущие данные Госкомстата также давали искаженную демографическую картину КМНС, т. к., во-первых, они не учитывали сведения о численности городского населения среди аборигенов, а во-вторых, они основывались на данных естественного роста и не учитывали фактор роста самосознания. Таким образом, многие из этих данных (чаще всего это оперативные данные местных администраций) оказались недостоверными. Под вопросом оказались и некоторые академические труды, которые основывались на этих данных.

Примечания:

- ¹ Степанов В. В. Российская перепись 2002 года: пути измерения идентичности больших и малых групп // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 145. М.: ИЭА РАН, 2001.
- ² См.: В. А. Тишков. Вместо введения. Как оказалась возможной этнография переписи? // Этнография переписи-2002. Под ред. Е. Филипповой, Д. Ареля, К. Гусеф. М., 2003.
- ³ Осипов А. Отклик на публикацию «О положении месхетинских турок в Краснодарском крае» // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, N 11, 1997.
- ⁴ Наименование «турки-месхетинцы» чаще применяется властями для категории репрессированных в сталинские времена выходцев из Грузии, высланных в Среднюю Азию (Узбекистан, Казахстан, Киргизия). Реально же сюда относятся несколько групп. Основная масса – собственно месхетинские турки или, как они себя часто именуют, «ахалцихские турки». Сюда также относятся выходцы из Аджарии: хемшилы, лазы, аджарцы (Попов А. Краснодарский край. Положение мигрантов из Закавказья // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, N 25, 1999).
- ⁵ Степанов В. В. Сможет ли перепись посчитать народы? // «Живописная Россия». 2002. N 2.

- ⁶ См.: В. А. Тишков. Этнические загадки первых советских переписей населения. //Социальные трансформации в российской истории. Сборник статей в честь 70-летия академика В. В. Алексеева. Под ред. В. А. Виноградова. Екатеринбург, 2004.
- ⁷ По этому вопросу см.: Gorenburg, Dmitry. Identity Change in Bashkortostan: Tatars into Bashkirs and Back. //Ethnic and Racial Studies 22 (3): 554-80.
- ⁸ По итогам переписи 2002 г. в России 1,5 млн. чел. не указали свою «национальность» (т. е. этническую идентичность). В действительности сюда входит не только количество тех. Кто уклонился от ответа, но и те, кто учтен заочно (переписью предусматривалась такая возможность) – со слов родственников, соседей, а также по данным местных органов власти.
- ⁹ Степанов В. В. Этническая идентичность и учет населения (как государство проводило Всероссийскую перепись – 2002) //Этнография переписи–2002. М.: «Авиаиздат», 2003.
- ¹⁰ Количество учитываемых этнических категорий больше, т. к. перепись 2002 г. выделяет не только группы, но и так называемые подгруппы.
- ¹¹ См., напр., отдельные историко-этнографические очерки по всем этим народам в труде: Народы Дагестана. Под ред. С. А. Арутюнова, А. И. Османова, Г. А. Сергеевой. М., 2002.
- ¹² Тишков В. А., Степанов В. В. Этнический состав населения России (первые итоги переписи 2002 г.) //Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Приволжский Федеральный округ, 2003, N 64.
- ¹³ См. об этом: В. А. Тишков, С. В. Соколовский. Татары России и всероссийская перепись населения 2002 года. Доклад на исследовательском семинаре «Татарский вопрос в России». М., 2004.
- ¹⁴ В Оренбургской и Челябинской областях проживает небольшая группа (10-15 тыс. чел.), называющая себя «нагайбаки» («нагайбэкльэр»). Исследователи полагают, что нагайбаки – потомки либо крещеных ногайцев, либо крещеных казанских татар. Во время переписи 1926 г., а также начиная с российской микропереписи 1994 г. нагайбаки учитываются статистическими органами отдельно от татар.
- ¹⁵ По переписи населения 1989 г. в Башкортостане русские составляли 39,3% населения, татары – 28,4%, башкиры – 21,8%, и республиканской власти очень бы хотелось изменить это соотношение (см. подробнее: Габдрафиков И. Предварительные итоги переписи населения. Башкортостан //Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, N 49, 2003).
- ¹⁶ Низкий естественный прирост составляет 5-10 промилле в год. При расчетном уровне 6,2 промилле естественного прироста татар на территории РФ, определенного Госкомстатом в 1990 г. на основе сравнения данных переписи 1989 г. и материалов текущего учета, ожидаемая численность татар во время переписи 2002 г. могла составить 6,02 млн. чел.
- ¹⁷ В газете «Новые известия» (05.09.2003) было написано о более чем 700-тысячном приросте украинцев в России.

- ¹⁸ За пределами России в других республиках СССР в 1989 г. насчитывалось более 100 тыс. цыган, в т. ч. в Украине около 48 тыс., в республиках Средней Азии – более 28 тыс.
- ¹⁹ Хотя, можно допустить, что ингушами мог назваться кто-то из чеченских беженцев, живущих у родственников в Ингушетии. Кроме того, ингушскую идентичность могли указать малочисленные орстхойцы, живущие на стыке двух республик. Эту группу раньше причисляли к чеченцам.
- ²⁰ Таксами Ч. М. Народы Сибири в XX в.: социально-экономическое и культурное развитие //Экология этнических культур Сибири накануне XXI в. СПб., 1995, с. 17-19; Пелих Г. И. Селькупы: в сибирской тайге умирает народ //Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск, 1997.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Список новых этнических категорий в переписи 2002 г.

аджарцы	**	мордва-эрзя	**
андийцы	**	нагайбаки	
арабы среднеазиатские		осетины-дигорцы	**
арчинцы	**	осетины-иронцы	**
астраханские татары	**	поморы	**
ахвахцы	**	португальцы	
багулалы	**	русины	
бежтинцы	**	рушанцы	
бенгальцы		сваны	**
бесермяне		сойоты	
ботлихцы	**	тазы	
вось		татары сибирские	**
гинухцы	**	теленгиты	
годоберинцы	**	телеуты	
горные марийцы	**	тиндалы	**
греки-урумы	**	тубалары	**
гунзибцы	**	тувинцы-тоджинцы	**
езиды		турки-месхетинцы	
ингилойцы	**	финны-ингерманландцы	**
казаки	**	хваршины	**
кайтагцы	**	хемшилы	**
камчадалы		цезы	**
каратинцы	**	цыгане среднеазиатские	**
кереки		челканцы	**
коми-ижемцы	**	чеченцы-аккинцы	**
кряшены	**	эстонцы-сету	**
кряшены	**	юги	**
кубачинцы	**	чамалалы	**
кумандинцы		черногорцы	
лазы	**	чулымцы	
латгальцы	**	шугнанцы	
лугово-восточные марийцы	**	шапсуги	
мегрелы	**	шведы	
мордва-мокша	**		

* численность учтена отдельно и в составе других групп

Таблица 2. Этнический состав населения Российской Федерации в 2002 г.

	2002 г.		1989 г.		рост в % 2002 к 1989 г.
	тыс. чел.	% к итогу	тыс. чел.	% к итогу	
все население	145 164,3	100,00	147021,9	100,00	98,74
русские	115 868,5	79,82	119 865,9	81,54	96,67
татары	5558,0	3,83	5522,1	3,76	100,65
украинцы	2943,5	2,03	4362,9	2,97	67,47
башкиры	1673,8	1,15	1345,3	0,92	124,42
чувашаи	1637,2	1,13	1773,6	1,21	92,31
чеченцы	1361,0	0,94	899,0	0,61	151,39
армяне	1130,2	0,78	532,4	0,36	212,28
мордва	844,5	0,58	1072,9	0,73	78,71
белорусы	814,7	0,56	1206,2	0,82	67,54
аварцы	757,1*	0,52	544,0**	0,37	139,17
казахи	655,1	0,45	635,9	0,43	103,02
удмурты	636,9	0,44	714,8	0,49	89,10
азербайджанцы	621,5	0,43	335,9	0,23	185,03
марийцы	604,8	0,42	643,7	0,44	93,96
немцы	597,1	0,41	842,3	0,57	70,89
кабардинцы	520,1	0,36	386,1	0,26	134,71
осетины	514,9	0,35	402,3	0,27	127,99
даргинцы	510,2*	0,35	353,3**	0,24	144,41
буряты	445,3	0,31	417,4	0,28	106,68
якуты	444,0	0,31	380,2	0,26	116,78
кумыки	422,5	0,29	277,2	0,19	152,42
ингуши	411,8	0,28	215,1	0,15	191,45
лезгины	411,6	0,28	257,3	0,18	159,97
другие и не указавшие	5780,0	3,98	4036,1	2,70	143,21

* Для категории «аварцы» приводится цифра без учета численности андо-цезских групп и арчинцев, а для категории «даргинцы» – без учета кайтагцев и кубачинцев.

** В 1989 г. в составе аварцев учтены андо-цезы и арчинцы; в составе даргинцев – кайтагцы и кубачинцы.

Таблица 3. Численность КМНС* (1979–2002 гг.)

группа	численность всего населения				
	всего 1979 г.	всего 1989 г.	в % к 1979 г.	всего 2002 г.	в % к 1989 г.
алеуты	489	644	131,7	592	91,9
долганы	4911	6584	134,8	7330	105,0
ительмены	1335	2429	181,9	3474	143,0
кеты	1072	1084	101,1	1891	174,4
коряки	7637	8942	117,1	9077	110,0
манси	7434	8279	111,4	11573	133,9
нанайцы	10 357	11 883	114,7	12355	104,0
нганасаны	842	1262	149,9	879	69,6
негидальцы	477	587	123,1	806	137,3
ненцы	29 487	34 190	115,9	41454	121,2
нивхи	4366	4631	106,1	5287	114,0
ороки (ульта)	–	179	?	432	241,3
орочи	1040	883	84,9	884	100,1
саамы	1775	1835	103,4	2132	116,2
селькупы	3518	3564	101,3	4367	125,5
тофалары	576	722	125,3	1020	141,3
удэгейцы	1431	1902	132,9	1665	87,5
ульчи	2494	3173	127,2	3098	97,6
ханты	20 743	22 283	107,4	28 773	129,0
чуванцы	–	1384	?	1300	93,9
чукчи	13 937	15 107	108,4	15 827	104,7
эвенки	27 941	29 901	110,6	35 377	118,3
эвены	12 452	17 055	137	19 242	112,8
энцы	–	198	?	327	165,0
эскимосы	1460	1704	116,7	1798	105,5
юкагиры	801	1112	138,8	1529	137,5
итого:	156 575	181 517	116,4	212 489	117,0
кереки	–	–	–	22	–
тазы	–	210	–	291	138,5
итого	–	181 727	–	212 802	117,0
кумандинцы	–	–	–	3123	–
телеуты	–	–	–	2658	–
тоджинцы	–	–	–	36 230	–
шорцы	–	15 745	–	14 018	89,0
итого	–	183 272	–	268 831	–
камчадалы	–	–	–	2422	–
сойоты	–	–	–	2833	–
теленгиты	–	–	–	2614	–
тубалары	–	–	–	1569	–
челканцы	–	–	–	864	–
чулымцы	–	–	–	661	–
итого	–	–	–	279 794	–

* Коренные малочисленные народы Севера

Минтимер Шаймиев: феномен республиканского лидера*

М. Шаймиев переизбран на третий срок президентом Республики Татарстан. Это – значительное событие в политической жизни республики и страны в целом. Есть ряд важных моментов, которые заслуживают общего внимания политиков и экспертов, когда речь идет о «феномене Шаймиева». При всем отличии и своеобразии российских республик от других субъектов РФ, существует одно общее правило, которого следует придерживаться в отношении региональных лидеров. Самое важное – это факт свободных и регулярных выборов, а уже потом – кто «стоит во главе» и что будет, «если его не будет». Упорное стремление удержать власть в руках действующих лидеров в Карачаево-Черкесии и, отчасти, в Дагестане было одной из причин обострения политической ситуации в этих субъектах РФ. Центру также иногда кажется, и это видение поддерживают сами местные лидеры, что если уйдет действующее первое лицо, то в республике наступит хаос. Однако опыт Северной Осетии, Карелии и других республик, где произошла смена первых лиц, показал, что это не так. В тоже время, авторитетные и пользующиеся поддержкой лидеры, способные выиграть выборы, должны иметь право оставаться у власти, ибо они получают этот мандат от местного избирателя через демократическую процедуру. В отличие от общенационального лидера, над которым фактически нет высшего политического надзора (поэтому здесь важнее ограничение срока пребывания у власти), региональные лидеры всегда могут быть призваны к ответу, если будут осуществлять откровенную узурпацию власти и не позволять волеизъявления.

Минтимер Шаймиев выиграл выборы убедительно и получил полное право на очередной срок президентства. Если его пример смогут повторить другие лидеры республик – нет оснований этому противиться. Но хотелось бы, чтобы Центризбирком, пресса и общественные наблюдатели из-за пределов республики были более активно привлечены к данной процедуре. Это усилит демократичность и свободу выборов и избавит их от возможных последующих обвинений. На выборах в Татарстане достаточно заметны были наблюдатели (хотя, по сообщению нашего эксперта, их было 15 тысяч человек). Вялая предвыборная борьба и забвение центральными СМИ столь важного события только ослабляют впечатление от победы выигравшего претендента.

* Бюллетень «Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов», N36, 2001

Итоги выборов в Татарстане позволяют сделать вывод, что современный российский избиратель принимает решение, руководствуясь многими соображениями, но прежде всего – способностью политика осуществлять ответственное и эффективное управление. Шаймиев за время пребывания у власти продемонстрировал эти качества, находясь в достаточно сложной обстановке и проводя самостоятельную политику, которая не всегда и не всем могла нравиться. Насколько было оправданно опасное балансирование руководства республики на грани открытого конфликта с федеральной властью в 1991-1993 гг., – вопрос для историков, и последнее слово здесь еще не сказано. Скорее всего, упорный торг за политическую децентрализацию и ресурсы был перегружен суверенизаторской риторикой, которая оставила противоречивый след в конституционно-правовых текстах и в умах местного населения. Но следует признать, что именно Шаймиев был основным сдерживающим фактором для радикальных проектов татарского национализма, и только в страшном сне можно представить, что на его месте в начале 1990-х гг. мог оказаться лидер типа Ардзинбы, Смирнова или Дудаева.

Лидеры российских этнотерриториальных автономий находятся в сложном положении. Они управляют многоэтничными сообществами, но политическая форма этих сообществ – республика, в соответствии с текстами конституций, есть не только результат волеизъявления ее народа, но и форма самоопределения местных этнонаций. Такую противоречивую формулу сформулировали местные идеологии. В республиках есть политики и активисты, которые ориентированы на приоритет этнического фактора и озабочены «национальными интересами», «национальным возрождением» и даже «национальным освобождением» применительно к узко групповым, а не гражданским (общероссийскому или общереспубликанскому) сообществам. Фактор этот постоянен, и с ним трудно совладать, ибо, при всей уродливости и опасности крайнего этнонационализма, он опирается на реальные ситуации ущемления и приниженного положения местных культур и языков по сравнению с доминирующей российской культурой, основанной на русском языке. Хотя в личностном плане этнонационалисты могут процветать, а те, от имени кого они выступают, тоже живут в мире и согласии, в том числе и с русским языком, используемая ими риторика обладает большой мобилизующей силой и создает им имидж борцов за права меньшинств. Шаймиеву все эти годы удавалось обеспечивать хрупкий баланс этнокультурных и общегражданских приоритетов в управлении, если не считать вызывающего сооружения мечети на территории Казанского Кремля и нереализуемого решения о смене алфавита. Но здесь первой подала пример Москва суетным сооружением пустующего храма Христа Спасителя.

Лидеры ряда других республик также демонстрируют свои способности соблюдать баланс противоречивых интересов общероссийского, общереспубликанского и местного этнонационального характера. Эти способности должны всячески цениться и вознаграждаться. Особенно если это удастся делать представителям «нетитульных» народов, как, это, например, имеет место в Бурятии или Удмуртии.

Шаймиев преподавал еще один важный политический урок. Не только он сам, но и его ближайшие соратники остаются у власти все эти годы, хотя и имеют различия во взглядах и разные характеры. В итоге нынешняя правящая элита Татарстана – одна из наиболее компетентных и эффективных; с ней можно иметь дело и вести даже самые трудные переговоры. Не во всем можно согласиться с политикой Шаймиева и всего татарстанского руководства, но безусловно позитивные результаты десятилетнего правления лидера Татарстана дают ему на очередной срок.

Как один из постоянных критических наблюдателей жизни Татарстана, я искренне поздравляю Минтимера Шариповича Шаймиева с победой на президентских выборах.

Смутный язык приводит к смутной политике*

В июне президент В. В. Путин совершил краткую поездку в Уфу, где принял участие в праздновании сабантуя. Здесь же он сделал несколько важных высказываний по вопросам этнической политики и о значении сохранения этнокультурного разнообразия проживающего в России населения. Итог поездки президента страны в столицу Республики Башкортостан имеет не только общественно-политический, но и лингвистический смысл. В лозунгах, в высказываниях политиков, в комментариях журналистов и экспертов, включая сообщение И. Габдрафикова из Уфы в данном номере бюллетеня, мою реакцию вызвали прежде всего прозвучавшие слова по поводу «национальной политики» – термин, которым в нашей стране традиционно называется политика в отношении российских национальностей и в области межэтнических отношений. Наверное, лучше бы было в современных условиях, когда наступила пора ответственного отношения к смыслу слов (в советские официальные тексты и высказывания можно было записывать на этот счет многое, «вплоть до права на отделение»), использовать термин «национальная политика» для обозначения политики обеспечения государственных (национальных) интересов (*national policy*). А то, что до этого называлось «национальной политикой», лучше называть «этнической политикой». Никакого принижения значимости и сужения смысла при этом не произойдет, ибо данный термин включает не только этнокультурный, но и этнополитический аспект, в том числе и вопросы самоопределения, государственности и федерально-республиканских отношений. Как компромиссный вариант возможно употребление термина «политика в отношении национальностей» (*nationalities policy*), ибо внешний мир уже выучил советское определение «национальность» в его этническом значении, соответственно понимает и применяет его, когда речь заходит о России и других странах бывшего коммунистического мира. В России же данный термин еще долго может сохраняться в его привычном значении (не как гражданство), хотя уже многие миллионы граждан, путешествующие за границу, научились писать в анкетах в графе «национальность» слово «Россия». В любом случае внутреннее употребление данного термина в отношении этнических общностей (народов) менее конфликтно, чем термины «нация», «народность», «национальное мень-

* Бюллетень «Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов», N37, 2001

шинство». Вопрос, конечно, не глобальный, но важный, особенно для официального языка и текстов.

Однако начнем с текстов приветственных лозунгов «Навеки с Россией!» и «Россия – наша судьба!», которыми встречали президента в Уфе. Они, видимо, должны были убедить всех и лично Путина в том, что Башкирия вместе с Россией и никуда «уходить» от своей «судьбы» не собирается. Однако лозунги эти можно читать и по-другому: Башкирия не есть собственно Россия, республика всего лишь «вместе» с Россией. Так когда-то звучали аналогичные лозунги по поводу советско-китайской или советско-индийской «вечной дружбы». Но что есть Россия, если это не Якутия, Бурятия, Чувашия и другие регионы страны?

России как территории за вычетом российских республик никогда не было и быть не может. За внешней лояльностью фразы «вместе с Россией» кроется разрушительный смысл: около половины территории страны не есть собственно сама страна. Это есть «добровольно вошедшие» или решившие быть «вместе с Россией» государственные образования. Такой язык всегда можно использовать и в обратном смысле, не обязательно дожидаясь, когда закончится «вековая дружба». Примеров подобного более чем достаточно, начиная с бывших советских союзных республик, где сепаратизм начинался с лозунгов «Да здравствует ленинская национальная политика!», которыми приветствовали визиты М. С. Горбачева.

Нелепой глупостью выглядели бы приветствующие президента США лозунги «Калифорния навеки с Америкой!» или «Аляска навеки с Америкой!». Почему же подобный лозунг проходит «на ура» в регионах, которые гораздо раньше стали частью российского государства, чем Калифорния и Аляска стали частью Америки? (Крепость Росс американцы купили в 1841 г., а Аляску – в 1867 г.) Гавайское королевство во главе с королевой Лилиокалане вообще было уничтожено и аннексировано в самом конце XIX века. Объяснить уфимские лозунги можно не только сохранившимся доктринальным наследием советского этнонационализма, но и современной политической нечувствительностью. Именно благодаря подобным штампам: «Россия и Татарстан», «Россия и Якутия» и содержащейся в них возможности разночтения нашу страну наказывают международными резолюциями под названием «Агрессия России в Чечне».

«Вторжение Америки в Калифорнию» представляется языковым абсурдом, а вот «вторжение» России в Башкирию, Татарстан или Якутию возможно, если вдруг лозунг «навек вместе» местные политики поменяют на противоположный. Кстати, всего год назад улицы Уфы укра-

шали нарисованные не без санкции властей лозунги типа «Умрем за суверенитет!»).

Кстати, в момент поездки российского президента в Уфу мне пришлось выслушивать в Вашингтоне на конференции, посвященной России, очередное параноидальное заявление Збигнева Бжезинского, что нашей стране давно пора «самоопределиться как собственно России», т. е. без Чечни и других этно-территориальных автономий (республик). Эту позицию смутным лозунгом «навсегда вместе» не переkreошь, ибо при разных оценочных знаках за ними скрыта одинаковая логика. Поэтому радостными и сверх лояльными транспарантами лучше не подвергать сомнению то понимание России, которое заложено в ее Конституции и которое разделяет подавляющее большинство жителей республики: Башкирия и есть Россия, и в Башкирии живет часть единого российского народа.

За несколько дней до поездки в Уфу, на приеме по случаю празднования Дня России президент произнес замечательный и точный по своему смыслу тост: «За российский народ!». Это определение включает в себя всех граждан страны независимо от их этнической принадлежности, в том числе, конечно, и жителей Башкирии. По своей этнической принадлежности местные россияне состоят не только из русских, татар и башкир. Едва ли не треть – это люди смешанного этнического происхождения. Кроме того, исторически в этом регионе существует особый татаро-башкирский этнокультурный симбиоз, когда разделительные линии между двумя общностями провести практически невозможно.

Советская и постсоветская этническая инженерия была построена на принципе исключения (или татарин, или башкир, но никак не то и другое вместе), и на протяжении десятилетий государственная процедура заставляла десятки тысяч жителей этой республики «переписываться» то одними, то другими. Давно уже пора было бы встать на позиции современного понимания природы этнической идентичности, которая может носить множественный и не взаимоисключающий характер. Однако этого до сих пор не произошло. Не позволяют мышление и политическая практика, построенные на этническом национализме (как от имени нерусских, так и от имени русских националистов).

Признать бесспорный факт существования многоэтничной гражданской нации (как это делается в других странах мира со сложным составом населения) слишком непривычно. Гораздо легче сослаться на «уникальность» России (хотя наша страна мало чем отличается от других крупных государств по числу проживающих в них этнических общностей) и повторить избитую формулу: «в нашей республике (городе, заводе, библиотеке) живут (работают, читают) представители более ста национальностей (наций, народностей)».

В современных условиях приоритета гражданских свобод и равенства, а также мощных культурных взаимодействий риторика и политика, основанные на доходящем до одержимости спонсировании этнических различий в ущерб гражданской и культурной общности жителей страны, себя уже исчерпали. Эти подходы были порождены уязвимой марксистско-ленинской теорией наций и советской теорией этноса в разных ее вариантах, вплоть до гумилевских паранаучных конструкций «жизни и смерти этносов», «пассионарности этносов», «суперэтносов» и т. п. Этносов как коллективных тел с жестким членством и с исключительными (только им присущими) характеристиками в природе не существует. Современная мировая наука (за исключением постсоветской) таким термином даже и не пользуется. Тем более им не пользуются президенты стран, да еще в отношении собственных граждан.

Чувство этнической принадлежности и даже культурный материал, заключенный в понятиях «башкир», «татарин», «русский», «еврей» и других, исторически подвижны. Это чувство составляет только одну, и не самую главную из форм человеческой идентичности. Идентификация с собственным государством (гражданская, точнее, «национальная принадлежность» в общемировом смысле) гораздо важнее и повседневно значимее, чем идентификация по принадлежности к этнической культуре (или общности). Если, конечно, последняя принадлежность не используется в утилитарных целях достижения преимуществ в доступе к власти и ресурсам на индивидуальном и коллективном уровнях. Этнические предприниматели (или так называемые «профессиональные» башкиры, евреи, татары, русские и другие этнонационалисты) с этим никогда не согласятся, а федеральные политики и эксперты к такому пониманию придти пока не могут, растрачивая эмоции и энергию общества и постоянно порождая напряженность.

Достаточно сказать, что на доктринальном этнонационализме тщетно пытаются выстроить свою деятельность и современные законодатели, сочиняя законы для «этносов», как будто последние можно доставить в суд или к кассе по выплате государственных пособий. Этнос не может быть субъектом права, субъектом права может быть гражданин, а объектом законодательного регулирования – его интересы и запросы, связанные с принадлежностью к той или иной культуре, а не «национальные интересы народов», как это записано в некоторых законопроектах и доморощенных «хартиях». В этом плане прозвучавшие замечания о необходимости уважать и развивать культурное многообразие населения России как на уровне федерального центра, так и на уровне регионов, представляются бесспорными. Вот только смысл всей этой по-

литики должен идти от человека, а не от этноса, право говорить от имени которого чаще всего узурпируют безответственные манипуляторы.

Бесплодность старого подхода к этническому фактору отражена в бесконечных жалобах по поводу отсутствия в стране «национальной политики» и в усилиях выработать такую политику. Каждый новый состав парламента, каждый новый правительственный кабинет и даже каждый новый министр или президентский советник начинают с плача по концепции и с отрицания предыдущих наработок. Кстати, одобренная президентским указом концепция 1996 г. является достаточно современным документом, одобренным всеми субъектами РФ, в том числе и республиками. Основопологающие принципы и подходы в этом документе прописаны добротнo (кстати, без употребления слова «нация»), хотя компромиссные моменты сохранились.

Кому-то хочется написать что-то новенькое, вспомнить про «государствообразующий русский народ», принять для него особый закон, чтобы проложить самый глубокий раздел в российском народе. Эти радетели, как правило, сами выходцы из числа нерусских или же откровенные популисты, подталкивают соответствующие комитеты вносить законопроекты и устраивать парламентские слушания с распространением в зале расистских и неонацистских текстов разных «национальных» газетенoк. Если бы в Испании приняли закон о кастильском народе, составляющем большинство испанцев, а в Китае – закон о ханьском народе, составляющем большинство китайцев, то это могло бы означать начало распада данных государств.

В стране всегда найдутся политики, общественные активисты и обслуживающие их (или искренне убежденные) идеологи, которые будут заявлять президенту страны, что «русские чувствуют себя в республике комфортно, имея возможности развивать традиции и обычаи» (слова, сказанные Путину на встрече с представителями Ассамблеи народов Башкортостана). Подспудно за этими словами скрывается смысл, что в «их» республике, помимо хозяев-башкир, другие тоже имеют «возможности». Хотя, казалось бы, по всем меркам гражданского и демократического общественного устройства самая большая группа населения Башкирии в лице этнических русских должна заботиться, чтобы у этнического меньшинства – башкир были равные с другими права и условия для культурной деятельности. Но там, где правит идеология национализма от имени меньшинства, большинство занимает место тех, чье равноправие нужно обеспечивать. Так быть не должно, но почему-то происходит в ряде республик России. А в ответ в Москве или в Краснодаре рождаются аналогичные политические абракадабры типа проекта федерального закона о русском народе.

В стране явный провал обществоведческой экспертизы в сфере государственного управления этническими проблемами, и прозвучавшие в Уфе предложения по этой линии заслуживают внимания. Особенно интересно предложение о специальном советнике президента по этническим проблемам. Здесь нужны особые опыт и знание, как они нужны, например, советнику по экономическим вопросам. Тогда к тостам за российский народ и к радостям праздника сабантуй могла бы добавиться и критика в адрес тех, кто в течение ряда лет препятствовал выдаче гражданского российского паспорта, используя аргументы национализма и расизма, в том числе и в официальном обращении Государственного собрания Республики Башкортостан в Конституционный суд России. В конечном итоге паспорта все равно стали выдавать без указания этнической принадлежности граждан.

Заметные успехи Башкирии в экономике и в социальном обустройстве населения по сравнению с соседними территориями не могут служить индульгенцией от неприемлемых для страны и для общества действий политиков, управленцев и идеологов этой республики. Сами по себе эти успехи налицо, и им справедливо радовались все участники сабантуя в Башкирии. Однако после праздника есть над чем задуматься более серьезно.

Возможно, мои замечания выглядят излишне придирчивыми. Но мне известно, что и президент Башкортостана Муртаза Рахимов остро реагирует на отличные от его представлений взгляды на то, как должна быть устроена наша общая Родина и ее отдельные регионы – будь это Москва, район подмосковных дач, Башкирия или мой родной Красноуфимский район Свердловской области, соседствующий с этой республикой.

Прощание с Миннацем*

Недавняя «настройка» федерального правительственного механизма выразилась в упразднении Министерства по делам федерации, национальной и миграционной политики. После десятилетнего существования и многочисленных реорганизаций данного ведомства в России не стало, как его не стало в 1923 г. после 5-летнего существования «на заре советской власти». Как и советский Наркомнац, российский Миннац, при всей своей суетливости и стратегической близорукости, сделал много полезного для страны. В 1992 г., когда я был министром, мне представлялось, что это должно быть небольшое министерство (точнее, государственный комитет), ведающее вопросами этнокультурного развития и политикой в отношении российских национальностей. Со скромными бюджетом и штатами это ведомство вполне могло решать многие самостоятельные задачи, а также выполнять экспертные функции при решении государственных вопросов, затрагивающих проблемы сохранения этнокультурного многообразия и межэтнических отношений. Статус «комитета по делам национальностей» был наиболее точным, и все другие его модификации были излишними.

Добавление при министре С. Шахрае в компетенцию ведомства вопросов федеративных отношений, а затем еще и вопросов местного самоуправления сделало министерство аморфным и крайне уязвимым во всей структуре федерального уровня правления, ибо федерализм и местное самоуправление пронизывают деятельность любого другого ведомства. Миннац фактически перестал заниматься своим основным делом уже давно, но при министре А. Блохине окончательно потерял свое лицо, забрав в свою компетенцию вопросы миграции и Севера вместе с большими финансовыми ресурсами. Упразднение Минфедерации выглядит скорее как расплата за излишнюю амбициозность и слабую управленческую эффективность министерства и его руководителей, чем как некий скрытый замысел российского руководства «отменить проблему» путем ликвидации министерства.

Состояние межэтнических отношений и нынешний политический момент в связи с упразднением Минфедерации России позволяют осуществить важные коррективы в данной области государственного управления. Главная цель этнической политики – это обеспечение прав и запросов граждан, связанных с их принадлежностью к той или иной национальности, а также сохранение этнокультурного многообразия российского народа на основе двух форм внутреннего самоопределения: этнотерриториаль-

* Бюллетень «Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов», N39, 2001

ных автономий (республик) и экстерриториальной культурной автономии. Обе формы основываются на Конституции и законах РФ. Тем не менее, в стране еще с советских времен придается неоправданно большое значение институализации и спонсированию так называемых «многонациональности» и «национальной политики». В современных условиях эти формулы препятствуют утверждению в стране понятия многоэтнической гражданской нации, каковой на самом деле является население России, обладающее общими историческими, социальными и культурными ценностями. В условиях, когда государство отказывается от таких мощных средств консолидации своего согражданства, как понятия «национальное государство» и «национальная политика» в пользу внутригосударственных образований и этнических общностей, неизбежно порождаются этнические формы национализма – от русского до периферийного, а также сепаратистские проекты. Россия постоянно будет представляться части радикальных националистов и некоторых внешних сил как некое не до конца самоопределившееся сообщество. В этой связи необходимо:

1. В доктринальном плане окончательно утвердить за понятием национальная политика обозначение политики обеспечения национальных интересов страны и функционирования общегосударственных сфер общественной жизни (национальные символы, национальная экономика, национальное образование, здоровье нации, лидер нации и т. п.). Сфера управления и обеспечения интересов и прав граждан, связанных с их этнокультурными запросами, должна называться этнической (или этнокультурной) политикой или, как временный компромисс, политикой в отношении российских национальностей. Истерики некоторых «специалистов по нацвопросу» и крайних националистов следует воспринять спокойно, как это было сделано с вопросом отмены записи национальности в российских паспортах.

2. Подавляющее большинство проблем в данной сфере общественной жизни и управления может и должно решаться на уровне субъектов федерации и местных сообществ. В этой связи нецелесообразно упразднить имеющуюся на уровне регионов систему республиканских комитетов или департаментов областных (краевых) администраций, а также консультативных советов и других органов, которые занимаются вопросами этнической и религиозной политики, включая проблемы этноконфессиональных отношений и предотвращения конфликтов. Часть ресурсов на этнокультурные программы могла бы быть передана непосредственно на местные уровни через систему конкурсных проектов.

3. На федеральном уровне учреждение должности министра-координатора по вопросам этнической и религиозной политики должно предусмотреть наделение последнего не только финансовыми ресурсами для поддержки региональных и местных программ и проектов этнокуль-

турного развития и обеспечения этноконфессионального согласия, но также возможностью координировать эту деятельность в масштабе страны, обеспечивая исполнение конституционных основ и федеральных законов. Министр-координатор должен иметь право принимать участие, оказывать влияние и координировать решения федеральных ведомств и правительства, которые так или иначе существенно затрагивают сферу этнокультурного многообразия России и межэтнических взаимодействий.

4. Этническая политика в Российской Федерации в настоящий момент должна иметь несколько основных приоритетов:

а) на идеологическом уровне – утверждение для российского народа формулы «единства в многообразии» и идеи многокультурности россиян вместо уязвимых и неработающих клише «многонациональности», «интернационализма» и т. п.;

б) на политическом уровне – доведение до конца процесса коррекции республиканских конституций и законов на предмет их соответствия федеральным конституции и законам, справедливое представительство в органах власти и равный доступ к ресурсам граждан независимо от их этнической (национальной) принадлежности, ликвидация не контролируемой центральным правительством зоны вооруженного сепаратизма и недопущение возникновения подобных зон в будущем;

в) в социально-экономической сфере – создание благоприятных условий для воспроизводства и саморазвития культурно отличительных местных сообществ при недопущении резких социальных различий по этническим границам и пространственной изоляции отдельных этнических групп, исключение возможности формирования городских этнических анклавов и замкнутых религиозных общин;

г) в культурной, образовательной и информационной сферах – ориентация населения, прежде всего – молодого поколения, на освоение установок толерантного поведения, противодействие экстремистским идеологиям и деятельности, утверждение общегражданского патриотизма, освоение общероссийских ценностей на основе русского языка при сохранении местной культурной специфики, т. е. проведение политики многокультурности на личностном уровне вместо верхушечной политики многонациональности на коллективистском уровне;

д) в области внешней политики и международных связей – утверждение образа России как самоопределившегося государства-нации с многоэтническим составом населения (какими являются большинство государств мира), в котором обеспечиваются индивидуальные и коллективные права по всем международным стандартам, при недопущении внешних манипуляций под предлогами «деколонизации» или защиты «угнетаемых меньшинств»; ограничение внешних связей радикальных элементов и организаций.

Закон о гражданстве, миграции и межэтнические отношения*

Новый закон о гражданстве Российской Федерации, в случае его окончательного одобрения в нынешнем виде, не исправляет, а усугубляет некоторые совершенные ошибки и возникшие проблемы, связанные с распадом СССР. Ошибкой было отсутствие договоренности о введении исторического срока (например, десять лет) для определения бывшими гражданами СССР страны своего проживания и свободного обретения соответствующего гражданства. Распалась не империя, а историческое российское государство, в котором граждане были связаны многими социальными, культурными и личностными отношениями. Вполне естественным было их желание, в зависимости от ситуации в каждом из новых государств и собственных интересов, выбирать, где им удобнее, безопаснее и перспективнее жить. Никакой другой принцип (место рождения, этническое происхождение, языковая компетенция и прочее) не мог быть взят за основу обретения гражданства. Человек, родившийся в Алма-Ате, учившийся в Ленинграде, работавший в Харькове, имел полное право обрести гражданство не только Казахстана, России и Украины, но и любого другого государства, образовавшегося на территории бывшего СССР. К сожалению, такой подход в условиях быстрого распада и нового геополитического соперничества, а также в силу слабой компетенции новых лидеров и управленцев не был реализован, и эта возможность ушла в прошлое.

В таком случае нынешняя политика в сфере гражданства и миграции должна исходить из современных и будущих потребностей новых государств. В чем состоят эти потребности, если исходить из задач развития и обеспечения наиболее благоприятных условий жизни населения? Почти для всех постсоветских государств, кроме Узбекистана, Таджикистана и Туркмении, они состоят в привлечении внешних демографических ресурсов, которые составляют основу социально-экономического развития. Причина этого кроется в современном типе воспроизводства населения постсоветских государств, которое отличается низким или даже отрицательным естественным ростом населения. Кроме этого, ряд стран (Казахстан, Азербайджан, Армения, Грузия, Молдавия, Украина и страны Балтии) переживали в 1990-е гг. заметную эмиграцию населения, которая направлялась в Россию или в страны Запада. В этом плане стра-

* Бюллетень «Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов», N41, 2002

ной-получателем мигрантов была только Россия, которая благодаря данному обстоятельству фактически компенсировала потери населения, если, конечно, считать всех иммигрантов, находящихся в стране.

В принципе за человеческие ресурсы должна была бы развернуться конкуренция между государствами бывшего СССР. Тем более что советские граждане представляют собою вполне качественное и культурно схожее население, которое может относительно легко адаптироваться и приносить пользу стране нового проживания. Однако и этого вполне ожидаемого и рационального отношения к миграции не наблюдается. Главной помехой стала дискриминационная, основанная на неоправданных страхах, на сиюминутных личных расчетах и на намеренно разжигаемых фобиях миграционная политика новых государств. Эта сфера государственного управления и эта сторона общественной жизни оказались новыми вызовами, совладать с которыми не позволили отсутствие должной компетенции и благоприятного общественного климата. Во многих случаях возобладал шкурный интерес: поживиться освобождающимся жильем или занять престижные должности отъезжающих на «историческую родину». В ряде государств верх взял патологический национализм, нацеленный на строительство этнически гомогенной нации с явным демографическим большинством. Потери, которые понесли от такой политики почти все постсоветские государства, намного больше, чем мифические выгоды с обеспечением становления новых независимых наций и их безопасности.

В выигрыше оказалась пока только Российская Федерация, которая была и остается наиболее притягательным местом жизненного обустройства, уступая в этом качестве, пожалуй, только странам Балтии. Тот трудовой вклад и те услуги, которые оказывают нашей стране постоянно переселившиеся или временные мигранты, поистине огромны, и эти дивиденды страна будет получать еще долго. Россия может и должна строить свою политику на дальнейшем привлечении иммигрантов из стран бывшего СССР. Её территория и ресурсы, а также трудовые потребности вполне могут позволить принимать не менее одного миллиона мигрантов в год. Селиться мигранты будут в городах, тем более что процесс формирования городских центров далеко не исчерпан. Именно города составляют источник роста страны и её дальнейшей модернизации. Попытки направить мигрантов на подъем пустующих огромных территорий сельского заселения являются тщетными. Тем более что адаптация мигрантов в селах идет гораздо сложнее по ряду объективных причин.

Что нужно сделать в связи с намерением государства реформировать миграционную политику и «навести порядок» в данной сфере? Прежде всего, срочно решить проблемы облегченной регистрации и

трудоустройства уже находящихся в стране нескольких миллионов временных (или незарегистрированных) мигрантов. Это должно включать и быстрое предоставление российского гражданства. Сделать это нужно как можно быстрее, чтобы новые жители страны попали в учет так называемого постоянного населения, который пройдет в октябре 2002 г. в ходе российской переписи. Дополнительные два-три миллиона жителей смягчат апокалиптические прогнозы о вымирании россиян и не позволят России по численности населения уйти из первой десятки стран мира, позволив выйти вперед тому же Пакистану, где вообще с точки зрения учета населения настоящий «проходной двор». Высокий ранг государства с точки зрения численности населения является не таким уж маловажным, и об этом следует заботиться.

Чтобы исправить негативную тенденцию нескольких последних лет, когда многие молдаване и украинцы стали предпочитать уезжать на заработки не в Россию, а в Турцию, Болгарию, Грецию или Италию, нужно внести дополнение к принятому закону о гражданстве и установить для жителей постсоветских государств облегченный режим въезда, получения права на работу и обретения гражданства. Этот вопрос имеет не только экономическое, но и политическое значение. Чем больше молдаван будет зарабатывать себе на жизнь в России, тем меньше будет антироссийских митингов в Кишиневе. Приравнивание граждан стран СНГ ко всем другим иностранцам по условиям въезда в Россию и проживания в ней – это ошибочный шаг с точки зрения как экономики, так и политики.

Наконец, есть проблема адаптации и восприятия мигрантов в российском обществе. Вопросы криминального поведения или неуплаты налогов мигрантами должны быть адресованы не столько самим мигрантам, которые в массе своей ведут себя послушно и даже покорно, терпя многие лишения и сверхэксплуатацию их труда. Обеспечить соблюдение правил и условий их пребывания обязаны соответствующие органы власти, а также работодатели. Именно последние, а не сами мигранты, являются неплательщиками налогов. С них и должен быть первый спрос. Мигранты нуждаются в защите и поддержке со стороны остального общества, а не в презрении и отторжении. Для этого необходимо объяснять выгоды, которые страна и каждая конкретно местность получают от труда новых граждан и временных мигрантов. К сожалению, в России имеет место обратное: многие политики и средства массовой информации занимают антииммигрантские позиции, разжигая неоправданные страхи и ксенофобию, вплоть до поощрения деятельности экстремистских групп.

У России небогатый опыт приема большого числа мигрантов из других стран. В XX веке его вообще не было. Но в прошлые века имен-

но массовые заселения мигрантов (немцев, поляков, корейцев) помогли освоению и развитию многих территорий страны. Сейчас наступил именно такой исторический период, когда без массовой внешней иммиграции страна не сможет развиваться. И благо, что эта иммиграция только формально является внешней, а на самом деле она остается движением населения в рамках исторического российского государства. Если Россия не воспользуется этой благоприятной ситуацией в ближайшие годы, тогда через десятилетие ввозить иммигрантов придется из стран Африки и Азии. Они тоже могут быть неплохими и даже очень полезными жителями страны, но «свои», советские все же лучше.

Мне представляется, что инициативу в обновлении иммиграционной политики могли бы взять на себя не столько Москва, сколько российские регионы, хотя в Москве и принимаются основные законы по части миграции и гражданства. Кто раньше поймет преимущества иммиграции, тот и выиграет в развитии и в обустройстве собственного населения. А на Закон о гражданстве было бы полезно наложить президентское вето.

Что делать с экстремизмом?*

Таким вопросом задались гости передачи Владимира Познера «Времена» 19 мая 2002 г. с участием генерального прокурора Устинова, генерала-депутата Гурова, профессора Паина и «свежей головы». Это был нужный разговор, и было высказано много полезных суждений. Однако фундаментальный вопрос: откуда берется экстремизм и как с ним совладать – по сути, остался без ответа. А вопрос этот чрезвычайно важен для нашего общества.

Экстремизм – это форма радикального отрицания существующих общественных норм и правил в государстве со стороны отдельных лиц или групп. Среди его причин – социальная дезориентация части граждан, их недостаточное образование, неудовлетворительное состояние экспертизы, слабость институтов общественного контроля и неэффективная правовая система. Некоторые формы экстремизма имеют исторические корни, что никак не служит его оправданию. Экстремизм характерен для слабо модернизированных обществ, но от него не застрахованы и богатые страны с демократическим правлением. В США действует около 500 экстремистских групп неонацистского, антисемитского и так называемого «сепаратистского» характера. В то же время, в этой стране действует общественный мониторинг за подобными группами, а власти могут спалить целую общину, которая занимается псевдо-религиозным изуверством, отрицая общество и государство. Правда, в ответ могут появиться новые фанатики-экстремисты и устроить террористический акт, как взрыв в Оклахоме в 1996 г.

Экстремистские организации антииммигрантского и неонацистского толка из числа городской молодежи (так называемые скинхеды – бритоголовые), действующие на грани нарушения закона и норм общественной морали, имеются почти во всех странах, где есть минимальная свобода общественных организаций. Таковых нет только в странах с диктаторскими и авторитарными режимами, но там право на экстремизм узурпировано самим режимом, как это было и в Советском Союзе.

В России современные формы антисистемного экстремизма появились с утверждением основ демократического правления, и это в какой-то мере тоже результат демократии. Толерантность демократии допускает проявления нетолерантности, но только до тех пор, пока последняя не угрожает общественным устоям, правам и безопасности граждан.

* Бюллетень «Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов», N43, 2002

В России нет достаточного опыта противодействия экстремизму, и уже совершено много ошибок по этой части. Тем не менее, делать это можно и нужно без ссылок на состояние дел в стране и умонастроения населения. Хорошая жизнь не есть гарантия исчезновения экстремизма. Наоборот, может появиться больше материальных возможностей для экстремистской пропаганды и деятельности, как это имеет место в США, где разного рода ультраправые прочно оккупировали Интернет, а свою продукцию они печатают на роскошной бумаге. Да и в России, пока раскачивается федеральная целевая программа утверждения толерантности и профилактики экстремизма, у экстремистов находятся средства, чтобы бесплатно рассовать по почтовым ящикам книгу «Еврейская оккупация России».

Для эффективного противодействия необходим более точный диагноз явления, ибо у него есть особенности в каждой стране. В России распространяется экстремизм ксенофобского толка, основанный на этнорасовой нетерпимости, а также политический экстремизм неофашистского толка, также основанный на идеях группового неравенства и отторжении культурных различий, на пропаганде тоталитарного порядка и ненависти. Именно эти формы наиболее опасны для страны с многоэтническим составом населения. Расизм может существовать и в обществах, где нет особого расового многообразия. Экстремисты придают расовый смысл даже малейшим и воображаемым внешним различиям граждан. Так, например, клише «лица кавказской национальности» и все, что из этого проистекает мерзкого, в том числе и задержания милицией лиц с темными волосами, это есть расизм, в отправлении которого, к сожалению, участвуют и представители власти.

Формой расизма и ксенофобии является и антисемитизм – враждебная пропаганда и действия в отношении конкретных евреев или в отношении еврейского народа и культуры в целом. В СССР антисемитизм существовал больше на государственном уровне. В современной России от этого почти удалось избавиться, но антисемитизм переключился на общественно-политический уровень и оказался в арсенале не только маргинальных слоев, но и заметных политических сил и экспертных групп. Снижение уровня антисемитизма в обществе отчасти «компенсировали» антикавказские фобии и антииммигрантские настроения, а также проявления религиозного экстремизма. В самое последнее время ситуация стала ухудшаться по причине резкой актуализации этой проблемы, а значит, и ее пропаганды (хотя и в форме отрицания и осуждения) через средства массовой информации. Многие журналисты никогда не согласятся с тем, что именно они могут стать причиной «новой волны», но это так. Ибо акт речи способен вызывать реальность, а тиражированные слова могут стрелять сильнее пули.

Если Владимир Познер сажает рядом с собой Владимира Жириновского, а во всех телевизионных ток-шоу присутствует Алексей Митрофанов с их разжигающими вражду заявлениями и репликами, а Савик Шустер не может справиться с расистской демагогией губернатора Краснодарского края Александра Ткачева, то в итоге среди миллионной аудитории телезрителей после каждой из подобных передач появляются новые рекруты экстремизма. Обывателю некогда разбираться в митрофановской лжи, что «попробуйте поехать в Баку торговать – там неазербайджанца сразу же выбросят с рынка». На самом же деле и в Баку, и в Ташкенте на рынках торгуют люди самых разных национальностей, но российскому обывателю ответ уже подсказан – выбрасывать азербайджанцев с российских рынков.

По этой причине *важнейшей стратегией противодействия экстремизму должна быть политика отказа в публичности*. На экранах телевизоров и в печати не только не должны появляться и цитироваться теоретики и активисты экстремизма, но сообщения на эту тему должны носить дозированный и целенаправленный характер без пересказа аргументов и показа «как это можно делать». В большой стране всегда найдутся параноики и неустойчивые элементы, которые воспримут теледемонстрацию парада баркашовцев в Москве или боевую раскраску скинхедов как приглашение к подобному действию. Если трансляции двухлетней давности историй с Макашовым и с баркашовцами увеличили, а не уменьшили число их сторонников в стране (а это так и есть), тогда мое замечание в адрес СМИ справедливо. Пора прекратить строить драматургию всех главных общественно-политических телепередач на опасных эпатажах лидеров ЛДПР!

Следующей *стратегией противодействия является просвещение граждан, их знакомство с культурным многообразием жителей страны, историей нетерпимости, геноцида и других преступлений, которые принес людям экстремизм*. Иступленный поиск культурной уникальности, «национальных характеров», «исконного образа жизни», «исторических несправедливостей», внутренних и внешних врагов приводят к ужесточению разделительных линий между гражданами одного государства. Российский народ имеет гораздо больше общих культурных и исторических ценностей и социальных норм, чем различий между гражданами по причине их этнической или религиозной принадлежности. Уровень повседневного взаимодействия людей в многоэтнических сообществах и коллективах (включая семейно-родственные) на порядок выше, чем среди представителей политических и интеллектуальных элит, которые никак не могут даже выговорить слова «российский народ» и «россияне». А уж чеченцы для них – это вообще этнографический реликт с родо-племенной

социальной организацией и законами шариата. Хотя современные чеченцы жили и живут по тем же советским и российским законам и носят российские паспорта, не желая их обменивать на какие-либо другие.

Экзотизация этнических общностей и придание этничности фундаментального характера чреваты дальнейшей разобщенностью граждан. Именно это создает фундамент для стереотипов и ксенофобии. Если в части российских школ детей учат быть «настоящим якутом» или «настоящим татаринном», а не россиянином и ответственным гражданином своей страны, такая национальная система образования является несостоятельной. У нас же до сих пор живет советское клише, по которому «национальная школа» – это не общероссийская, а «адыгейская», «башкирская», а теперь и «русская» и т. д. В некоторых школах и вузах используются книги, в которых излагаются замшелые, питающие расизм взгляды и представления. В них содержатся вопросы к ученикам: «определите свой расовый тип» и тому подобная чепуха. С этого разглядывания школьниками друг друга и начинается расовое мышление, а вслед за ним могут формироваться расистские взгляды.

Школьные и вузовские программы и тексты за последние годы наполнились ненавистническими интерпретациями прошлого. В одном городе или даже школе учебники истории в зависимости от языка могут содержать противоположные версии событий, восхвалять и клеймить одних и тех же культурных героев. К этому добавляется зуд сносить или восстанавливать памятники, переименовывать улицы, менять символику. Лишь бы обозначить «свое», исключительное, а не общее – будь оно славным или трагическим. *Образование, не только молодежи, но и взрослых, должно включать правдивую информацию об истории геноцидов, антисемитских погромов и сталинских репрессий, но оно не должно превращать прошлую коллективную травму в предмет сакрального значения и питать идеи реванша и «исправления прошлого» за счет новых несправедливостей.*

Современный экстремизм питается не только прошлым, но и новыми мифами и политическими спекуляциями. Одна из них – намеренно апокалиптическая оценка жизни и событий в стране за последние годы в целях борьбы за власть. Политики – от Явлинского до Зюганова, а также каждое новое правительство не могут признать те бесспорные позитивные перемены, которые произошли в России. Стараниями политиков и плохих обществоведов в стране царит риторика жалоб, разжигающая ненависть и экстремизм. Но ненависть нуждается в адресате, и его находят в «мигрантах», «евреях», «кавказцах», «антипатриотах», «западниках» и прочих «не наших».

Следующая стратегия – это общественный мониторинг экстремизма, его профилактика и нейтрализация на низовом уровне. Если в классе

учителя не реагируют на обидные клички этнического содержания, появившиеся среди детей и подростков, и не знают, как этому противодействовать, то это плохо. Если родители или преподаватели училища никак не реагируют на то, что молодой человек обрил голову и стал носить черную одежду, а у его кровати появились портреты разных фюреров, то это уже очень плохо. Если взрослые жители и общественные организации не могут остановить появление на улице молодежных групп со свастикой и спокойно взирают, как у их дома продают расистскую литературу, то это уже беда. Если чиновники или другие владельцы помещений сдают помещения для собраний подобных групп, а владельцы типографий готовы печатать все, за что платят, то это есть соучастие в преступлении.

Общество должно мобилизовать свои ресурсы на противодействие экстремизму, понимая, что его жертвами будут не евреи, цыгане, азиаты и прочие, а все граждане. Для этого нужны не только разовые акции, но и повседневные действия массового характера. Нельзя проходить равнодушно мимо нарисованных свастик, а тем более не стоит бояться пойти в суд или выступить экспертом по делам против разжигания розни. В России пока мало общественных советов и групп, которые вели бы подобную работу квалифицированно.

Профилактика и нейтрализация экстремизма нуждаются в поднятии моральной планки, определяющей, что в обществе допустимо и что нет, когда речь заходит об этнической или религиозной принадлежности граждан. Недопустимо в газетах помещать материалы с заголовками типа «Цыгане убили детей», «Неустановленные лица кавказской национальности застрелили банкира» и т. п. Грязный язык СМИ мало кем отслеживается, а уж тем более наказывается. Поэтому поднять планку должно прежде всего само общество, его элита, экспертное сообщество. Ведь прежде чем антисемитские басни про разные «ксении» и «химеры», которые проникают в «тело этноса» и пожирают его, попадают в головы простых людей, все это миллионными тиражами уже было издано в трудах Льва Гумилева. Почти вся экстремистская литература прибегает к ссылкам на более солидные издания и авторов, у которых часто те же аргументы, но только в псевдонаучных формах. Нужны серьезные разговоры и конференции среди экспертов и публицистов на эту тему с выводами научного, морального и административного характера.

Необходимы меры общественного воздействия и нейтрализации в отношении тех, кто уже «вне системы». Разные листки и газетенки, а также группы возникают сначала робко и крепнут, не получая отпора. Наоборот, часто встречают поддержку: «Давайте, ребята! Может, вы и правду говорите». Если вместо этого серьезные и образованные люди найдут время заняться переубеждением, если они смогут предложить «писате-

лям» и «теоретикам» экстремизма серьезные контраргументы и альтернативные занятия, число рекрутов в эту среду станет меньше. Нельзя занимать позицию, что эта часть граждан – прирожденные подонки и всех их «убить мало». Экстремистами не рождаются, ими становятся. И мы все в чем-то за это несем ответственность.

Отсюда вытекает *еще одна стратегия – политика вовлечения несистемных экстремистов в более цивилизованную среду, а лидеров активистов – в, условно говоря, истеблишмент*. За последние годы совершили позитивную эволюцию часть лидеров националистических организаций в Поволжье и на Северном Кавказе. Спокойнее ведут себя некоторые в прошлом громогласные активисты национал-шовинистического толка. Заседают в Государственной Думе или конструктивно сотрудничают с региональными властями. Не пробейся они в истеблишмент, неизвестно, какова бы была их эволюция. Истеблишмент комфортен и лучше вознаграждает. На виду и при деле быть лучше, чем отираться по подмосковным или тольятинским закоулкам. Антисемитизм и другую ксенофобию в голову вбить легче, чем избавиться от нее, но все равно это возможно. В этой же связи нельзя исключать необходимость диалога, в том числе и антиподов или заклятых ненавистников друг друга.

Самая важная стратегия – это государственное воздействие, в том числе правовое преследование экстремизма. В Уголовном кодексе РФ есть статьи, предусматривающие наказание за разжигание межнациональной и межрелигиозной розни и за оскорбление национальной чести и достоинства. Статьи сформулированы плохо, ибо нужно подвергать наказанию не за смутно понимаемые даже учеными дефиниции вроде «национальной чести», а за разжигание (подстрекательство), умышленное или неумышленное, любой формы межгрупповой розни среди граждан и (или) за осуществление насильственных действий на этой основе. Что касается «национальной чести и достоинства», то, видимо, речь должна идти об оскорбительных словах и действиях в отношении тех ценностей, норм и представлений, которые коллективно почитаются представителями той или иной общности (народа, верующей общины) и оскорбление которых наносит безусловный моральный ущерб представителям этой общности.

Но даже в нынешней форме, как показал мой опыт участия в экспертизе по делам Безверхова, Максимовского, Корчагина, закон может и должен работать. Причем работать последовательно и настойчиво и по всей стране, а не просто в виде показательного процесса с шумной прессой и опять же негативной рекламой. И здесь главное – это неготовность нашей судебной системы. На мой взгляд, называть печатно христианство «жидовствующей ересью» или евреев – «унтерменшыша-

ми», а цыган – «ублюдками» – это безусловный криминал, требующий наказания. Но каковы знания и представления рядовых прокуроров, судей, судебных заседателей, если многие из них сами мыслят на уровне бытовых стереотипов? Здесь нужны простые и убедительные памятки и справки, нужны семинары и профессиональная специализация. Можно направить за рубеж ведущих и рядовых работников правоохранительных органов или пригласить коллег-специалистов из-за рубежа для того, чтобы воспринять опыт таких стран, как Германия, США, Франция. Нужны учебные программы и пособия для юридических институтов, для школ МВД и многое другое, чтобы переломить ситуацию в правоохранительных органах.

Государство несет главную ответственность за противодействие экстремизму, и оно должно инициировать все необходимые меры и осуществлять необходимые действия по защите общества. Но и общественности пора прекратить беспомощные завывания. Все это заканчивается стыдными для страны визитами в МИД иностранных послов и резолюциями международных организаций с целью унизить и наказать Россию.

Есть ли конфликт в Марий Эл?*

Это может выглядеть претенциозно, но попытаюсь сделать анализ ситуации на основе одного дня пребывания в Республике Марий Эл. Если судить по результатам социологических опросов, проведенных в последние годы Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории, а также по итогам беседы с ведущими учеными-обществоведами, в республике нет серьезной напряженности в межэтнических отношениях и скрытых конфликтов на этнической или религиозной почве. В 2001 г. только 16,7% респондентов «ощущали угрозу возникновения в республике межнациональных конфликтов», а 59,7% заявили об отсутствии такой угрозы. В то же время в реальной жизни 46,5% опрошенных сталкивались с неуважительным отношением к человеку другой национальности, при этом одна четвертая часть марийцев (24,3%) и 8,4% русских встречались часто с «оскорблением национального достоинства» в общественных местах (транспорт, магазин и т.п.).

В Марий Эл зарегистрировано 121 религиозное объединение (на 1 января 2002 г.), из которых 76 – православные (в том числе 5 старообрядческих), 22 – протестантских (пятидесятники, адвентисты седьмого дня, евангелисты, лютеране, иеговисты и другие), 17 – мусульманские, 2 – древнемарийское язычество, 2 – восточные религии, 1 – новые религии (Церковь последнего Завета), 1 – еврейская община хасидов. Религиозная ситуация отличается специфической ролью неоязыческих культов, или так называемой традиционной марийской религией, которая по Конституции республики имеет равнозначный статус с православной церковью и мусульманством. Марийское неоязычество возникло в начале 1990-х годов на волне радикально-демократических и националистических движений и в условиях возвращения религии в общественную жизнь после длительного периода политики государственной атеизма. В республике появились категория самозванных языческих жрецов со своей внутренней иерархией, сезонные марийские моления в священных местах (имеется 124 молельные лесные рощи), межрайонные моления. Языческие жрецы не претендуют на политическую роль, но пользуются определенным влиянием среди местных общин марийского населения. Председатель Всемарийского Совета – Онъыжа Виктор Николаев заявил во время нашей встречи, что его организация будет создавать республиканский совет традиционной марийской религии.

* Работа написана в сентябре 2002 г. для бюллетеня «Сети этнологического мониторинга».

РПЦ пользуется наибольшим влиянием среди конфессий. Епископ Йошкар-Олинский Иоанн заявил во время нашей встречи, что примерно 90% горномарийцев и 60% луговых марийцев исповедует православие, и «если не считать тоталитарные секты, то межрелигиозная ситуация в республике стабильная». РПЦ проводит активную миссионерскую политику. За 10 лет руководства Иоанном местной епархией число церквей выросло с 9 до 68, издаются религиозные газеты в форме брошюр (как сказал Иоанн, «в деревнях обычные газеты привыкли использовать не только для чтения») на горномарийском и лугомарийском языках. Половина священников из числа этнических марийцев и 70% священников говорит на марийских языках. Резко отрицательно РПЦ относится к неоязычеству, которое, по мнению Иоанна, не имеет исторических корней («языческие моления – это коллективные попойки, а их заклинания – это сатанинство»). Некоторые марийские лидеры (В. Николаев) считают, что православие в республике переживает кризис.

Иоанн дал довольно спокойную оценку местного ислама, который исповедуется местными татарами, хотя заявил, что особых связей между РПЦ и мечетью не существует. Однако его тревогу вызывают попытки распространить влияние более радикального варианта ислама из Камского региона Татарстана. Особенно это чувствуется в соседнем с Татарстаном Парангинском районе. Однако наша встреча с местным муфтием (мечеть района Ремзавода) показала, что особых связей с муфтием РТ не существует, и муфтий Татарстана Гусман-хазрат Исаков даже ни разу не посетил республику. Как сказал муфтий, «мы себя контролируем, ибо знаем, что за нами внимательно следят, но из жизни республики не исключают».

Мечеть нуждается в материальной поддержке («мечеть не финансируется, а церкви – да»), и муфтий очень заинтересован в установлении более тесных контактов с Федеральным инспектором по республике Алексеем Чапайкиным и с местными властями, чтобы получить средства на достройку мечети.

Из «нетрадиционных» религий в республике в последние годы образовалась община американской Церкви на скале, которая находится под крылом церкви пятидесятников и действует главным образом среди марийцев.

По свидетельству вице-премьера правительства Марий Эл и министра культуры М. З. Васютинина (мариец по национальности), «финно-угорский мир отличается толерантностью, и республика является частью этого мира». Для основных этнических групп создана система культурных центров и из средств государственного бюджета поддерживаются республиканские центры русской, марийской, татарской, чувашской и удмуртской культуры. Вокруг центров группируются общест-

венные организации. Имеются программы, которые финансируются правительством (строка в бюджете «национальные отношения» предусматривает 1,8 млн. рублей на 2002 год). Эти средства расходуются на проведение фестивалей, праздников, конкурсов, издания книг и т.п.

В республике издаются двуязычные (русско-марийские) газеты, в том числе молодежная газета, а также имеются радио и телепередачи на горномарийском и татарском языках. Объем телевидения на марийском языке в 2001 г. составил 42% при общем объеме республиканского телевидения 750 часов. Примерно такой же объем эфирного времени (общий объем вещания 1200 часов в год) составляют радиопередачи на марийском языке. В 2001 г. на подготовку и выдачу в эфир теле и радиопередач на марийском языке было израсходовано 4,5 млн. рублей из федерального бюджета и 1,5 млн. рублей из средств от рекламно-коммерческой деятельности. В бизнесе марийцы представлены слабо и поэтому частных источников финансирования на этнокультурную деятельность не существует.

В последние годы правительство осуществляет программу развития общемарийских связей на основе соглашений с другими республиками и областями, где проживают марийцы. Имеются контакты с Эстонией, Финляндией и Венгрией в рамках финно-угорских связей. В Марий Эл в 2002 г. были проведены Дни чувашской и Дни удмуртской культуры с участием гостей из Чувашии и Удмуртии. Действует Союз татарской молодежи Республики Марий Эл «Мирас» (Наследие).

Нет серьезных оснований говорить о негативной динамике межэтнических и межрелигиозных отношений в республике. Тем не менее, после последних выборов главы республики в декабре 2000 г. произошла актуализация «межнационального конфликта» в Марий Эл. Об этом свидетельствуют серия публикаций в местной прессе, проведение внеочередного 6-го съезда марийского народа, публичный митинг в защиту национального театра и некоторые другие факты. Более того, в одной из ведущих финских газет появилась серия негативных публикаций о положении марийцев в республике и об угрозе рассмотрения этого вопроса на Совете Европы. В чем суть данного конфликта?

Основной вопрос в сфере межэтнических отношений – это взаимоотношения между представителями основных общин: русских и марийцев. В силу исторических, демографических, социокультурных факторов русские и марийцы находятся в разном положении. Русское население проживает преимущественно в городах, поселках городского типа, а в сельской местности – в центральных усадьбах. Марийцы в основной своей части – это сельские жители, занятые в аграрной экономике, которая переживает кризис. Марийцы занимают менее привилегированное

положение по условиям жизненного комфорта, они не обладают теми ресурсными возможностями для получения образования, медицинских и прочих услуг, а также для предпринимательской деятельности, которыми располагают городские жители. Как среди городских жителей, так и среди сельского населения существует существенная разница между русскими и марийцами, прежде всего в плане их социально-профессионального статуса. Особенно это проявляется в сфере политического представительства и государственного управления, где марийцы явно недопредставлены.

Конфликт по поводу власти существует в республике последние 10-12 лет с момента оформления марийского общественного движения «Марий ушем». Однако в период правления двух предыдущих президентов республики Владислава Зотина (горномарийца по этнической принадлежности) и Вячеслава Кислицына (русского из числа местных жителей, бывшего председателя колхоза) республиканские власти проводили более гибкую политику в сфере межэтнических отношений и достигали определенного согласия с лидерами марийского движения на путях их включения в управленческую элиту. При первом президенте в его команде была представлена группа авторитетных марийцев, некоторые из которых совмещали государственные посты с руководством в организации «Марий ушем» и тем самым осуществляли внутри марийского движения пропрезидентскую политику, нейтрализуя антиправительственные настроения. При марийце В. Зотине пост Государственного секретаря республики занимал известный марийский писатель Николай Рыбаков, пользовавшийся влиянием среди марийской творческой интеллигенции. Правительство В. Зотина проводило гибкую политику в данной области и оказывало материальную помощь марийскому движению, в частности финансировало проведение съездов марийского народа.

Более авторитарный режим В. Кислицына, который выиграл выборы 1996 года у марийского «национального» кандидата, также смог обеспечивать хотя бы внешнее благополучие в сфере межэтнических отношений и поддерживать имидж Марий Эл как бесконфликтного региона. Имея опыт работы с сельским, преимущественно марийским населением, В. Кислицын проводил политику «кнута и пряника», жестко контролируя свой аппарат и местные администрации и одновременно предоставляя щедрые подарки и субсидии из средств государственного бюджета, в том числе и на содержание правления организации «Марий ушем».

Нынешний конфликт обострился после президентских выборов 2000 года, на которых одержал победу Леонид Маркелов, нанеся поражение Кислицыну и марийцу Ивану Тетерину, которого поддерживал лидер марийского движения Виктор Николаев. Эрудированный и внеш-

не демократичный Маркелов – уроженец Москвы и недавний житель республики. Его команда сформирована из городской молодежи, которая не имеет должного опыта управления в условиях многоэтничного общества и недостаточно понимает этнокультурную специфику республики. Кадровые назначения нового президента были восприняты как проявление шовинистической, «антимарийской» политики. Особое недовольство вызвали назначения на посты министров образования и по делам печати и информации, которые традиционно были более всего связаны с реализацией этнокультурных запросов марийцев (преподавание марийского языка, издание литературы и вещание на марийском языке и т.п.) и занимались этническими марийцами.

Новый министр образования Галина Швецова допустила некорректные высказывания по вопросам обучения марийскому языку и упразднила в своем министерстве отдел национального образования. Недовольство местной общественности, в том числе и марийской, вызвало назначение на должность полномочного представителя Республики Марий Эл при Президенте РФ казаха по национальности Жаудата Ханалиева и избрание в качестве членов Совета Федерации РФ от республики ставленников Маркелова из числа москвичей, не имеющих отношения к республике. В итоге в составе руководителей министерств и ведомств, их заместителей, а также в администрации самого президента число лиц марийской национальности заметно сократилось. Межэтнический диалог и сотрудничество были нарушены прежде всего на уровне власти, хотя сама ситуация в сфере межэтнических отношений радикально не изменилась по сравнению с предыдущими годами. Однако этого оказалось достаточно для возникновения напряженности.

Повод для обострения ситуации был создан решением Правительства слить два национальных марийских театра (драматического и юного зрителя) и увольнением с должности директора театра Виктора Николаева и режиссера Пиктеева. Министр культуры Васютин объяснил это решение тем, что национальный драматический театр переживал глубокий кризис, а его помещение руководители театра использовали для «организации притона и обогащения». Это решение вызвало негативную реакцию среди части марийской общественности, вплоть до организации митинга против «геноцида марийского народа». Митинг состоялся сразу после очередного спектакля. На него приехали и выступали с резкими заявлениями активисты радикально-националистического татарского движения ТОЦа, а также представители оппозиции нынешнему президенту из числа местных политиков.

Одним из ответов руководства республики на обострение ситуации стало создание «альтернативного» Марийского национального конгресс-

са во главе с пенсионером С. И. Ивановым, бывшим руководителем национального театра. На нашей встрече Иванов заявил, что «народ поддерживает нас, а мы – правительство». Свою главную задачу он видит в помощи руководству в осуществлении программы социально-экономического и культурного развития республики («Маркелов наладил отношения с центром, начали строить дороги, осуществлять газификацию, открыли горномарийский молодежный театр в г. Козьмодемьянске, появились молодые марийские драматурги»).

В целом в Республике Марий Эл существует два уровня межэтнических проблем, которые взаимосвязаны, но имеют разную природу. Один уровень – это верхушечный конфликт местных элит, который проходит по линии русско-марийских отношений в сфере доступа к власти и к ресурсам. Этот конфликт может быть разрешен более гибкой и более эффективной политикой со стороны руководства, если оно способно осуществить данную коррекцию. Другой уровень конфликта имеет более фундаментальную основу и связан с пониженным статусом марийской культуры и языка и с социальным положением сельского марийского населения. Здесь необходимо решать фундаментальные вопросы социально-экономического развития села, развития местного самоуправления, обеспечения более качественного и конкурентного образования для молодежи, поддержки малого марийского бизнеса, будущего марийского языка. Эти вопросы руководство и общественность республики не смогут решить без помощи федеральных властей и международного содействия по линии программ развития и утверждения демократии.

Об обновлении концепции национальной политики *

Прошло семь лет после утверждения Указом Президента РФ Концепции государственной национальной политики Российской Федерации. Есть резон обновить этот документ с учетом изменений в реальной жизни и новых идей по поводу управления сложным многоэтническим обществом. Как обновить концепцию?

Во-первых, следует изменить само название данной сферы политики и государственного управления. «Национальная политика» – это политика обеспечения национальных (государственных) интересов страны и российского общества на внутренней и международной арене. То, что несколько десятилетий называлось «национальной политикой», на самом деле есть политика в отношении российских национальностей, или этническая (точнее – этнокультурная) политика. Именно так эта сфера общественной жизни и управления называется в других странах, даже в тех, кто пребывал под воздействием австро-марксистских, затем – марксистско-ленинских концепций «национального вопроса». Взаимоотношения федеральных властей с республиками, конечно, гораздо шире, и они не ограничиваются сферой этнокультуры, но эти отношения – от экономики до политики – есть отношения государственно-административного образования (субъекта федерации) с федеральным уровнем власти и органами власти других субъектов. Сюда входят и общественные связи, скажем, населения Татарстана или Удмуртии с населением остальной страны или какого-то другого субъекта федерации (скажем, соседних). Все это не стоит делать предметом этнокультурной политики, тем более, что так оно и есть на практике: приезжая в Москву, президенты Татарстана и Удмуртии посещают и решают вопросы со многими руководителями – от президента страны до руководителей министерств.

Во-вторых, следует более четко определить цели и содержание этнической (этнокультурной) политики. Действующая концепция содержит важные и значимые формулировки, но есть ряд проблем и направлений, которые в ней были обозначены недостаточно. Если говорить об общей стратегии, то должен быть сформулирован основной принцип политики в данной сфере – это обеспечение условий для равноправной интеграции граждан любой этнической принадлежности в общероссийское социально-экономическое и культурное пространство, т. е. не только сохранение культурного своеобразия! Эта двойная стратегия больше от-

* Бюллетень «Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов», N48, 2003

вечает интересам рядовых граждан разных национальностей, которые хотят, чтобы их дети разговаривали без акцента и писали сочинение без ошибок на русском языке, чтобы поступить в хороший вуз и получить образование. Лидерам НКА и крайним националистам из числа интеллигенции это может не понравиться, хотя их собственные дети ходят в английские спецшколы, а не учат удмуртский или марийский языки.

В-третьих, нужно концептуально обозначить такое направление, как противодействие разным формам крайнего национализма и экстремизма, включая вооруженную сепессию и религиозный экстремизм. Семь лет тому назад эта угроза не была столь ясна, и политический ответ носил импровизационный характер. Теперь есть необходимость вспомнить положение документа 1992 г., который обсуждался на заседании Правительства и не был одобрен, о том, что политика должна предусматривать меры по нейтрализации позиций крайних националистов и экстремистов. До сих пор никто «санитарией» межэтнических отношений не занимается, кроме правоохранительных органов в самых крайних случаях.

В четвертых, следует более широко представить направления собственно этнокультурной политики, начиная от концептов образования и языковой политики. Что есть «национальная школа», особенно «русская национальная школа»? В стране есть национальная (общероссийская) система образования, которая должна носить более богатый и инклюзивный с точки зрения разных наследия и традиций характер, а также иметь региональный и этнокультурный компонент там, где это необходимо для той или иной общины. Кто спонсирует дополнительные усилия в этой сфере? Где пределы разнообразия и в чем состоят обязательные параметры государственного образования?

Насчет языковой политики нынешняя концепция не имеет четкого ответа, а проблем здесь много. Как бы ни было сложно, но нужно менять содержание понятия «родной язык». Родной язык означает основной язык владения и использования (так по Ожегову и по международным стандартам). Русский язык является родным для миллионов россиян не русского этнического происхождения. Родных языков может быть два, если человек в равной степени владеет и пользуется обоими языками, считая их родными (и они не обязательно должны быть так называемым «языком своей национальности»).

В-пятых, следует значительно обновить разделы, касающиеся миграции и соотечественников за рубежом. Сейчас существуют отдельные концептуальные документы по данным политическим сферам, но у миграционной политики есть этнические и религиозные аспекты, как и у диаспорных связей через государственные границы. Пока могу сказать одно: процесс «диаспоризации всей страны» должен быть остановлен.

Граждане государства, проживающие на его территории, не могут считаться диаспорой, как не являются диаспорами татарская или чеченская общины в Москве. Иначе нам придется причислить к диаспорам половину населения страны.

Наконец, действующая концепция должна по-новому прописать ресурсы и механизмы исполнения этнокультурной политики, обозначив сферы ответственности многих министерств и ведомств: от Минфина до Главархива. Особо следует прописать координирующую роль министра, отвечающего в Правительстве за эту политику.

Важно учесть, что действующая концепция не настолько плоха, она создавалась с учетом мнения всех субъектов федерации и федеральных ведомств и была ими одобрена. Пока обновленный документ не пройдет тот же самый процесс, старый остается в силе.

Объяснение России*

Из всех слов, произнесенных президентом В. В. Путиным до совещания 5 февраля в столице Чувашии Чебоксарах, меня больше всего «грели» слова президентского новогоднего тоста «За российский народ!», произнесенные под Новый 2004 год. В Чебоксарах в спокойной манере, но в сложной аудитории (в присутствии глав ряда российских республик) президент сформулировал принципиально важное положение, над которым следует поразмыслить более чем серьезно. Путин напомнил, что еще в советские времена говорили о единой общности – советский народ, и под этим были определенные основания. «Полагаю, что сегодня мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации... Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя единым народом. Они используют все свое богатство, культурное многообразие в интересах всего общества и государства. И мы обязаны сохранить и укрепить наше национальное историческое единство», – сказал Президент.

Десять лет тому назад президент Б. Н. Ельцин упомянул о гражданской российской нации в тексте своего ежегодного послания. Правда, речь шла о задаче на будущее (обычно в таких случаях используются слова «формирование» или «нации-строительство»), т. е. исключительно о проекте. В ответ сразу же появились недовольные статьи Э. А. Баграмова, М. Н. Руткевича и открытое письмо президенту Р. Г. Абдулатипова, выступления других «нациеведов». Националистически ориентированные политики из республик также не скрывали своего недовольства по поводу «ошибки», совершенной президентом «по подсказке сторонников западных рецептов», которых ревнителю этнического национализма еще с советских времен называли «национальными нигилистами». В ход были пущены обычные аргументы ортодоксальных ревнителей «национального вопроса»: концепция «советского народа» была вредной фикцией, и попытка его сотворить обернулась распадом страны; в стране уже существуют нации, и никакой общей нации быть не может, а ельцинские «дорогие россияне» – это эвфемизм, ничего не значащее слово, схожее по смыслу с «марсианами».

Таким образом, этнонационализм под прикрытием конституционной записи о «многонациональном народе» удерживал свои позиции все эти годы, а в ходе всероссийской переписи населения 2002 года и по-

* Работа написана в феврале 2004 г. для бюллетеня «Сети этнологического мониторинга», но не опубликована

следних парламентских выборов расцвел пышным цветом. Татарские националисты пытались убедить как можно большее число граждан страны в том, что важнее «записаться татаринომ», нежели «вписать себя в историю России». Дагестанское руководство под лозунгом сохранения стабильности продолжало настаивать на том, что в республике живут только 14 официально признанных «коренных малочисленных народов», среди которых оказались входящие в первую десятку по численности русские и аварцы. Националисты шовинистического толка, или так называемые «национал-патриоты», достаточно успешно играли на лозунгах типа: «Мы – за бедных! Мы – за русских!» – и на этом дружно прошли в состав новой Государственной думы.

У меня нет никакой уверенности в том, что изложенный президентом страны взгляд на национальную общность россиян, а значит, и на Россию как на национальное государство, быстро найдет поддержку и понимание, особенно среди этнических предпринимателей, которые используют «национальность» в качестве инструмента для манипулирования избирателями и распределения власти и ресурсов. Не готово и экспертное сообщество воспринять новый язык и новое видение страны, ибо среди «специалистов по национальному вопросу» по-прежнему доминируют люди, построившие свою карьеру на разработке проблем интернационализма и дружбы народов. В последнем меня убедило недавнее заседание экспертного совета при вновь сформированном комитете Государственной думы по делам национальностей. Свежие депутаты, старые ученые и несменяемые национальные лидеры несколько часов говорили на языке, на котором невозможно написать ни одного закона, не нарушив основополагающие принципы равноправия граждан и не пробив новые разделительные траншеи среди российского народа. Остается еще надежда на завершающуюся работу по обновлению «Концепции государственной национальной политики», которая может послужить доктринальной основой для законотворчества и для конкретной политики в данной сфере общественной жизни и управления. Но и здесь нужны не простая коррекция, а более фундаментальные изменения, включая само название документа.

Термины «национальный вопрос», «национальная политика», «национальные отношения» и другие языковые производные утвердились в отечественной научной традиции и в общественно-политической практике в советское время и были связаны прежде всего с идеологией «социалистического государствовоительства» на основе этнонационализма, т. е. признания за этническими общностями права называться «нациями» и отказа от признания в качестве нации гражданского (государственного) сообщества, как это принято во всем мире.

Попытка исправить этот недостаток была предпринята в 1970-80 гг. в форме утверждения концепции «советского народа как новой исторической общности». Однако излишняя идеологизированность этой доктринальной новации не позволила ей утвердиться в полной мере, хотя советский народ как гражданско-политическая и как социально-культурная общность, безусловно, существовал. Эта общность во многих своих проявлениях сохраняется до сих пор, и она еще не скоро исчезнет.

С образованием Российской Федерации в ее новой территориальной конфигурации утверждение общегражданской идентичности в форме «российского народа», «россиян» как многоэтнической гражданской нации произошло не сразу и даже намеренно отвергалось частью ученых и политиков, хотя население новой России имеет высокую степень социально-политического и историко-культурного единства. Инерция прошлого, консерватизм экспертного сообщества и этнический национализм части политической элиты и общественных активистов мешали все эти годы более энергичному утверждению представления о России как о состоявшемся государстве-нации и о российском народе как о гражданской нации. Тем не менее, понятия «национальные интересы», «национальная безопасность», «лидер нации», «здоровье нации» и многие другие производные от гражданско-политического смысла слова «национальный» достаточно прочно утвердились в научном языке и в общественно-политической практике последних лет. Подавляющее большинство населения ставят свою гражданскую идентичность («россиянин») на самое высокое место, несмотря на существование различных форм этнического национализма.

В этой ситуации дальнейший отказ от гражданско-политического содержания понятия «нация» представляет собой самое существенное препятствие обеспечению единства российского народа. Никакие формулы о «дружбе народов» и «интернационализме» не могут заменить отказ от формулы гражданской нации.

Признание российского народа в качестве единой гражданской нации не отменяет наличие в России этнических общностей («народов» или «национальностей»), и с учетом давней традиции использования термина «нация» на данном историческом этапе вполне возможно сохранить двойной смысл этого словоупотребления: нация как согражданство – и этнонации как этнические сообщества (или «народы-этноты»).

Исходя из вышеизложенного, невозможно сохранять старое название документа и продолжать пользоваться термином «национальная политика» в его этническом смысле. Национальная политика – это политика обеспечения национальных интересов государства во внутренней и внешней сферах. Политика в отношении российских национальностей

(этнонаций) и управления межэтническими отношениями должна называться «этнонациональной политикой».

Данная доктринальная новация не затрагивает конституционных основ Российской Федерации, но именно концепция как документ, отражающий современную ситуацию и перспективы развития, представляет собой наиболее приемлемую форму обновления языка и смысла российской политики и государствовоительства.

В мировой практике данная сфера политики и государственного управления называется чаще всего «этнической политикой» (ethnic policy), «этнокультурной политикой» (ethnocultural policy), «политикой меньшинств» (minority politics), «политикой многокультурности» (multicultural policy) и т. п. Для России термин «этнонациональная политика» представляется наиболее оптимальным: он не лишает «национального» статуса этнические общности и позволяет использовать термин «нация» и «национальная политика» в общегосударственном, гражданском смысле.

Террор и мораль*

С террором невозможно мириться, потому что террор направлен против невинных людей и против человеческой жизни как высшей ценности. Трудно смириться с тем, что погибло так много красивых людей, большинство которых еще только начинали свою жизнь в этом скромном, но очень достойно выглядевшем городе Республики Северная Осетия. От имени всего сообщества российских этнологов и от имени членов Сети этнологического мониторинга я выражаю глубокие соболезнования всему народу Северной Осетии, включая членов Сети этнологического мониторинга Александра Дзадзиева и Льва Дзугаева, которые потеряли своих близких в этой трагедии. Мы выражаем соболезнования и поддержку президенту республики Александру Сергеевичу Дзасохову.

Россия не смирится с террором и одержит победу в этой трудной борьбе. В равной мере невозможно мириться с позицией, которая провоцирует, поддерживает и оправдывает террор или которая использует терроризм в утилитарных политических целях. Две недели после Беслана были наполнены не только выражениями соболезнования, но и размышлениями о том, какие уроки должны извлечь из случившегося общество и государство. Помимо уже высказанного экспертами по терроризму, политиками и рядовыми гражданами, отметим несколько направлений, которые необходимо отслеживать и которым следует противостоять в борьбе против терроризма. Речь идет не о правовых и организационных мероприятиях и даже не о политических мерах, а об идеологических и морально-нравственных сторонах феномена современного терроризма. Речь идет о более широком круге косвенно участвующих в производстве террора, без воздействия на который с целью нейтрализации или хотя бы ограничения его влияния победить терроризм невозможно.

Трудно подвергать мониторингу террористические акты, а тем более – их предупреждать, но мониторинг терроризма как общественного явления необходим, и предупреждать его можно. А в случае уже совершенного акта важно не позволить террористам достичь своих целей и минимизировать нанесенный ущерб, чтобы не поощрять продолжение террора. Эта ситуация реакции на терроризм также поддается мониторингу. Сеть этноконфессионального мониторинга должна выработать дополнительные индикаторы по этому направлению.

Беслан подтвердил, что у вооруженного конфликта и у террора есть не только исполнители и заказчики, но и более широкий круг сочувст-

* Бюллетень «Сети этнологического мониторинга», №56, 2004

вующих, чья позиция поощряет террористов и ослабляет противодействие им. Терроризм против России и на территории России имеет моральную поддержку среди тех, для кого наша страна остается главным геополитическим соперником, и для тех, кто жаждет реванша в отношении бывшего «старшего брата». Воины холодной войны и бойцы против коммунизма никуда не исчезли: они просто стали борцами против России как «новой империи» или как страны – средоточия разных пороков. В составе «Американского комитета за мир в Чечне», особенно в его инициативной части, присутствуют более чем знакомые лица: Збигнев Бжезинский, Александр Хэйг, Макс Кампельман, Стефен Соларц, Гленн Говард, за ними следуют Мортон Абрамовиц, Николас Данилофф, Джон Данлоп, Пол Гобл, Пол Хенце, Ричард Пайпс, Питер Реддвэй, Маршалл Гольдман и еще пара десятков лиц, которые обязаны своей карьерой разного рода службам и занятиям, связанным с СССР и с постсоветскими государствами, включая новую Россию. Именно эти люди вместе с Американским институтом по исследованиям публичной политики (программа «Новая атлантическая инициатива» во главе с Радеком Сикорским) провели в декабре 2003 г. в Вашингтоне конференцию на тему «Катастрофа в Чечне». Отчет об этой конференции в Интернете вместе с биографиями выступавших – это программа продолжения вооруженной сецессии любыми средствами на Северном Кавказе и коллективный портрет ненавистников России, для которых прекращение войны в Чечне без ее отделения от России – это больше чем «трагедия чеченского народа», это – личная трагедия. Именно Бжезинский и Говард прибрали к рукам масхадовского пособника Ильяса Ахмадова и за предоставляемое скромное содержание манипулируют им в своих целях, именно они добились предоставления политического убежища этому активному участнику террористического сообщества Масхадова-Басаева. И это только два примера из деятельности так называемых общественных организаций в странах Запада, которые в изощренных академических и политических формулах поощряют террор против нашей страны.

Ясно, что пожизненная русофобия Бжезинского останется с ним до конца, как и мало вероятно, что прекратят свою борьбу с Россией те, кто посвятили этому делу значительную часть своей карьеры, получив генеральские чины, профессорские позиции и известность «ведущих специалистов». Но зачем нам, россиянам, будь это мои коллеги по экспертному сообществу, журналисты, издатели или чиновники, выдающие въездные визы, выражать подобострастие или простое равнодушие к взглядам и деяниям тех, кто отливает слова ненависти, убивающие не меньше, чем пули? Зачем переводить и издавать достаточно слабые научные и публицистические работы Пайпса, Бжезинского, Данлопа и

других, если даже в самих США современное поколение считает их вымирающими мастодонтами холодной войны? Если бы я позволил себе даже малую часть такого же отношения к США, а тем более занимался бы антиамериканской деятельностью, а не наукой, нет сомнений, что у меня были бы серьезные проблемы в отношениях с коллегами из этой страны и с получением американских виз. Почему нет никаких проблем у таких антироссийских параноиков, как американец Бжезинский или француз Андре Глюксманн? Мне это непонятно.

Могу подтвердить, что после событий 11 сентября в США я и многие российские эксперты достаточно осторожно высказывались о причине и последствиях этой трагедии, дабы не затронуть патриотические чувства американцев. Эта нация, включая прессу и ученых, была консолидирована вокруг общей беды и обсуждала, как победить террористов, объявивших войну Америке. Подвергать сомнению эту установку было трудно, а извне – невозможно без того, чтобы не получить в ответ как минимум моральные санкции. Но тогда почему со стороны России столь аморфное отношение к тем западным ученым и политикам, кто до сих пор вещают, что ФСБ взорвали жилые здания в Москве, что Масхадов и Закаев не имеют отношения к Басаеву, что террористический акт в Беслане не есть часть международного терроризма? Почему ведущий радиостанции «Эхо Москвы» в разговоре с корреспондентом CNN о происходившем в Беслане старательно заменяет слово «террористы» на почти безобидные «захватчики», «боевики» и т. п., и это лицемерие не становится хотя бы предметом критики и более разборчивого отношения к размещению рекламы и к участию в передачах этой радиостанции?

Трагедия в Беслане стала моральным падением Запада, и не следует закрывать на это глаза. Западным экспертам и журналистам никто не дает установок, кроме их самих, их спонсоров и их боссов. Тогда правомерно задаться вопросом, почему газета «Уолл стрит джорнел» 8 сентября опубликовала статью Гарри Каспарова «Путин должен уйти», а после убийства Ахмада Кадырова поместила на своих страницах мерзкую статью Глюксманна, в которой он назвал этот теракт справедливым возмездием «ставленнику Москвы» и «подлинному террористу». При этом в распоряжении газеты был текст совсем другого содержания, посвященный этим же самым сюжетам, но он не был опубликован. Кто, кроме самого автора Каспарова, несет ответственность за откровенную клевету о продолжающемся уничтожении чеченских сел российской армией и за вытекающий отсюда подстрекательский вывод о справедливости возмездия в Беслане: руководитель бюро этой американской газеты в Москве или его боссы в главной редакции? В любом случае журналистское сообщество в России должно было выразить свое отношение

к грубому выпадку влиятельной западной газеты против России и ее президента. Или в России и по отношению к России все дозволено?

Большой внешний круг симпатизирующих и моральных пособников террора против России теперь дополнился представителями новых членов Европейского сообщества, которые вышли из состава СССР или из числа его сателлитов с родовой травмой антироссийскости. Беслан показал, что у новых врагов России есть свои особо изощренные аргументы. Как считает автор книг о Чечне, польский обозреватель Хенрик Сухар, Россия виновата в том, что более 120 лет Польша отсутствовала на картах Европы, и поляки не забыли расстрелы польских граждан в Катыни: «Поэтому события в России мы оцениваем с учетом нашего прошлого, в котором накопилось много «незакрытых счетов», связанных с российско-польскими отношениями» («Известия». 2004. 7 сентября). Кто же будет следующим в своем оправдании терроризма против России? Вполне возможно это будут украинские националисты, требующие от России «закрыть счет» по вымышленной цифре в пять миллионов жертв «голодомора» начала 1930-х гг., или прибалтийские энтузиасты получения репараций с России за осуществленную модернизацию этого региона в послевоенные десятилетия. С этими новыми реваншистами что-то нужно делать и им что-то нужно противопоставлять хотя бы на уровне научных аргументов и политического воздействия, а не оставлять без внимания опасные увлечения наказанием России через независимость Чечни.

Одним из аргументов внешних сторонников террора против России являются ссылки на мнения и писания самих россиян. «О том, что за взрывами домов в Москве и Рязани (?) может стоять ФСБ, писали российские газеты» – такими словами подтверждали свою правоту докладчики на вышеупомянутой конференции в Вашингтоне. «Но ведь об этом открыто пишут Политковская и Бабицкий?!», часто можно услышать от западных коллег в дебатах по Чечне. И поэтому «Уолл стрит джорнел» не случайно опубликовала статью Каспарова: казалось бы кому еще доверять, как не столь известному гражданину России? В том и состоит драма российского общества, что его элита не консолидирована вокруг некоторых базовых ценностей, как, например, непреложное признание Конституции и легитимности законно избранной власти, которые являются обязательными для ответственного гражданина. Само понятие «ответственный гражданин» в нашем общественно-политическом языке фактически отсутствует. Отсюда развязная в отношении государства и власти обработка радиослушателей «персонально вашего» Андрея Черкизова, слова которого через два дня почти дословно повторял мне московский таксист,

выдавая их за собственное мнение. Вот уж где подлинный «фрикошет», а не в телефонных звонках слушателей известной радиостанции.

С самого начала кризиса на Северном Кавказе более десяти лет тому назад высокопоставленные деятели, а не только ученые и журналисты, позволяли себе заявления, что «Чечню нужно отпустить», что «Чечня рано или поздно все равно уйдет», что «Дагестан мы можем потерять», что Северный Кавказ – это не Россия, и подобные разрушительные сентенции. Более того, российскую государственность подрывали не только вооруженные сепаратисты, но и местные националисты, сторонники разных «национально-самоопределяющих» проектов, «народных движений» и даже «народных ополчений». Кстати, последние снова вылезли в Беслане из полулегального состояния и фактически были признаны федеральными и республиканскими властями как «освободители собственных детей». Если Конституция России не позволяет насильственное отделение ее территории и в ней не предусмотрены народные ополчения, то оба эти проявления (вооруженный сепаратизм в форме терроризма и народные освободители) есть вызов государственному порядку.

Я не ставлю в один ряд террористов и людей в тренировочных костюмах с автоматами, бегавших вокруг захваченной школы вместе с профессиональными бойцами спецназа. Но пока Северный Кавказ не станет жить строго по российским законам, его население будет страдать от хаоса и насилия, а его политикам не удастся обеспечить эффективное государственное управление, не говоря уже об успешной борьбе против террористов. Террор в Беслане снова обнаружил опасные проявления местных национализмов, которые могут спровоцировать вспышки межэтнического насилия – одной из целей террористов на Северном Кавказе. В газете «Известия» (07.09.04) уже появилась статья владикавказского профессора по поводу цивилизационной близости осетин к славянству и «решения снизу всех назревших проблем», связанных с «приходом с территории соседней республики терроризма». Под соседней республикой имеется в виду Ингушетия, которую снова обвиняют в агрессии. Эти местные взгляды мало чем отличаются от взглядов внешних пособников терроризма: все они ведут к разрушению основ государственного порядка в стране и внутри гражданского мира. События в Беслане должны раскрыть нам глаза на многое, что до сих пор оставалось незамеченным или воспринималось с благодушной терпимостью. События в Беслане не должны позволить возмущению и ненависти ограничиться верхушечными или низовыми трагическими глупостями.